ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ,

издаваемый

Михайломъ Каченовскимъ.

ЧАСТЬ XXXII.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи,

1807.

Съ одобренія Цензурнаго Комитета, учрежденнаго для Округа Императорскаго Московскаго Университета.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

МАРТЪ, 1807.

№ 5.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Береговое право,

ДРАМА ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

Лица: *Гайфишъ*, помѣщикъ. *Амалія*, дочь его. *Зальдернъ*. *Карлъ*, сынъ Зальдерна. *Павелъ*, молодой Индѣецъ. — Дѣйствіе происходитъ на берегу морскомъ.

Явленіе первое.

Зальдернъ. Павелъ.

Зальдернъ. Слава Богу! мы спаслись.

Павелъ. Слава Богу! взойдетъ красное солнце, и разогрѣетъ сердца наши. (*Машетъ руками, чтобъ согрѣться.*)

Зальдернъ (*горестно*. Солнце закатилось!

Павелъ. Ну чтожь! скоро опять взойдетъ; черезъ четверть часа оно выглянетъ

посмотрѣть, проснулась ли природа. Ни что столько не полюбилось мнѣ въ продолженіе нашего путешествія, какъ то, что солнце и мѣсяцъ отъ насъ не отставали; мы еще не успѣемъ доплыть до мѣста, а они ужь и тутъ!

Зальдернъ. Эта ужасная ночь - - -

Павелъ. Да, въ нынѣшнюю ночь мѣсяцъ куда-то отлучался; иначе, мы не попали бы на подводные утесы.

Зальдернъ. Все погибло!

Павелъ. Развѣ вы за ничто считаете жизнь, надежду, меня и вѣрную свою собаку?

Зальдернъ. Ты спасъ мнѣ жизнь; однакожь я не благодарю тебя за сію услугу.

Павелъ. Я и не требую благодарности. Растолкуйте мнѣ, почему я долженъ былъ тащить васъ по волнамъ за волосы? Вы плаваете не хуже всякаго водолаза!

Зальдернъ. Я искалъ смерти.

Павелъ. О! это очень дурно!

Зальдернъ. Еслибъ я теперь былъ въ твоихъ лѣтахъ, то могъ бы еще приобрѣсть. . . .

Павелъ. Доброй мой господинъ! вѣдь вы не всего лишились. Корабль вашъ разбился, правда; но развѣ не видѣли вы, какъ со всѣхъ сторонъ крестьяне бѣжали на помощь? развѣ не видѣли вы, какъ они на легкихъ своихъ лодкахъ летѣли по волнамъ, какъ ловили ящики, и вытаскивали ихъ на бе-

регъ? Какїе добрые люди! сами собою, безъ прозьбы, безъ позыву помогаютъ въ нуждѣ своему ближнему! Не хотите ли удариться объ закладъ, что сегодня же ввечеру ваши ящики и сундуки, всѣ до одного, будутъ вытащены на берегъ?

Зальдернъ. Доброй Павелъ! они уже не мнѣ принадлежатъ.

Павелъ. Какъ не вамъ принадлежатъ? кому же? Вы шутите.

Зальдернъ. Жители сего берега имѣютъ гнусное право присвоивать себѣ все, что ни удастся имъ спасти послѣ кораблекрушенїя.

Павелъ. Возможно ли! вѣдь это ваше собственное добро, и вы не утонули.

Зальдернъ. Все равно.

Павелъ. Подумайте, доброй господинъ! когда скажете вы: „корабль былъ мой, все на кораблѣ находившееся было мое" — то кто можетъ отнять вашу собственность?

Зальдернъ. Береговое право.

Павелъ. Боже милосердый! развѣ вы еще мало несчастны, претерпѣвъ кораблекрушенїе?

Зальдернъ. Здѣсь люди поглощаютъ все извергаемое волнами.

Павелъ. И не отдаютъ назадъ хозяину, что принадлежитъ ему?

Зальдернъ. Нѣтъ.

Павелъ. И называютъ это правомъ?

Зальдернъ. Береговымъ правомъ.

Павелъ. И спокойно имъ пользуются?

Зальдернъ. Даже молятся въ церквахъ, чтобъ Господь Богъ ниспослалъ на берега свое благословенїе.

Павелъ. Молятся о бурѣ, непогодѣ? молятся, чтобы братья ихъ терпѣли кораблекрушенїя?

Зальдернъ. Точно.

Павелъ. Но, любезной господинъ, вѣдь здѣсь живутъ люди? Да, я самъ видѣлъ ихъ; у нихъ лица человѣческїя, какъ мое и ваше.

Зальдернъ. Только лица.

Павелъ. Бѣдной народъ! такъ они дикїе?

Зальдернъ. Европейцы.

Павелъ. Такъ вѣрно не Христїяне?

Зальдернъ. Христїяне.

Павелъ. О! не миновать же имъ ада. Хоть я и не люблю чорта; однакожь не стану сердиться, если онъ приберетъ ихъ къ себѣ въ когти.

Зальдернъ. Извѣстно ли тебѣ все мое несчастїе?

Павелъ. Любезной господинъ! за чемъ оставили вы Индїю? за чемъ наши прелестныя пальмы промѣняли на здѣшнїя мрачныя сосны? за чемъ плыли къ берегамъ, населеннымъ такими дьяволами?

Зальдернъ. Этотъ берегъ есть мое отечество. Здѣсь жилъ я въ изобилїи; здѣсь несчастные случаи лишили меня имѣнїя, а смерть похитила мою любезнѣйшую супругу.

Павелъ. Въ моемъ отечествѣ прилѣжаніе и удача обратно отдали вамъ потерянное имѣніе. Супруги вашей нѣтъ на свѣтѣ. Для чего вы не остались въ Индіи?

Зальдернъ. Для того что здѣсь оставилъ я сына, единственнаго сына, въ младенческомъ возрастѣ.

Павелъ Сына? онъ живетъ здѣсь, между сими злодѣями?

Зальдернъ. Я ввѣрилъ его одному сострадательному родственнику. Что съ нимъ сдѣлалось, не знаю.

Павелъ. Ура! браво! у насъ есть сынъ! Вы отецъ его, и потому я увѣренъ, что онъ не молится о ниспосланіи благословенія на берегъ.

Зальдернъ. Я для него трудился, для него собиралъ и сберегалъ; теперь возвращаюсь съ пустыми руками, и долженъ у него же просить хлѣба! Надобно было, чтобы несчастіе постигло меня въ сію ночь, когда я уже приближался къ желаемой пристани! Бѣденъ, но здоровъ и крѣпокъ, оставилъ я здѣшній берегъ; бѣдный, но слабый, престарѣлый ступаю теперь на отечественную землю! Павелъ! почто вырвалъ ты меня изъ челюстей смерти?

Павелъ. Успокойтесь, любезной господинъ! дѣла наши еще не совсѣмъ худы. У насъ есть сынъ, которой можетъ работать; у меня также есть руки. Вы будете

спокойно курить табакъ. Пальмы гораздо пріятнѣе сосенъ; однакожь и подъ соснами есть тѣнь и прохлада.

Зальдернъ. Намъ надобно разстаться, доброй Павелъ!

Павелъ. Намъ разстаться? а для чего?

Зальдернъ. Для того, что ты не долженъ служить нищему.

Павелъ. Нищему? развѣ вы просите милостыни? развѣ вы осмѣлитесь просить милостыни, пока у меня есть руки? Вы меня выкупили изъ тяжкой неволи; вы родителей моихъ вознаградили вдвое противу того, что отняли у нихъ Маратты; и теперь хотите отослать меня! это безбожно!

Зальдернъ. Развѣ ты намѣренъ вмѣстѣ со мною терпѣть голодъ?

Павелъ. Буду терпѣть, если не можно иначе; но до того еще далеко. Видите ли тамъ за деревьями прекрасной домикъ? пойдемъ туда; осушимся на кухнѣ, и попросимъ себѣ чего-нибудь позавтракать.

Зальдернъ. Оттуда идетъ какой-то молодой человѣкъ.

Павелъ. Лице у него, кажется, очень доброе. Я радъ божиться, что онъ не любитъ береговаго права.

Явленіе второе

Карлъ. Прежніе.

Карлъ. Сей часъ только мнѣ сказали, что въ минувшую ночь потонулъ здѣсь корабль.

Зальдернъ. Вамъ сказали правду. Я хозяинъ этого корабля.

Карлъ. Сердечно жалѣю о вашемъ несчастіи.

Зальдернъ. Я ничего спасти не могъ! все пропало!

Карлъ. Бѣдной!

Зальдернъ. Носясь по волнамъ въ темную ночь, мы не знали, гдѣ находились; увидѣли маякъ, поворотили корабль, и попали на мѣль.

Карлъ (*про себя*). Понимаю! о злодѣй!

Павелъ. Однакожь корабль потонулъ не скоро. Сего дня на разсвѣтѣ прибѣжало человѣкъ со сто крестьянъ, которые успѣли спасти весь грузъ. Мой господинъ говоритъ, что они все возьмутъ себѣ. Правда ли это?

Карлъ. Къ несчастію, правда!

Павелъ (*печально*). И вы свою долю возьмете?

Карлъ. Сохрани меня Богъ!

Павелъ (*радостно*). Я тоже думалъ! у кого такое доброе лицо, тотъ не способенъ грабить несчастныхъ. Вѣдь вы усту-

пите свою долю бѣдному моему господину? не такъ ли?

Карлъ. Уступилъ бы съ радостїю, еслибъ имѣлъ право участвовать въ добычѣ: но я не иное что, какъ бѣдной дворянинъ, нанимающїй эту небольшую мызу у помѣщика, живущаго отсюда за часъ ѣзды. (*къ Зальдерну*) Впрочемъ, обѣщаюсь употребить все мое старанїе облегчить судьбу вашу. На первой случай покорно прошу пожаловать ко мнѣ въ домъ, и дѣлить со мною все, что имѣю.

Павелъ (*хватаетъ руку его, и цѣлуетъ*). Вездѣ есть люди! мы и здѣсь нашли человѣка!

Зальдернъ. Съ благодарностїю принимаю великодушное ваше предложенїе; по крайней мѣрѣ на нѣсколько дней, пока узнаю . . . .

Павелъ. Мы не долго пробудемъ здѣсь. У насъ есть сынъ, которой вѣрно дастъ намъ пристанище.

Карлъ (*къ Зальдерну*). Имѣете ли здѣсь знакомыхъ?

Зальдернъ. Прежде имѣлъ; но черезъ двадцать три года можетъ быть уже забыли меня.

Карлъ (*изумясь*). Двадцать три года?

Зальдернъ. Не знаете ли вы молодаго Зальдерна?

Карлъ (*скоро*). Знаю ли Зальдерна?

Зальдернъ. Карла фонъ Зальдерна — —

Карлъ. Онъ передъ вами!

Зальдернъ. Мой сынъ! (*простираетъ дрожащія руки и падаетъ отъ слабости.*)

Карлъ (*бросившись, поддерживаетъ его*). Батюшка! батюшка! Боже! Ты услышалъ мои молитвы!

Павелъ (*прыгая, внѣ себя отъ радости, и щелкая пальцами*). Ура! ура! браво! нашъ сынъ! нашъ единственный сынъ! ха, ха, ха! Буря! волны! камни! ага! ну, что вы отняли у насъ? мы богаты!

Карлъ. Помогите! позови сюда кого-нибудь!

Павелъ. Не бойтесь ничего! это отъ радости; а отъ радости не умираютъ. (*присѣдаетъ, и кричитъ на ухо Зальдерну*) Доброй господинъ! нашъ сынъ здѣсь! вотъ онъ!

Зальдернъ (*открывая глаза*). Мой сынъ!

Карлъ. Батюшка! словъ недостаетъ — пусть слезы изъявляютъ мои чувствованія —

Павелъ (*прыгая*). Слезы радости! слезы радости!

Карлъ. Ни моря, ни бури не удержали бы меня, еслибъ только зналъ я, гдѣ найти васъ.

Зальдернъ. Ложной стыдъ всему причиною. Я хотѣлъ, чтобы никто не зналъ обо мнѣ до тѣхъ поръ, пока не возвращусь въ отечество съ хорошимъ достат-

комъ, не удовольствую своихъ заимодавцевъ, и не буду въ состоянiи оставить тебѣ богатое наслѣдство. Время сiе наступило. Благословенiе Божiе и неусыпные труды съ избыткомъ вознаградили мою потерю; уже видѣлъ я въ синемъ отдаленiи берегъ моего отечества; уже мысленно прижималъ тебя къ своему сердцу; уже отдавалъ тебѣ свои сокровища! Вдругъ наступила ужасная ночь; буря бросила корабль на подводной камень — и прiятная мечта внезапно исчезла!

Карлъ. Развѣ думаете вы, что я богатаго отца обнялъ бы нѣжнѣе?

Павелъ. Слышите? онъ не жалѣетъ о вашихъ сокровищахъ!

Карлъ. Хотя не имѣю лишняго, однакожь съ помощiю прилѣжанiя и бережливости получаю отъ наемной мызы своей такой доходъ, котораго достанетъ обоимъ намъ для пропитанiя.

Павелъ. Намъ троимъ.

Зальдернъ. Ахъ! теперь мнѣ вдвое жаль моей потери. Чѣмъ награжу такого сына за любовь его!

Карлъ. Взаимною любовью, батюшка!

Павелъ. Точно! Доброй господинъ! сынъ нашъ говоритъ правду.

Зальдернъ. Не ужели помѣщикъ здѣшняго берега имѣетъ столь низкую душу, что захочетъ воспользоваться ненаисп-

нымъ правомъ своимъ, и ограбить старика, претерпѣвшаго кораблекрушенїе?

Карлъ (*пожимая плечами*). Къ несчастїю, могу увѣрить васъ, что онъ это сдѣлаетъ. Господинъ Гайфишъ человѣкъ жестокой и сребролюбивой.

Зальдернъ. Какъ же могло случиться, что мой доброй Карлъ рѣшился имѣть дѣло съ такимъ человѣкомъ, и жить въ сей отдаленной провинцїи? развѣ не льзя было нанять мызу въ другомъ мѣстѣ, на примѣръ тамъ, гдѣ ты родился?

Карлъ. Батюшка! черезъ четверть часа все узнаете. У господина Гайфиша есть дочь — —

Зальдернъ. Понимаю.

Павелъ. А я не понимаю.

Карлъ. Амалїя настоящїй ангелъ! доброта души ея облегчаетъ судьбу несчастныхъ крестьянъ здѣшняго помѣстья; иначе, всѣ они давнобъ уже разбѣжались. О! какъ она добра! какъ прекрасна!

Зальдернъ. Такъ ты любишь ее?

Карлъ. Я жилъ ею!

Павелъ. А! теперь и я понимаю.

Зальдернъ. А она?

Карлъ. И она любитъ меня.

Павелъ. Этому я вѣрю.

Зальдернъ. А отецъ ея?

Карлъ. Онъ не соглашается на бракъ нашъ.

Павелъ. Негодной человѣкъ!

Зальдернъ. Что онъ находитъ въ тебѣ дурнаго?

Карлъ. Говоритъ, что я бѣденъ — —

Павелъ. Я радъ прибить его до смерти!

Зальдернъ. О корабль мой! о корабль мой!

Карлъ. Я не вовсе еще отчаеваюсь. Амалїя любитъ меня постоянно.

Павелъ. Добрая дѣвушка!

Зальдернъ (*качая головою*). Такъ ты на это надѣешься?

Карлъ. Господинъ Гайфишъ расположенъ ко мнѣ довольно хорошо, за то что я такъ же скупъ, какъ и онъ, хотя у насъ разныя причины. Онъ часто говаривалъ, что охотно поможетъ мнѣ поправить свое состоянїе, лишь бы только это ничего ему не стоило. Теперь напомню ему о данномъ обѣщанїи. Сего дня онъ можетъ осчастливить меня, не теряя ни одного пфенинга. Пускай только на сей разъ отречется отъ ненавистнаго своего права - -

Зальдернъ. Но сдѣлаетъ ли онъ это?

Карлъ. Я скажу ему, что корабль принадлежитъ моему родителю, что весь грузъ назначенъ былъ для его зятя, что я свое собственное добро приму отъ него вмѣсто приданаго за дочерью; можетъ быть онъ согласится. Онъ идетъ сюда; вѣрно уже успѣлъ пересчитать всѣ ящики.

Зальдернъ. Съ нимъ молодая женщина - -

Карлъ. Это Амалїя.

Зальдернъ. Она, какъ видно, уже ко всему привыкла.

Карлъ. О! сердце ея раздирается при каждомъ несчастномъ случаѣ. Она обыкновенно провожаетъ отца своего къ берегу, зная, что прозьбами своими иногда убѣждаетъ его сдѣлать что-нибудь доброе. — Вы, между тѣмъ, подите ко мнѣ. Вамъ надобны отдыхъ и подкрѣпленїе. Если мы съ Амалїею успѣемъ смягчить жестокое сердце, я тотчасъ прибѣгу сказать вамъ.

Зальдернъ. Едва ли успѣешь.

Павелъ. Всего лучше поколотить бы его добрымъ порядкомъ!

Явленїе третїе.

Карлъ одинъ.

Вчера, при захожденїи солнца, багряной западъ предвѣщалъ бурю; сего дня безоблачное утро обѣщаетъ ясный день природѣ. Всеблагїй Боже! да увижу въ сей быстрой перемѣнѣ предзнаменованїе судьбы моей!

Явленїе четвертое.

Гайфишъ, Амалїя, Карлъ.

Гайфишъ. Добраго утра, дорогой сосѣдъ! Я думаю, ты не ожидалъ меня такъ рано.

Карлъ. Не льзя сказать. Я знаю, что кораблекрушенїе всякой разъ придаетъ вамъ новыя силы.

Гайфишъ. Да, въ нынѣшнюю ночь Господь Богъ благословилъ нашъ берегъ. По видимому, грузъ долженъ быть весьма богатой. Корабельные служители воютъ себѣ на берегу, такъ что любо-дорого слушать; а хозяинъ заблагоразсудилъ куда-то убраться. Хе, хе, хе!

Карлъ. Онъ теперь у меня дома.

Гайфишъ. Право? этому я не оченъ радъ; мнѣ хотѣлось-было сего дня у тебя отобѣдать. Домой далеко; отлучиться отъ берега не возможно: иначе, бестїи крестьяне тотчасъ растащатъ все добро мое.

Карлъ. Если вы удостоите . . . .

Гайфишъ. Не надобно никакихъ приготовленїй! рюмка водки, кусокъ ветчины — и довольно. Одно только непрїятно мнѣ — — — чужестранецъ у тебя же будетъ обѣдать?

Карлъ. Конечно.

Гайфишъ. Вели покормить его на кухнѣ.

Карлъ. Онъ человѣкъ почтенной.

Гайфишъ. Почтенной, да голъ.

Амалїя. Тѣмъ еще болѣе достоинъ почтенїя. Надобно уважать несчастныхъ.

Гайфишъ. Болтай себѣ на досугѣ. *Тѣмъ еще болѣе достоинъ почтенїя; надобно*

уважать несчастныхъ! Видѣла ли ты, чтобы ихъ гдѣ-нибудь уважали?

Карлъ. Онъ мой отецъ.

Амалїя. Твой отецъ, Карлъ? (*подходитъ къ нему, и съ чувствомъ жметъ руку его.*)

Гайфишъ. Твой отецъ? Ну, поздравляю, поздравляю.

Карлъ. Онъ нажилъ-было великое богатство.

Гайфишъ. Право?

Карлъ. И въ нынѣшнюю ночь всего лишился!

Гайфишъ. Что дѣлать! Не онъ первой, не онъ и послѣднїй.

Карлъ. Еслибъ не случилось такого несчастїя, то сего дня былъ бы я въ состоянїи къ вамъ явиться богатымъ человѣкомъ.

Гайфишъ. Я принялъ бы тебя съ достодолжнымъ уваженїемъ.

Карлъ. И просить себѣ Амалїю въ супружество.

Гайфишъ. Предложенїе твое вмѣнилъ бы я себѣ въ отличную почесть. Ты вѣдь знаешь, любезной сосѣдъ, что я не нахожу въ тебѣ никакого порока. Но Господь Богъ соблаговолилъ сдѣлать иначе; должно съ Христїянскимъ смиренїемъ повиноваться неисповѣдимымъ судьбамъ Его.

Амалїя. Какъ, батюшка! Не уже ли вы намѣрены присвоить собственность Господина Зальдерна?

Гайфишъ. Кто, я? сохрани меня Боже! Такъ у него еще есть собственность? радуюсь! я не смѣю и дотронуться до нее.

Амалїя. Я разумѣю имущество его, которое теперь выпаскиваютъ на берегъ.

Гайфишъ. Дура! развѣ это его имущество? Оно мнѣ принадлежитъ по закону Божїему и по береговому праву.

Карлъ. И вы не совѣститесь доводить почтеннаго старика до нищенскаго состоянїя?

Гайфишъ. Боже избави! Да развѣ моя въ томъ вина? развѣ я сотворилъ бурю и подводные камни?

Амалїя. Что станутъ говорить о васъ въ цѣлой округѣ, когда сострадательныя сердца примутъ участїе въ состоянїи старика безпомощнаго?

Гайфишъ. Какая мнѣ нужда до клеветниковъ, злоязычныхъ! Я иду прямою дорогою; и беру только то, что мнѣ по праву принадлежитъ.

Карлъ. Это самое гнусное право!

Гайфишъ. Не я установилъ его.

Амалїя. Вы должны уничтожить - - -

Гайфишъ. Не мое дѣло мѣшаться въ государственное хозяйство.

Карлъ. Я охотно женюсь на Амалїи, не требуя приданаго.

Гайфишъ. Отдалъ бы съ радостію, еслибъ ты могъ содержать ее, какъ прилично ея состоянію.

Карлъ. Могъ бы, съ помощію батюшкина имѣнія.

Гайфишъ. Вѣрю! но еслибъ я, вздурившись, отдалъ тебѣ его имѣніе, это было бы развѣ не приданое?

Карлъ. Вы не одинъ разъ обѣщали помочь мнѣ.

Гайфишъ. Обѣщалъ, съ тѣмъ только, чтобы такая помощь не довела меня до убытка.

Карлъ. Теперь имѣете самой лучшій случай.

Гайфишъ. Вотъ хорошо! случай отвергнуть съ презрѣніемъ даръ Божій! ты, видно, за ничто считаешь мои издержки. Самъ подумай. Я кормлю работниковъ, которые, не взирая на опасность, бросаются въ пучину морскую; держу шлюбки, которыя часто разбиваются; построилъ маякъ изъ одной только Христіянской любви; плачу пастору, чтобъ онъ каждое воскресенье молился о ниспосланіи Божіяго благословенія на мой берегъ. Видишь ли, какая пропасть денегъ выходитъ! слѣдственно справедливость требуетъ, чтобъ и я иногда получилъ что-нибудь за труды свои и убытки.

Амалія. Вы и безъ того богаты, батюшка! для кого вы собираете?

Гайфишъ. Для кого, какъ не для тебя! вѣдь ты у меня одна.

Амалїя. А если я съ радостїю согласусь отказаться отъ сего прибытка?

Гайфишъ. Тогда я скажу, что ты дура, и буду дѣлать, что мнѣ угодно.

Амалїя. Хотите ли вы, чтобъ я стыдилась моего богатства? хотите ли чтобъ, указывая на меня пальцами, говорили въ слухъ: „Вотъ идетъ богатая дѣвушка! „Алмазы, которые висятъ на ушахъ ея, „суть слезы несчастныхъ, претерпѣвшихъ „кораблекрушенїя!“

Гайфишъ. Тара тара тара! ты пошлая дура, и не знаешь, какъ водится въ свѣтѣ. Никто, увидя богатаго человѣка, не спрашиваетъ, какъ онъ сдѣлался богатымъ. Деньги изглаживаютъ въ памяти человѣческой все прошедшее. Работою ли достанешь ихъ, воровствомъ ли — все равно; люди все также низко будутъ кланяться.

Карлъ. Вы меня доводите до отчаянїя, господинъ Гайфишъ!

Гайфишъ. Я не имѣлъ никакого намѣренїя доводить васъ до отчаянїя. Желаю всякому добра и прибыли, только не на свой счетъ.

Карлъ. Ну если я донесу правительству, что въ бурныя ночи вашъ маякъ вовсе не зажигается, что горятъ огни въ нѣкото-

рыхъ мѣстахъ нарочно для обольщенія бѣдныхъ кормщиковъ?

Амалія. Карлъ! —

Карлъ. Нѣтъ, не могу молчать долѣе. Горесть моего отца — — счастіе моей жизни — — бойтесь, говорю вамъ! я все открою.

Гайфишъ. Кто! я долженъ бояться? я, человѣкъ, по милости Всевышняго, достаточной и богатой, долженъ бояться бѣдняка? Въ чемъ ты уличишь меня? безъ денегъ ничего не докажешь! Будь-ка лучше посмирнѣе, сосѣдъ; храбростью ничего не возмешь. У меня не такое жестокое сердце, какъ ты, можетъ быть, думаешь. Несчастіе отца твоего меня сильно трогаетъ. Я теперь же пойду на берегъ, и посмотрю, не удастся ли намъ какъ-нибудь вытащить изъ воды бѣлье и платье. Если Богъ поможетъ успѣть въ этомъ; то я охотно, безъ всякой платы, возвращу находку твоему батюшкѣ (*уходитъ*).

Явленіе пятое.

Карлъ. Амалія.

Карлъ. Безчеловѣчный!

Амалія. Карлъ! онъ отецъ мой. Многіе, подобно ему, употребляютъ во зло такъ называемое право. Не каждой ли день

видимъ, что люди мучатъ людей, терзаютъ животныхъ, опустошаютъ поля — и все это дѣлаютъ ссылаясь на право? По моему мнѣнію, тотъ еще всѣхъ извинительнѣе, кѣмъ управляетъ сила увѣренности: къ числу такихъ людей принадлежитъ и мой батюшка.

Карлъ. Дочери прилично извинять то, чего одобрить не можно; впрочемъ я увѣренъ, что сердце ваше гнушается порокомъ. Амалія! вы слышали, что я сказалъ о маякѣ; это сущая правда. Долгъ и необходимость требуютъ, чтобы я обнаружилъ мерзкое дѣло; не льзя статься, чтобы вы захотѣли охуждать мой поступокъ. Любовь дѣтская имѣетъ свои предѣлы.

Амалія. Но должность дѣтская — неограниченна. Дѣлайте, что признаете нужнымъ. Страхомъ ли принудите моего батюшку согласиться на ваше требованіе, или представивъ его въ судъ, какъ преступника, обойдетесь и безъ его согласія — въ томъ и въ другомъ случаѣ союзъ нашъ будетъ разорванъ.

Карлъ. Амалія! вы не любите меня!

Амалія. Люблю васъ всѣмъ сердцемъ; но не думайте, чтобы я когда-либо рѣшилась основать счастіе свое на безчестіи моего родителя (*уходитъ*).

Явленіе шестое.

Карлъ одинъ, помолчавъ нѣсколько времени.

Что мнѣ дѣлать? — О вы, опытные мудрецы въ искуствѣ общежитія, любимцы случая, вы, которыхъ сердца никогда не боролись съ должностію! явитесь теперь предо мною! Вы, всегда готовые осуждать человѣческіе поступки! удѣлите мнѣ теперь малѣйшую долю вашей мудрости! Не долгъ ли велитъ мнѣ спасти имѣніе моего отца, и предать злодѣя правительству? но велитъ ли долгъ обезчестить невинную дочь, и разрушить будущее свое счастіе?

Явленіе седьмое.

Зальдернъ. Павелъ. Карлъ.

Зальдернъ. Что, сынъ мой? ты былъ разгоряченъ; каковъ успѣхъ?

Павелъ. Доброй господинъ! когда блещетъ молнія и гремитъ громъ, надобно ли спрашивать — какова погода? развѣ не видите на лбу его морщины?

Карлъ. Онъ говоритъ правду, батюшка; я ничего не успѣлъ сдѣлать. Только молнія можетъ смягчить такое сердце!

Павелъ. Потому что оно стальное.

Карлъ. Я просилъ, угрожалъ — все тщетно!

Павелъ. Для чего не прибили его?

Зальдернъ. Угрожалъ? чѣмъ?

Карлъ. Я могу обличить его передъ начальствомъ въ злодѣйскомъ поступкѣ.

Павелъ. И! къ чему это?

Зальдернъ. Ты долженъ былъ прежде обнаружить его преступленіе, когда могъ это сдѣлать. Кто доноситъ, удовлетворяя гнѣвъ свой, тотъ равенъ злодѣю.

Карлъ. Не гнѣвъ, но ваше несчастіе заставляетъ меня — —

Зальдернъ. Развѣ я въ крайности? нужды мои не велики. Ты у меня остался, я и доволенъ.

Павелъ. А меня развѣ за ничто считаете?

Зальдернъ. Послушайся меня, Карлъ! оставь его; совѣсть накажетъ преступника. Вижу твои обстоятельства, и съ благодарностію понимаю, что ты готовъ для меня сдѣлать. Но прошу тебя не оскорблять Амаліи. Желаю только, чтобы бѣдной отецъ не былъ для тебя бременемъ; впрочемъ разрывъ съ любезною не возвратитъ тебѣ его имѣнія.

Карлъ. Для меня бременемъ? Нѣтъ, вы этого не имѣли въ мысли! но къ чему было произносить такое ужасное слово? — Хорошо, батюшка! вы рѣшили, и я повинуюсь. Признаюсь охотно, что вы облегчили сердце мое отъ несносной тяжести.

Съ радостїю ограничу свои нужды; удвою силы свои, и постараюсь, чтобы добродѣтельной родитель мой не терпѣлъ ни въ чемъ недостатка.

Павелъ. У меня о сю пору силъ вдвое уже прибыло.

Карлъ. Теперь дозвольте мнѣ увидѣться съ Амалїею, успокоить любезную эту дѣвушку, и помириться съ нею въ первой разъ въ жизни.

Явленіе осьмое.

Зальдернъ. Павелъ.

Павелъ. Нашъ сынъ пречестной человѣкъ.

Зальдернъ. Такъ, Павелъ! я не ропщу на судьбу свою. Богъ щедро вознаградилъ меня.

Павелъ. Какъ хорошо мы заживемъ вмѣстѣ! Вотъ такъ пойдетъ у насъ время: вы просыпаетесь поутру, когда мы уже часа три поработали; за завтракомъ разсказываемъ вамъ, что дѣлалось на полѣ; потомъ вы идете съ нами, осматриваете работу, и возвращаетесь домой хорошенько проголодавшись; послѣ обѣда ложитесь отдыхать, а мы опять на поле или въ лѣсъ; подкрѣпивъ силы свои, вы для препровожденїя времени записываете, что съ вами случилось въ жизни; при закатѣ солнца мы

весело послѣ работы идемъ домой, пересчитываемъ даръ Божїй; довольствуемся тѣмъ, что имѣемъ; забываемъ о томъ, чего нѣтъ у насъ; наконецъ дружески пожимаемъ руки одинъ у другаго, и спокойно засыпаемъ.

Зальдернъ. И ты думаешь, доброй Павелъ, что я стану держать тебя для работы? — Склонясь на твою прозьбу, я вывезъ тебя изъ Индїи единственно съ тѣмъ намѣренїемъ, чтобы въ награду за вѣрность доставить тебѣ жизнь спокойную; но теперь — —

Павелъ. Такъ мнѣ должно было бы сидѣть, поджавши руки? покорно благодарю. Безъ работы время кажется для меня несноснымъ; безъ работы не нахожу вкуса ни въ пшенѣ сорочинскомъ, ни въ винѣ пальмовомъ. Жесткой сухарь для меня прїятнѣе.

Зальдернъ. Работай себѣ, только не у меня. Мы бѣдны; мы не можемъ наградить тебя. Въ богатыхъ домахъ будешь получать хорошую плату.

Павелъ. Не въ правду ли? Какъ бы не такъ! пока не было сына, до тѣхъ поръ и я хорошъ былъ; теперь, когда сынъ нашелся, Павелъ уже не надобенъ; его отгоняютъ прочь!

Зальдернъ. Какой вздоръ!

Павелъ (*почти со слезами*). Вашъ сынъ человѣкъ доброй, не спорю. Но скажите, за что оказываете ему особливую

милость? что вы сдѣлали для него? Давши жизнь ему, вы скоро съ нимъ разстались. Хотя вы не родной отецъ мой, однакожь болѣе отецъ мнѣ, нежели ему; потому что я и перечесть не умѣю всѣхъ вашихъ благодѣяній (*плачетъ*); а теперь хотите меня бѣднаго отослать прочь!

Зальдернъ (*растрогавшись*). Полно, полно! ты останешься при мнѣ. Мы всегда будемъ жить вмѣстѣ.

Павелъ. Конечно. Я никакъ не согласусь разстаться съ вами. Меня выгните въ дверь, а я тихонько влѣзу въ окно.

Явленіе девятое.

Гайфишъ. Прежніе.

(*Гайфишъ останавливается назади и подслушиваетъ.*)

Зальдернъ. Благодарю Тебя, Всеблагій Боже! я гораздо богаче, нежели думалъ.

Гайфишъ (*съ удивленіемъ про себя*). Онъ богатъ!

Зальдернъ. Море лишило меня сущей бездѣлицы; у меня осталось еще много, очень много!

Гайфишъ (*про себя*). Осталось много!

Зальдернъ. Пускай себѣ присвоиваютъ мое имѣніе; но этого никто, кромѣ смерти, отнять у меня не можетъ.

Гайфишъ (*про себя*). Что бы такое у него было?

Павелъ. Баринъ! признаться, я не понимаю васъ. Отъ чего вы вдругъ стали такъ веселы?

Зальдернъ. Какъ не быть мнѣ веселу? я нашелъ добродѣтельнаго сына; сберегъ отъ кораблекрушенія вещь рѣдкую, драгоцѣнной клейнодъ!

Гайфишъ (*про себя*). Клейнодъ!

Павелъ. Какой клейнодъ?

Зальдернъ. Тебѣ не льзя знать, какъ онъ дорогъ; но божусь, что ни одинъ Монархъ не имѣетъ столько денегъ, сколько стоитъ моя драгоцѣнность.

Гайфишъ (*про себя*). Вотъ тебѣ на!

Павелъ. Вы возбудили во мнѣ нетерпѣливое желаніе видѣть эту драгоцѣнность. Гдѣ она у васъ?

Зальдернъ (*обнявъ одною рукою Павла*). Здѣсь подъ рукою.

Гайфишъ (*про себя*). А! а!

Павелъ. О, коли такъ, доброй Господинъ, такъ вы спасли два клейнода.

Гайфишъ (*про себя*). Вотъ! еще не одинъ!

Павелъ. Потому что большой нашъ Алмазъ также уцѣлѣлъ.

Гайфишъ (*про себя*). Большой алмазъ!

Павелъ. Всякой, кто ни видѣлъ его здѣсь въ домѣ, съ удивленіемъ признавался,

что онъ рѣдокъ по своей величинѣ и красивому виду. Еслибъ Король посулилъ намъ за него много денегъ, вѣдь мы не отдали бы его; не такъ ли?

Зальдернъ. Ты говоришь правду; и съ нимъ тяжело было бы мнѣ разстаться. О! еслибъ господинъ Гайфишъ зналъ, какъ я богатъ, еслибъ онъ умѣлъ оцѣнить мои сокровища; какъ бы онъ изумился!

Гайфишъ (про себя). По неволѣ изумишься!

Зальдернъ. Пойду теперь отдыхать въ хижинѣ моего сына; что я говорю, въ хижинѣ? мы скоро превратимъ ее въ великолѣпные чертоги. (*Уходитъ не видя Гайфиша*)

Гайфишъ (про себя). Вотъ чудеса!

Явленіе десятое.

Павелъ и Гайфишъ.

Павелъ. Доброй Господинъ! онъ достоинъ обладать всѣми сокровищами свѣта; потому что нѣтъ цѣны сокровищу, которое у него (*указывая на сердце*) хранится тутъ (*и ведетъ за Господиномъ своимъ*).

Гайфишъ. Такъ, подъ рукою, подъ мышкою! — Эй, молодчикъ! на одно слово!

Павелъ. Что вамъ надобно?

Гайфишъ. Господинъ фонъ Зальдернъ, какъ я вижу, имѣетъ къ тебѣ отличное довѣріе?

Павелъ. Довѣрїе? у Господина моего нѣтъ никакихъ тайнъ.

Гайфишъ. Полно лукавить; знаю все! я подслушалъ васъ.

Павелъ. Право? напрасно вы безпокоились. Намъ скрывать нечего.

Гайфишъ. Нечего скрывать, плутишка? будто я не слышалъ своими собственными ушами, какъ вы говорили о драгоцѣнномъ камнѣ!

Павелъ (*смѣется*). А! да, говорили.

Гайфишъ. Ну, я слышалъ также, гдѣ онъ держитъ его. Подъ рукою?

Павелъ. Иногда.

Гайфишъ. Ужь я знаю. Армянинъ, которой привезъ изъ Персїи славной алмазъ, что нынѣ въ Россїйскомъ скипетрѣ, скрывалъ его также подъ мышкою.

Павелъ (*насилу удерживаясь отъ смѣха*). Въ самомъ дѣлѣ?

Гайфишъ. Точно. Вѣдь тутъ, плотно къ тѣлу, въ самой ямкѣ?

Павелъ. Можетъ быть.

Гайфишъ. Тебѣ случалось ли видѣть этотъ драгоцѣнной камень?

Павелъ. Каждой день вижу.

Гайфишъ. Великъ ли онъ?

Павелъ. Великъ и толстъ.

Гайфишъ. Вѣрно еще не выгранен?

Павелъ. Да, къ сожалѣнїю.

Гайфишъ. Нѣтъ нужды; тѣмъ лучше! былъ бы только настоящій, неподдѣланный.

Павелъ. О, что до внутренняго достоинства касается, я смѣло могу поручиться; но наружность его не казиста.

Гайфишъ. Не мудрено; какъ вынутъ изъ горы, таковъ и есть.

Павелъ. Точно.

Гайфишъ. А дорого ли цѣнитъ его твой Господинъ?

Павелъ. Не думаю, чтобъ онъ сталъ продавать его.

Гайфишъ. Да, такой товаръ не для всякаго.

Павелъ. Напримѣръ, не для васъ.

Гайфишъ. Почему такъ? я знатокъ въ этѣхъ вещахъ.

Павелъ. Едва ли.

Гайфишъ. Притомъ же Господь Богъ благословилъ меня достаткомъ.

Павелъ. Вы нажили достатокъ здѣсь на берегу.

Гайфишъ. Что если я выложу тысячу другую золотыхъ! а!

Павелъ. Я знаю, каковъ Господинъ мой; онъ не отдастъ его ниже за всѣ ваши сокровища.

Гайфишъ. Тьфу къ чорту! это долженъ быть удивительной камень! Гдѣ онъ взялъ его?

Павелъ. Нашелъ.

Гайфишъ. Нашелъ! эдакое счастье, подумаешь! Какъ это случилось? гдѣ онъ нашелъ такую драгоцѣнную вещь?

Павелъ. Въ Бенгалахъ, на берегу Орыкса.

Гайфишъ. Боже праведный! Что и говорить! тамошнїе берега не нашимъ чета. Здѣсь мучишься лѣтъ двадцать, тридцать, пока удастся нажить какую-нибудь малость; тамъ стоитъ только пойти прогуляться! — Драгоцѣнности лежатъ по дорогамъ!

Павелъ. Это правда; тамъ еще много такихъ осталось.

Гайфишъ. Еслибъ я не былъ такъ старъ, въ сїюжь минуту поѣхалъ бы въ Бенгалы.

Павелъ. Счастливой путь!

Гайфишъ. Я все-таки не отчаеваюсь быть нужнымъ для твоего Господина, когда онъ захочетъ продать свою драгоцѣнность. Поѣду съ нимъ въ Петербургъ, въ Лондонъ; мы найдемъ покупщика. — Да, а другой большой алмазъ, о которомъ онъ говорилъ, также великъ?

Павелъ (*смѣется*). Алмазъ? не многимъ чѣмъ уступаетъ въ величинѣ.

Гайфишъ. Я цѣпенѣю. А внутреннее достоинство?

Павелъ Слышите ли, что онъ мало чѣмъ уступаетъ первому!

Гайфишъ. Чудеса! кто могъ бы подумать? Ну, теперь дѣла пойдутъ другимъ порядкомъ.

Явленіе одиннадцатое.

Задьдернъ. Прежніе.

Зальдернъ. Гдѣ ты былъ, Павелъ? (*увидѣвъ Гайфиша*) А! извините.

Гайфишъ. (*подходя къ нему съ протянутыми руками*) Несказанно радуюсь, что любезнѣйшаго родственника моего здрава и невредима послѣ многихъ опасностей, на моряхъ и сушѣ претерпѣнныхъ, могу прижать къ своему сердцу!

Зальдернъ. (*удивляясь*) Покорно благодарю — — но какимъ образомъ — — родственника? — —

Гайфишъ. Какъ же? развѣ не знаете, что племянница свекрови моей бабки была изъ фамиліи Зальдерновъ? Мы близкіе родственники!

Зальдернъ. Покорно благодарю — —

Гайфишъ. Гайфиши во всѣ времена были преданы Зальдернамъ.

Зальдернъ. Я самъ испыталъ это на дѣлѣ.

Гайфишъ. Поскорѣе къ концу! Вашъ дорогой сынъ, а мой любезнѣйшій другъ, не скроетъ отъ васъ намѣреній своихъ въ разсужденіи моей дочери.

Зальдернъ. Его несбыточныя намѣренія мнѣ извѣстны.

Гайфишъ. Несбыточныя? почему такъ? моя Амальюшка любитъ его; я и самъ люб-

лю его, какъ сына. Такого прилѣжнаго, такого бережливаго, такого честнаго человѣка и со свѣчкою не найдешь.

Зальдернъ. И при всемъ томъ вы не хотите выдать за него вашей дочери?

Гайфишъ. Я не хочу? къ стати ли! сего дня же выдаю за него Амалїю.

Зальдернъ. (*въ крайнемъ удивленїи*) Что я слышу!

Павелъ. (*смѣется про себя*) Баринъ мой еще не знаетъ, что у Гайфиша уда во рпу.

Гайфишъ. Клянусь вамъ, любезной сватъ, что это сущая правда. Надобно только условиться объ одномъ дѣлѣ.

Зальдернъ. Если буду въ состоянїи выполнить - -

Гайфишъ. О! ничего нѣтъ легче. У меня только и дѣтей, что Амалїя; отдаю ей все свое имѣнїе. Сдѣлайте вы то же для своего Карла — и все кончено.

Зальдернъ. Мнѣ отдать Карлу свое имѣнїе? вы шутите. Оно лежитъ теперь на вашемъ берегу.

Гайфишъ. Ну, ну, я ужь знаю, все знаю. Да какимъ человѣкомъ вы почитаете меня, дорогой сватъ? Не думаете ли, что я въ самомъ дѣлѣ захочу присвоить себѣ хоть одинъ сухарь, принадлежащїй любезному моему родственнику? Сохрани меня Господи отъ такого беззаконїя! Все, что люди мои

ни вытащатъ изъ моря, все ваше, дорогой сватушка! Кто осмѣлится утаить хоть одинъ гвоздь, тотъ сего дня же очутится въ рабочемъ домѣ.

Зальдернъ. На яву ли это! (*Павелъ тихонько смѣется*)

Гайфишъ. Вы властны распоряжать своимъ добромъ, какъ угодно. Захотите осчастливить молодую чету, тѣмъ лучше; не захотите - -

Зальдернъ. Захочу ли я? Великодушной человѣкъ! все, что ни спасено отъ кораблекрушенія, съ радостію отдаю моему сыну.

Гайфишъ. Все безъ изъятія?

Зальдернъ. Все безъ изъятія.

Павелъ. Меня только прошу выключить.

Гайфишъ. Очень охотно; не о тебѣ дѣло.

Павелъ. И нашего пуделя - -

Гайфишъ. И его возми себѣ. Все же прочее, дорогой сватъ, моими ли людьми вытащенное, или вами сбереженное — — понимаете?

Зальдернъ. Я выплылъ на берегъ съ тѣмъ, съ чѣмъ теперь стою предъ вами.

Гайфишъ. Знаю, знаю. Отъ васъ ничего болѣе и не требуютъ, кромѣ того что при себѣ носите.

Зальдернъ. Благородной человѣкъ! Вы конечно думаете о родительскомъ сердцѣ?

Гайфишъ. Хе, хе, хе! близко сердца, любезной сватъ, близко сердца.

Зальдернъ. Какъ несправедливъ мой Карлъ! можно ли такъ ошибиться?

Гайфишъ. Молодые люди всегда бываютъ несправедливы противъ насъ стариковъ. Кто не вдается съ ними въ сентиментальныя мечты, того называютъ они жестокимъ. Такова молодость! Мы напротивъ того, любезной сватъ, мы тотчасъ между собою поладили. Я думаю, хорошо сдѣлаемъ, если утвердимъ на бумагѣ наше условіе; въ животѣ и въ смерти Богъ воленъ.

Зальдернъ. Я готовъ.

Гайфишъ. (*вынимаетъ изъ кармана записную книжку, и пишетъ скоро*) „Я, такой-то, выдаю дочь за вашего сына, а вы, „такой-то, уступаете молодой четѣ все свое „имѣніе, сокрытое и явное.“ Хорошо ли?

Зальдернъ. Очень хорошо.

Гайфишъ. Не изволите ли подписать сей предварительной договоръ?

Зальдернъ. Съ радостію. (*подписываетъ*)

Гайфишъ. Теперь и я подпишу. Дѣло кончено. А, вотъ къ стати идутъ наши дѣтки. Чтобъ не усмонились вы въ моемъ постоянствѣ, я отдамъ эту бумагу вашему сыну.

Зальдернъ. Изумленіемъ и стыдомъ заплатитъ онъ за свою ошибку.

Явленіе двѣнадцатое.

Карлъ. Амалія. Прежніе.

Гайфишъ. (*идетъ къ Карлу, и подаетъ ему листокъ*) Возми это, любезной другъ.

Зальдернъ. Карлъ! проси извиненія у великодушнаго нашего благодѣтеля.

Карлъ. Что это значитъ?

Гайфишъ. Прочти - ка.

Амалія. Можно ли спросить? — —

Гайфишъ. Тотчасъ узнаешь; ты здѣсь главное лицо. (*къ Зальдерну*) Посмотри, любезной сватъ, что у него въ глазкахъ дѣлается!

Карлъ. Возможно ли! Амалія! читай! (*отдавши Амаліи бумагу, обнимаетъ Гайфиша*) Батюшка!

Гайфишъ. Полно, полно! ты задушишь меня! Видишь ли теперь, какое имѣю благородное сердце? Нашедши слабую сторону, изъ меня можно сдѣлать все, что угодно.

Амалія. Любезной батюшка!

Гайфишъ. Я всегда былъ таковъ. Все зависитъ отъ обстоятельствъ.

Амалія. Вы теперь расположены дѣлать добро; довершите начатое; откажитесь отъ береговаго права. Это будетъ самое лучшее благословеніе нашего брака.

Гайфишъ. Дѣти! это важное дѣло. — Еслибъ я точно зналъ — еслибъ я увидѣлъ — Мнѣ нужно слова два сказать этому человѣку. (*отводитъ Павла въ сторону*)

Карлъ. Нашему Павлу?

Амалїя. Что у нихъ за тайна?

Зальдернъ. Я не могу понять.

Гайфишъ. Скажи мнѣ сущую правду, великъ ли драгоцѣнной камень?

Павелъ. Онъ —

Гайфишъ. Дюйма въ два будетъ?

Павелъ. Больше.

Гайфишъ. Ну, такъ длиною съ палецъ?

Павелъ. Гораздо больше и толще.

Гайфишъ. О! когда такъ — — Господинъ твой не осердится, если я попрошу, чтобъ показалъ мнѣ?

Павелъ. Ни мало. Согласитесь только на то, чего у васъ просятъ.

Гайфишъ. Ну, воля Божїя! о цѣнѣ толковать будетъ еще время — (*громко*) Давайте бумагу, дѣти! (*пишетъ:*) „Отре„каюсь отъ береговаго права. Гансъ фонъ „Гайфишъ.“ (*отдаетъ листокъ Карлу.*) Теперь довольны?

Амалїя. (*обнимаетъ его*) Батюшка!

Зальдернъ. Великодушной человѣкъ!

Амалїя. Я горжусь — —

Зальдернъ. Какая минута!

Карлъ. Самъ не знаю, что со мною дѣлается!

Павелъ. (*смѣется про себя*) Насилу удерживаюсь.

Гайфишъ. (*Зальдерну*) Ну, любезной сватъ, теперь выкладывайте свое добро.

Зальдернъ. Какое добро?

Гайфишъ. Клейнодъ и алмазъ.

Зальдернъ. Клейнодъ? алмазъ?

Гайфишъ. Къ чему таить? здѣсь нѣтъ никого чужаго. Я все знаю. (*Карлу*) Любезной зять! вашъ батюшка въ Бенгалахъ на берегу Ориксы нашелъ драгоцѣнной клейнодъ, которой хранитъ у себя подъ мышкою.

Зальдернъ. Господинъ Гайфишъ! кто вамъ сплелъ эту басню? Не думаю, чтобы честной мой Павелъ — —

Гайфишъ. Не Павелъ, а вы сами открыли. Коротко сказать, я васъ подслушалъ, когда на этомъ мѣстѣ вы признавались своему Индѣйцу, что вы очень богаты, что сберегли драгоцѣнной клейнодъ, и что ни одинъ Монархъ не въ состоянiи заплатить вамъ, чего онъ стоитъ.

Зальдернъ. (*смѣется*) Теперь понимаю. Какая странная ошибка!

Гайфишъ. Нѣтъ, не ошибка. Не васъ ли спрашивалъ этотъ парень, гдѣ вы спрятали свою драгоцѣнность? не вы ли отвѣчали ему, что она у васъ подъ рукою?

Зальдернъ. (*обнявши Павла*) Вотъ она опять у меня подъ рукою.

Гайфишъ. (*изумясь*) Какъ! изъяснитесь!

Зальдернъ. Говоря о клейнодѣ, я имѣлъ въ мысляхъ этого вѣрнаго слугу.

Гайфишъ. (*какъ громомъ пораженный*) Что это!

Зальдернъ. Какими сокровищами купить можно вѣрное сердце?

Гайфишъ. (*почти внѣ себя отъ изумленія и гнѣва*) Но — но — алмазъ?

Павелъ. Вонъ онъ бѣгаетъ — нашъ пудель.

Гайфишъ. (*громко*) Пудель? (*съ горестію, тише*) Пудель!

Павелъ. (*кличетъ собаку*) Алмазъ! Алмазъ! сюда!

Гайфишъ. О треклятая сентиментальность! у нее свой особливой словарь! Клейнодъ на языкѣ ея значитъ мерзавца-слугу, алмазъ значитъ пуделя! Я обманутъ, обольщенъ!

Зальдернъ. Я тому не причиною.

Гайфишъ. (*къ Амаліи и Карлу*) Женитесь, чортъ съ вами! Право береговое остается при мнѣ ненарушимо! Вы не получите отъ меня ни одного пфеннинга, пока я живъ! Когда нечего будетъ вамъ ѣсть, зажарьте себѣ пуделя, а этому драгоцѣнному

клейноду велите служить у стола. (*послѣшно уходитъ.*)

Карлъ. (*обнявъ Амалїю*) Любовь и умѣренность — —

Зальдернъ. Трудись; мое благословенїе — —

Амалїя. Мы богаты!

Павелъ. А мнѣ развѣ некого обнять? Алмазъ! сюда, ко мнѣ! (*Луделъ выбѣгаетъ; Павелъ обнимаетъ его. Занавѣсъ опускается.*)

Коцебу.

II.

Мартышка, показывающая Китайскїя тѣни.

(Басня.)

Творцы и прозой и стихами,
Которыхъ громкїй слогъ пугаетъ весь Парнассъ,
Которые понять себя не властны сами,
Поймите мой разсказъ!
Одинъ фигляръ въ Москвѣ показывалъ Мартышку,
Съ волшебнымъ фонаремъ. На картахъ ли гадать,
Взбиратьсяль по снуру на крышку,
Или кувыркаться, и въ присядку плясать
По гибкому канату,

Иль спичкой выпрямясь, подъ шляпою съ перомъ,
На задни лапки ставъ, ружьёмъ,
Какъ должно Прусскому солдату,
Метать по слову артикулъ:
Патапъ всему горазд. Не звѣрь, а утѣшенье!
Однажды въ Воскресенье
Хозяинъ, подкуривъ, на улицѣ заснулъ.
Патапкѣ торжество. — „Ужь тото погуляю!
„И я штукарь! и я народъ какъ тѣшить, знаю!“
Бѣжитъ, зоветъ гостей,
Индюшекъ, поросятъ, собакъ, котятъ, гусей!
Сошлись! — „Сюда, сюда! скорѣй скамьи, подушки
„Въ закуту Господамъ!
„Добро пожаловать; у входа ни полушки,
„Изъ чести игрище!“ — Ужь гости по мѣстамъ,
Приносится фонарь, всѣ окна затворились,
И свѣчи потушились.
Патапъ, въ суконномъ калпакѣ,
Съ указкою въ рукѣ,
Съ жеманной харею, явился предъ соборомъ;
Пренизкой всѣмъ поклонъ;
Потомъ съ кадушки рѣчь, какъ Цицеронъ:
Заставилъ всѣхъ зѣвать, и хлопать цѣлымъ хоромъ.
Довольный похвалой,
Съ картинкою стекло тотчасъ въ фонарь вставляетъ!

„Смотрите, вотъ луна, вотъ солнце — возглашаетъ:
„Вотъ съ Еввою Адамъ, скоты, ковчегъ и Ной!
„Вотъ славный царь-горохъ съ морковкою-царицей!
„Вотъ журка-долгоносъ обѣдаетъ съ лисицей!
„Вотъ небо, вотъ земля. . . . Что видно ли?“ — Глядятъ,
Моргаютъ, морщатся, кряхтятъ!
Напрасно! Нѣтъ слѣда великолѣпной сцены! —
„По чести — котъ шепнулъ — кудрявыхъ много словъ!
„Но, Богъ съ нимъ, гдѣ онъ взялъ царей, царицъ, скотовъ!
„Зги Божьей не видать! одни, въ потемкахъ стѣны!“
— Темно, сосѣдушка, скажу и я,
Примолвила свинья. —
„Мнѣ видится! вотъ! . . . вотъ! . . . я правда близорука!
„Но что-то хорошо! Ой старость! то-то скука!
„Ужь было бы о чемъ съ дѣтьми поговорить!“
Индѣйка крякала — хлопъ, хлопъ сквозь сонъ глазами. —
А нашъ Патапъ? кричитъ, гремитъ, стучитъ ногами!
Одно лишь позабылъ. . . . фонарь свой освѣтить!

В. Ж — ій.

III.

Сафина Ода.

Блаженъ, кто близь тебя однимъ тобой пылаетъ,
Кто прелестью твоихъ рѣчей обвороженъ,
Кого твой ищетъ взоръ, улыбка восхищаетъ,
Съ Богами онъ сравненъ!
Когда ты предо мной, — въ душѣ моей волненье!
Въ крови палящій огнь! въ очахъ померкнулъ свѣтъ!
Въ трепещущей груди и скорбь и наслажденье!
Ни словъ, ни чувства нѣтъ!
Лежу у милыхъ ногъ, — горю огнемъ желанья!
Блаженствомъ страстныя тоски утомлена!
Въ слезахъ, вся трепещу, безъ силы, безъ дыханья!
И жизни лишена!

В. Ж — ій.

IV.

Идиллія.

Когда она была пастушкою простой,
Цвѣла невинностью, невинностью близстала;
Когда слыла въ селѣ дѣвичьей красотой
И кудри свѣтлыя цвѣтами украшала:

Тогда ей нравились и пѣнистый ручей,
И лугъ, и сѣнь лѣсовъ, и миръ моей долины,
Гдѣ я плѣнялъ ее свирѣлію моей,
Гдѣ я такъ счастливъ былъ присутствіемъ
Алины!
Теперь... теперь, прости души моей покой!
Алина гордая столицы украшенье!
Увы! окружена ласкателей толпой!
За лесть ихъ отдала любви боготворенье,
За пышный злата блескъ душистые цвѣты!
Свирѣли тихій звукъ Алины не прельщаетъ!
Алина предпочла блаженству суеты,
Собою занята — меня въ лицо не знаетъ!

В. Ж—ій.

V.

К ъ Э д в и н у.

(М. П. Ю.)

О юноша! лети, подъ зоной отдаленной,
Иныхъ друзей, надеждъ и радостей искать!
Ищи побѣдъ, толпой прелестныхъ окруженной!
Оставь, оставь меня въ печаляхъ увядать!
Ахъ! жить, дѣлясь съ тобой и сердцемъ и судьбою,
Сей жребій сладостный, сей даръ не для меня!..
Но если не совсѣмъ отринута тобою,
Эдвинъ, не позабудь, не позабудь меня!

Когдажь — быть можетъ — видъ любовни-
цы въ страданьѣ
Нарушитъ тишину, мой другъ, души твоей;
Тогда протекшаго загладь воспоминанье,
Тогда спокой себя, тогда забудь о ней!
Но можетъ быть и то, что, въ ужасахъ
мученья,
Какъ блага будешь ждать рѣшительнаго дня,
Ждать будешь, но вотще, друзей и усла-
жденья,
Тогда — не позабудь, не позабудь меня!

В. Ж — ій.

VI.

Замѣчанія на Трагедію: Ермакъ.

(Письмо къ Издателю.)

Читая Журналъ вашъ, я находилъ иногда замѣчанія объ игрѣ актеровъ, и — въ нѣкоторомъ отношеніи — о тѣхъ сочиненіяхъ, которыя представлены были; а потому и рѣшился сообщить вамъ мои замѣчанія на театральную піэсу, полагая, что онѣ будутъ непротивны правиламъ вашего Изданія.

Ермакъ, покоритель Сибири. Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ, сочиненіе Петра Пла-

вильщикова. Москва, 1806 *года.* Отдавая полную справедливость дарованіямъ и трудолюбію господина Автора, изъ любви къ Театру я позволилъ себѣ опредѣлить въ этой піесѣ главнѣйшія ошибки.

Исторія наша богата дѣлами великими, Государями славными и чертами разительными. Многія эпохи ея дадутъ прекрасныя содержанія для театральныхъ сочиненій: нуженъ только творецъ, которой бы оживилъ намъ Донскихъ, Годуновыхъ, Пожарскихъ! — И что можетъ быть пріятнѣе для глазъ, для сердца, какъ видѣть, что любовь къ отечеству является во всѣхъ отрасляхъ нашей словесности! Пускай любители *чужаго* хвалятся *чужимъ*; а я, въ гордости души моей, *Димитрія Самозванца* не сравню ни съ какимъ произведеніемъ пера Расинова. . . Чужую рожь вѣять — глаза порошить. . . . Вотъ почему я искренно порадовался, увидя въ первый разъ объявленіе въ газетахъ о представленіи *Ермака.* — Эпоха завоеванія Сибири, значительная въ Русской Исторіи, показалась мнѣ достойною Трагедіи. Я смотрѣлъ, слушалъ со вниманіемъ, и по окончаніи піесы — не зналъ, къ какому роду театральныхъ сочиненій причислить сіе произведеніе.

Ермакъ, разбивши нѣсколько разъ Татаръ, взявши въ плѣнъ дѣвицу *Иртy*, дви-

нулся къ стѣнамъ Искери, столицы *Кучумъ-Хана*; влюбился въ свою плѣнницу, узналъ, что она дочь Царя Сибирскаго, побѣдилъ остатки ордъ Кучумовыхъ, плѣнилъ Хана, и получилъ отцовское благословенїе на бракъ съ любящею *Иртою*. Вотъ все, что остается въ умѣ. — Въ началѣ Трагедїи *Ермакъ* мучится любовїю, въ концѣ получаетъ желаемое; — кромѣ кинжала, которымъ разсерженный Козакъ ранилъ *Согдая*, совсѣмъ ничего нѣтъ *трагическаго*; однакожь замѣтьте, что мучимый раскаянїемъ, сынъ Гетмана отъ раны своей не умеръ! — Удивляясь изобрѣтательности ума человѣческаго, признаюсь, я до сихъ поръ не могъ догадаться, откуда проистекаетъ для сей пїесы названїе Трагедїи? —

Первое дѣйствїе являетъ намъ любовь Ермака къ плѣнной Иртѣ, а вмѣстѣ и неподражаемыя добродѣтели его, о которыхъ онъ самъ вѣщаетъ (Явлен. 1, стран. 2) такимъ образомъ: „Престолъ Сибири для „меня ничто. Я чту добродѣтель выше всякаго престола!“ — Потомъ говоритъ: „Никогда, можетъ быть, ни одно отечество не видало столь ревностнаго сына, „каковъ Ермакъ!“ и наконецъ: (о чудо!) „Самая эта ревность сдѣлала меня злодѣемъ!“

Прекрасная нравственность! изъ любви къ отечеству сдѣлаться злодѣемъ! Можетъ быть, скажутъ мнѣ, что за симъ слѣдуетъ оправданіе этой мысли. Какое же? избраніе недостойнаго Гетмана, которой оклеветалъ Ермака передъ Царемъ Московскимъ, приговорилъ къ смерти, и тѣмъ заставилъ его *убѣжать, сдѣлаться разбойникомъ.* — Купить жизнь поношеніемъ! . . Доказательства превосходной добродѣтели! Не понимаю, какъ согласить такія противорѣчія? Г. Сочинитель, желая внушить уваженіе къ своему герою, съ одной стороны заставляетъ его превозносить свои правила; съ другой, влагаетъ ему въ уста такія оправданія, которыя очерняютъ добродѣтель, — и все на одномъ листѣ, все въ продолженіи одного монолога. Но всего удивительнѣе (стран. 4), что онъ совершенно обличаетъ несчастнаго Ермака: „Я разбойникъ, не могу оправдаться, но могу важною услугою загладить „мое злодѣяніе.“ - - -

нїе, плѣняясь болѣе и болѣе добродѣтелїю, въ концѣ пїесы, то есть при развязкѣ, поразилъ насъ великостїю души своей? — Нечаянность сильно дѣйствуетъ на воображенїе; нечаянность душа театра! Для меня сто разъ прїятнѣе было бы, еслибъ Ермакъ оправдалъ на себѣ слова Корнелевой Медеи:

Le deſtin de Medée eſt d'être criminelle;
Mais ſon coeur étoit fait pour aimer la vertu.

(Дѣйствїе II. явлен. VI.) Кучумъ Царь Сибирской, мучась неизвѣстностїю о своей дочери, которая (какъ я выше сказалъ) находилась въ плѣну у Ермака, прокрался ночью изъ города въ станъ непрїятельской, чтобъ узнать объ ея участи, былъ пойманъ, приведенъ предъ лице покорителя Сибири; увидѣлъ дочь свою — и получилъ себѣ и ей отъ *тронутаго* Ермака свободу. Не чудеса ли это, превосходящїя мѣру всякаго вѣроятїя? — Скажите, 1 е) можно ли Царю, любимому своимъ народомъ, избѣжать тысячи глазъ, стрегущихъ его особу и спокойствїе; избѣжать осторожности бдящаго своего воинства, которое чрезъ нѣсколько часовъ ожидаетъ рѣшительнаго нападенїя; можно ли, такъ сказать, ослѣпя всѣхъ, пройти свободно? 2) Можно ли Ермаку, горящему славой и любовью, видя конецъ своихъ желанїй, имѣя въ рукахъ своихъ Царя, одушевляющаго Татаръ, дать ему свободу для новыхъ

препятствій, дать свободу обожаемой плѣнницѣ, и лишиться даже надежды когда-либо ее увидѣть? — Такія чувства герою XVI вѣка несвойственны, тѣмъ болѣе, что грубое сердце его любило въ первой разъ; а все, что неестественно, не годится для театра.

Въ III дѣйствіи (явл. II) на верьху кургана является тѣнь супруги Кучумовой. „Не обвиняй дочь нашу . . . — произно„ситъ она — судьба неисповѣдима" . . . . и проч. и проч. (Тѣнь исчезаетъ.) Сіе чародѣйство, которое сильно подѣйствовало бы на меня въ Русалкѣ, здѣсь напоминаетъ стихи Державина:

Въ тѣ дни людскаго просвѣщенья
Какъ нѣтъ кикиморовъ явленья . . . .;

напоминаетъ — и заставляетъ жалѣть, для чего Г. Авторъ не захотѣлъ и свою трагедію причислить ко днямъ людскаго просвѣщенья? для чего не вспомнилъ онъ, что охота къ волшебствамъ и привидѣніямъ (а особливо въ исторической трагедіи) проходитъ, и что мы любимъ больше Коцебу, нежели Шехеразаду — любимъ больше картину нашего сердца, слѣпокъ нашихъ чувствъ, нежели Бову Королевича. — — —

Наконецъ я дошелъ до того мѣста, гдѣ могу поздравить васъ съ новымъ от-

крытїемъ. — *Согдай*, сынъ Гетмана, находясь въ плѣну у *Ермака*, питалъ непримиримую къ нему ненависть, покушался на его жизнь, получилъ отъ него великодушное прощенїе — и послѣ всего этого перебѣжалъ къ Царю; хотѣлъ ему открыть планы и движенїе войскъ покорителя Сибири; былъ отосланъ назадъ въ оковахъ, представленъ Ермаку, и получилъ отъ одного отчаяннаго козака ударъ кинжала! — Чтожь бы вы думали произвело это? Согдай мгновенно примирился съ Ермакомъ; призналъ свою несправедливость противъ него, и въ полномъ раскаянїи произнесъ: (дѣйст. IV явл. V) „Текущая кровь прохладила во мнѣ „огонь изступленїя . . . . померкающїй „лучь моей *жизни живо* представляетъ *мнѣ*, „что я не умѣлъ чувствовать твоихъ ко „*мнѣ* благодѣянїй" и проч. . . Теперь-то пораженъ я истиною словъ одного Философа, которой сказалъ, что *нѣтъ ничего безъ пользы въ мїрѣ*. Хвала просвѣщенїю! Мы теперь узнали, что кровопусканїе можетъ излѣчить всякую ненависть. — Еще хотѣлъ бы замѣтить кое-что . . . но ваше терпѣнїе . . . . выписки . . . . боюсь! — Приступаю къ развязкѣ.

(Дѣйствїе V. явл. послѣд.) Ермакъ, выигравши послѣднее сраженїе, взявши снова въ плѣнъ Кучума *и съ дочерью*, [illegible]нъ себя

отъ радости, упавъ на колѣни, произноситъ: „Ирта! побѣдитель у ногъ твоихъ . . . . Одинъ твой взглядъ наградитъ „меня за всѣ подвиги мои, или“ - - - -

ИРТА. „Не договаривай! здѣсь отецъ „мой... „а еслибъ его не было?“ Благодарю „небо; оно не разлучило меня съ нимъ въ „сїю *горькую* минуту; мы вмѣстѣ осуждены „испить *горькую* чашу погибели. - - - - Ро„дитель мой! ты со мною: ты истощилъ „все, что въ силахъ человѣческихъ, дабы „защитить твое царство, гробы предковъ „твоихъ, и капища славныхъ боговъ нашихъ. „Ты видѣлъ, что дочь твоя, презрѣвъ пы„лающую любовь въ сердцѣ своемъ, дышала „пламенемъ войны, и мужественно сража„лась. . . . Я все совершила! . . .“

КУЧУМЪ. „*И все наше царство погибло!* Сильный Богъ рукою сего ироя пора„зилъ насъ. *Перестанемъ стенать*, и поко„римъ души наши подъ крѣпкую его дес„ницу. Ермакъ! торжествуй! ты побѣдилъ „насъ. Этого мало: сердце дочери моей при „первомъ на тебя взглядѣ воспылало къ „тебѣ любовїю. . . Я оправдываю сїе ощу„щенїе . . . Такъ, дочь моя! дай волю серд„цу твоему“ . . . и проч. . . . Конецъ вѣнчаетъ дѣло: дочь, горя нетерпѣнїемъ любви, говоритъ отцу, что *она все свершила*. .

ожидаетъ только его благословенія; а отецъ, которой недавно порицалъ пламень дочери къ Ермаку, легко забываетъ престолъ, царство, народъ, — и думаетъ, что *стенать* не такъ пріятно, какъ *пировать на свадьбѣ*! — — — — —

„Если — говоритъ Русскій путешественникъ — трагедія должна глубоко трогать наше сердце, или ужасать душу: то соотечественники Вольтеровы не имѣютъ можетъ быть ни двухъ истинныхъ трагедій“ . . . Мы имѣемъ Ермака, покорителя Сибири! — —

Заключаю тѣмъ, что въ продолженіи піесы слогъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ надутъ, выраженія несоотвѣтственны времени произшествія, связь чудесна, характеры не выдержаны.

Можетъ быть вы удивитесь, что я долго медлилъ съ разборомъ послѣ представленія, которое было 1803 года, Февраля 13. Этому причиною то, что я до сихъ поръ не имѣлъ *Ермака*, которой напечатанъ весьма недавно. Впрочемъ, пожелавъ г-ну Сочинителю лучшихъ успѣховъ, а вашему журналу юбилея, прошу васъ принять увѣреніе въ истинномъ моемъ къ вамъ почтеніи.

Дм. Ивн.

1807 года Января 22.

ПОЛИТИКА.

I.

Письмо отъ одного Берлинскаго жителя къ Герцогу Брауншвейгскому.

(Сіе достопамятное, отчасти рѣзкое и даже непристойное письмо, заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя важныя истины. Читатель извинитъ грубой тонъ, взглянувъ на день, въ которой оно написано, и разсудивъ, что сочинитель есть гражданинъ Берлина, и что онъ, по занятіи непріятелемъ сего города, по разрушеніи Прусской Монархіи, въ чрезмѣрной горести не могъ думать о приличіяхъ, не могъ и не хотѣлъ взвѣшивать свои выраженія. Когда газета, въ которой напечатано сіе письмо, получена была въ Берлинѣ; въ то время Герцогъ лежалъ на смертной постелѣ въ Альтонѣ; слѣдственно онъ умеръ не читавши его, даже не знавъ, есть ли оно на свѣтѣ.)

Ноября 3 дня 1806.

Государь мой! (Mein Herr Herzog!)

Итакъ Прусская армія истреблена. Изо-ста восьмидесяти тысячь воиновъ, об-

ученныхъ въ школѣ Фридриха, отъ всего величія, которое утверждено было на сей арміи, намъ остается только пятно, налагаемое на весь народъ уничтоженіемъ войска. Знамена, пушки, обозы, солдаты, все досталось въ руки непріятеля, и вашъ умъ не могъ найти способа по крайней мѣрѣ отдалить сіе несчастіе, по крайней мѣрѣ на одинъ день только остановить Французовъ на пути ихъ къ Берлину. Лишь только успѣли мы прочитать манифестъ, сочиненный въ Совѣтѣ Королевскомъ, въ которомъ вы были Президентомъ, и уже объявляютъ намъ о приближеніи Французовъ. Мы спрашивали одинъ у другаго: „Измѣна, или недостатокъ въ благоразуміи съ вашей стороны были причиною нашего несчастія, — или храбрые наши солдаты мгновенно превратились въ робкихъ?“ Тѣ, которые случай сей относили къ измѣнѣ, замѣчаютъ, что въ нынѣшнемъ году вы поступили такъ точно, какъ за четырнадцать лѣтъ прежде. Тогда начали вы дѣло свое пагубнымъ манифестомъ, которой въ одну минуту двадцать милліоновъ человѣкъ привелъ въ движеніе, соединилъ всѣ партіи, и влилъ новую силу въ народъ, уже одушевленный стремленіемъ къ вольности.

Такимъ образомъ вы сами себѣ приготовили трудности, которыя преодолѣвать

надлежало. Вы хотѣли потрясти ПарижЪ вЪ его основанїи, хотѣли не оставить камня на камнѣ, — это ясно показываетЪ, что вы намѣрены были истребить всѣхЪ его жителей! Подумайте, ГерцогЪ! разрушить прекраснѣйшїй городЪ Европы, истребить милїонЪ ФранцузовЪ!! — — Начальствуя надЪ шестью-десятью тысячами воиновЪ, вы безЪ сомнѣнїя разочли, сколько времени потребно для произведенїя вЪ дѣйство сего пагубнаго предпрїятїя. МанифестЪ вашЪ взволновалЪ тогда весь ПарижЪ, и вЪ самомЪ Берлинѣ возбудилЪ немалое негодованїе. ВЪ Берлинѣ понять не могли, какую вы находили пользу вЪ томЪ, что заставили разномыслящихЪ враговЪ принять одно мнѣнїе. Друзья Короля Французскаго понять не могли, какимЪ образомЪ вашЪ манифестЪ будетЪ полезнымЪ для упадающей Монархїи. Всѣ вообще думали, что если бы самЪ Парижскїй КомитетЪ общественнаго благосостоянїя управлялЪ перомЪ вашимЪ, и тогда не могЪ бы ничего лучше сдѣлать для своихЪ выгодЪ.

Всѣ ваши военныя дѣйствїя соотвѣтствовали сей первой ошибкѣ; погрѣшность слѣдовала за погрѣшностїю, одинЪ плохой поступокЪ за другимЪ; вы обходились сЪ войскомЪ своимЪ прямо непрїятельски. Оставалось вѣрить измѣнѣ; ибо когда вы такимЪ образомЪ дѣйствовали во Францїи, вЪ то

время Прусскіе полки, оставшіеся надъ Рейномъ, опустошали Франкфуртъ, и угнѣтали Князей, вашихъ союзниковъ.

Въ нынѣшнемъ году вы опять начали войну манифестомъ, которой написанъ такимъ образомъ, что самъ Наполеонъ, еслибъ вы потребовали его совѣта, не могъ бы предписать вамъ ничего такого, что болѣе споспѣшествовало бы къ ободренію Французовъ, къ возбужденію въ нихъ ревностной охоты всѣмъ жертвовать, всѣ усилія употребить для достиженія счастливой цѣли. Вы хотѣли увѣрить, что войско, привыкшее побѣждать, при первомъ вашемъ появленіи должно бѣжать изъ Германіи. Это значило нападать на самую сильную сторону Французскаго народа; ибо вы тронули честь его (*). Послѣ такого необдуманнаго начала, ошибки ваши непосредственно слѣдовали однѣ за другими. Вознамѣрив-

(*) Французы прочли манифестъ не прежде Берлинскихъ жителей, слѣдственно некогда было имъ совѣтоваться о рѣшительности на всѣ пожертвованія, на всѣ усилія. Сочинитель письма приписываетъ Французскому народу чрезвычайную щекотливость въ разсужденіи чести — справедливо ли? Знаютъ ли солдаты, за что дерутся? Грабежъ, хищеніе, насильство — вотъ пружины ихъ удальства! *Изд.*

щись нечаянно напасть на Франкфуртъ и Гессенъ, вы открыли входъ въ Саксонію и обнажили Франконскія дороги; словомъ сказать, вы съ такимъ искуствомъ сочиняли планы свои, что въ четыре дни — повѣритъ ли Исторія? — Французы овладѣли неприступными Саальскими проходами.

Какъ удержаться отъ подозрѣній въ измѣнѣ, когда нѣтъ почти ни одного жителя ни въ Берлинѣ, ни въ Потсдамѣ, которому не были бы извѣстны выгоды мѣстоположеній, коихъ вы охранить не умѣли? Но этого еще мало. Какимъ образомъ случиться могло, что вы оставили безъ защиты Эльбу? для чего вы не обезопасили мостовъ? для чего не укрѣпили Виттенберга? для чего не расположили запаснаго войска такъ, чтобы его труднѣе было истребить, нежели главную вашу армію? Еслибъ вы дѣйствительно имѣли намѣреніе помогать Французамъ разрушить Прусскую Монархію, и тогда не могли бы взять другія мѣры!

Вы и вся Пруссія громко поносили Австрійцевъ за приключеніе въ Ульмѣ; вы очень часто говорили о той чрезвычайной ошибкѣ, которую сдѣлали они при Иллерѣ, отдавшись въ руки непріятелю: не смотря на то, сіи печальные примѣры ничему не научили васъ. Не прошло еще одного года,

и вы сами повторили всѣ сіи ошибки. Ульмское произшествіе три раза было возобновлено въ продолженіе нынѣшней войны: въ первой — сдачею Эрфурта; во второй — сдачею Князя Гогенлоге; въ третій — сдачею Штеттина. Генералъ Маккъ, надъ которымъ производится строжайшее судебное слѣдствіе, по крайней мѣрѣ оставилъ корпусъ на рѣкѣ Иннѣ, чтобы затруднить непріятеля на пути къ столицѣ; а вы, Герцогъ, о томъ не позаботились; вы оставили безъ всякой защиты дорогу къ Берлину.

Когда въ сихъ поступкахъ, неподверженныхъ никакому сомнѣнію, обвиняютъ семидесяти-двухъ-лѣтняго старика, богатаго опытностію, имѣющаго хорошій природный умъ, совершенно знающаго мѣстоположенія: то какъ разувѣрить людей, которые всѣ наши несчастія приписываютъ измѣнѣ? Они могутъ сказать, что поводомъ къ измѣнѣ бываетъ корысть; что вы отъ Французовъ не могли ожидать ничего добраго; что ваша ненависть и къ нимъ и къ вольности народовъ и къ благородству мыслей довольно извѣстны; и что наконецъ *черезъ войну вы могли всего лишиться.* Возраженіе очень колкое! Но когда вы, давъ направленіе арміи, ясно обнаружили, что хотѣли театръ войны отдалить отъ наслѣдственныхъ своихъ областей, когда для

прикрытія ихъ вы обнажили средоточіе Монархіи: то развѣ сіе нарушеніе вашей должности, нарушеніе Королевской довѣренности, не есть измѣна противъ отечества?

Вы разочли, что если бы войско собрано было при Эльбѣ: то Французы, сдѣлавъ первое нападеніе, тотчасъ заняли бы ваши области. Для того вы отдалили армію, для того расположили ее при Саалѣ. Можетъ быть вы такими распоряженіями оказали подданнымъ своимъ не малую услугу; ибо въ самомъ дѣлѣ Французы вошли въ Брауншвейгъ не прежде, какъ уже по занятіи Берлина. Но ежели правда, что въ Брауншвейгѣ хвалятъ ваше благоразуміе, за то въ Берлинѣ всѣ единодушно кричатъ: измѣна!

Такъ, Герцогъ! вы займете въ Исторіи преимущественное мѣсто; вы были главнымъ начальникомъ сто-восьмидесяти-тысячной арміи, отъ которой не спаслись ни одно знамя, ни одинъ солдатъ, ни одна пушка. Что уцѣлѣло въ Эрфуртѣ, потеряно при Эльбѣ; что сохранено при Эльбѣ, утрачено при Одерѣ. Несчастный Король нашъ, столь худо награжденный за довѣренность, которою почтилъ васъ, принужденъ былъ бѣжать за Вислу, не имѣя при себѣ ниже одного солдата для охраненія своей Особы. Что вы на это скажете, Герцогъ? „Что Прусскіе „солдаты трусливы, и что страшные

„ные жандармы, которые такъ непристой„но шумѣли на площадяхъ, не могли устоять „противъ непрїятеля!“

Такой отвѣтъ взволновалъ бы весь народъ. Наши солдаты храбро сражались; они взяты въ военную службу изъ народнаго сословїя; ряды воиновъ состояли изъ сыновъ отечества. Оставленные своими Генералами и Офицерами — оставленные сими людьми, которые утверждаютъ, что простолюдима ведетъ палка, и что имъ однимъ только свойственно за честь сражаться — солдаты принуждены были класть ружья, или бѣжать, слѣдуя ихъ примѣру. Не клевещите же на бѣдной народъ, которой вами низвергнутъ въ пропасть. Клеветы не оправдаютъ васъ; ибо, если наше войско не было храброе, за чемъ начинать войну? за чемъ склоняться на ласки женщины, на восклицанїя стихотворца, на докучливость двадцати юношей? За чемъ склонились вы на то, вы, человѣкъ, пятнадцать лѣтъ наблюдавшїй движенїя страшнаго народа, которой раздражалъ вашу чувствительность? Вы, человѣкъ въ дѣлѣ военномъ искусный, имѣя довольно здраваго смысла и знанїй, должны бы разсудить о превосходствѣ непрїятельской силы, предусмотрѣть торжество Французовъ и наше несчастїе.

(Съ Нѣмецкаго.)

II.

Изелеченіе изъ письма отъ одного Французскаго миссіонарія, пребывающаго въ Китаѣ.

(Письмо прислано въ Парижскую Семинарію чужестранныхъ миссій.)

Провинція Сутшуэнъ, отъ 12 Января 1806.

Вѣра Христіянская очень успѣшно разпространяется въ здѣшнихъ провинціяхъ. Въ минувшемъ году обращено 5,181 человѣкъ, и окрещено 6,039 младенцевъ. Невѣрные добровольно, безъ малѣйшаго съ нашей стороны поощренія, приходятъ къ намъ, просятъ наставленія въ Вѣрѣ, и требуютъ книгъ, которыя мы раздаемъ безденежно для того только, чтобы познакомить ихъ съ правилами Христіянскаго нравоученія. Терпимость правительства и поступки его съ Христіянами подаютъ намъ поводъ надѣяться, что спокойствіе наше не будетъ нарушено. По возшествіи на престолъ нынѣшняго Императора всѣ гоненія прекратились. Мандарины не принимаютъ никакихъ жалобъ, приносимыхъ на насъ отъ язычниковъ. Христіяне торжественно молятся по своему закону, и никто изъ правителей не дѣлаетъ въ томъ ни малѣйшаго препятствія.

Въ Тункинскомъ округѣ недавно произошло слѣдующее: одинъ бѣдной Христїянинъ, работающїй на шелковой фабрикѣ, принуждаемъ былъ взнести нѣкоторую денежную сумму для какого-то суевѣрнаго обряда. Онъ представлялъ, что исповѣдуя Христїянскую вѣру, не можетъ принимать участїя въ языческихъ обрядахъ; не смотря на то, хозяева лишили его мѣста. Новообращенный, будучи увѣренъ въ своей невинности, принесъ въ судѣ жалобу. Судья рѣшилъ дѣло въ его пользу, и притомъ сказалъ соперникамъ: „Христїяне не требуютъ отъ васъ денегъ для отправленїя своей вѣры; слѣдственно и вы не должны ничего требовать отъ нихъ для обрядовъ идолопоклонническихъ.“

Въ другомъ округѣ одинъ Китайской же Христїянинъ, отрекшїйся платить деньги для комедїи, которую хотѣли представлять въ честь идоловъ, получилъ отъ сборщиковъ нѣсколько ударовъ. Обиженный пожаловался. Губернаторъ немедленно велѣлъ задержать сборщиковъ, и потомъ дать каждому изъ нихъ по пятьнадцати ударовъ палкою, за то — какъ онъ самъ сказывалъ — чтобы не осмѣливались принуждать Христїянъ дѣлать, что противно ихъ исповѣданїю.

Новообращенные публично собираются на молитву; скажу болѣе: мы явно проповѣдываемъ

вѣру на площадяхъ и на рынкахъ, и правительство ни въ чемъ не препятствуетъ нашей ревности. Такая терпимость заставляетъ несомнѣнно надѣяться, что Христіянство распространится, если только прислано къ намъ будетъ достаточное число духовныхъ сотрудниковъ для проповѣданія слова Божія въ сей обширной провинціи.

Провинція наша простирается отъ востока къ западу на триста, а отъ юга къ сѣверу на двѣсти двадцать миль Французскихъ. Въ ней считается двенадцать городовъ первой степени, девятьнадцать второй степени и сто десять третей степени; сюда прибавить должно еще десять, такъ называемыхъ *тингъ*, которыя суть не что иное, какъ отдѣленныя части городовъ первостепенныхъ. Провинція раздѣляется на отдѣленія: восточное, западное, сѣверное и южное. Во всѣхъ сихъ отдѣленіяхъ вѣра Христіянская распространяется съ равными успѣхами. Въ 1785 году въ сихъ округахъ было Христіянъ только *двадцать четыре*; теперь число ихъ возрасло до *сорока восьми тысячъ*. Для посѣщенія всѣхъ новообращенныхъ и для приобщенія ихъ Святымъ Тайнымъ мы должны переѣзжать великія пространства; ибо насъ здѣсь очень немного — только четыре Миссіонарія Парижской Семинаріи, со включеніемъ одного Епископа, да

девятьнадцать Священниковъ, природныхъ Китайцевъ.

Здѣсь всемѣрно стараются составить духовенство изъ природныхъ жителей. Училища, въ которыхъ публично преподаемъ христіянской законъ, уважаются правительствомъ. Невѣрные часто приводятъ къ намъ дѣтей, и просятъ обучать ихъ чтенію книгъ классическихъ. Въ здѣшней провинціи считается 64 христіянскихъ училищъ, а именно 35 для мужескаго пола и 29 для женскаго. Жаль, что мы лишены способовъ умножить число сихъ заведеній; бѣдность жителей въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тому причиною.

Императоръ позвалъ въ Пекинъ двухъ Миссіонаріевъ ордена Святаго Лазаря, куда они прошлаго лѣта и отправились изъ Кантона.

Сверхъ того изъ послѣднихъ писемъ явствуетъ, что мятежи, безпокоившіе Имперію въ 1803 году, совершенно прекращены, и что новѣйшіе, разсѣваемые по особливымъ причинамъ, слухи, будто въ Китаѣ свирѣпствуетъ междоусобная война, вовсе несправедливы.

(Съ Нѣмецкаго.)

III.

Объ ораторскомъ качествѣ покойнаго Фокса.

Болинеброкъ, *Валъполъ* и старшій *Питтъ* управляли почти всѣми *предпріятіями* своихъ соотечественниковъ; *Питтъ* младшій, *Буркъ* и *Фоксъ* имѣли великую власть надъ господствующими *идеями*, надъ политическою *системою мыслей*. Питтъ младшій и Буркъ приготовили-было совершенную перемѣну; сопротивленію Фокса приписать должно, что имъ не удалось намѣреніе свое произвести въ дѣйство. Въ теченіе ста лѣтъ Локкова система была народною; теперь она уже нѣсколько обветшала; Питтъ младшій и Буркъ потрясли ее, низвергнули; Фоксъ былъ ея возстановителемъ. Великихъ силъ требовалось, чтобы поколебать столь крѣпкое зданіе; столь же великихъ требовалось и на то, чтобы поддержать оное. Сравненіе сихъ знаменитыхъ мужей, въ разсужденіи свойствъ, дарованій и власти, доставило бы читателямъ весьма пріятное занятіе; безъ того не можетъ обойтись Англійская исторія послѣднихъ тридцати лѣтъ. На сей случай мы удовольствуемся изображеніемъ покойнаго Фокса, въ качествѣ только парламентскаго витіи, не политика. Беремъ главныя черты

изъ одного, еще не изданнаго въ свѣтъ, сочиненія (а именно изъ *Продолженія исторіи Бриттанскаго парламентскаго витійства*, писаннаго Статскимъ Совѣтникомъ Гегевишемъ).

Фоксъ былъ сынъ *Гвига* (*), и воспитанъ между *Гвигами*; и такъ не удивительно, что система сей партіи понравилась ему еще въ юношескихъ лѣтахъ. Онъ привязался къ ней тѣмъ сильнѣе, что здравый, твердый умъ его призналъ ее основательною, и что прямое, откровенное сердце его находило для себя удовольствіе въ свободномъ исповѣданіи правилъ сея системы. Впрочемъ, исполненіе самыхъ неоспоримыхъ правилъ зависитъ отъ обстоятельствъ; это есть такая истина, въ которой самъ Фоксъ часто признавался.

При великихъ способностяхъ, которыми природа щедро надѣлила его, при наблюдательномъ умѣ, при твердомъ разсудкѣ, при хорошей памяти, ему недоставало одного только — воображенія, сей Музы витійства; еще, можетъ быть, недоставало той нѣжности слуха, безъ которой не льзя

(*) Whig, такъ называется одна сторона единомышленниковъ.

быть пріятнымъ декламаторомъ. Фоксовы Слова суть плодъ ума, дѣйствуютъ только на умъ, и клонятся только къ убѣжденію. Каждое Слово его есть цѣпь однихъ доказательствъ, безъ украшеній, безъ цвѣтовъ, какіе разсыпаны въ Словахъ Бурка. Въ Рѣчахъ Фоксовыхъ много жару; но жаръ сей принадлежитъ къ усиліямъ ума, а не къ разгоряченному воображенію.

Многія мѣста въ Словахъ его особенно нравятся языкомъ сердца, когда Фоксъ упоминаетъ о друзьяхъ своихъ, когда защищаетъ ихъ, или приписываетъ имъ похвалы, или сѣтуетъ о разлукѣ съ ними; такъ напримѣръ, когда онъ говоритъ о Герцогѣ Бедфордѣ, котораго смерть похитила, или о Буркѣ, которой отложился отъ стороны Фоксовой. Столько же трогателенъ былъ языкъ Фокса, когда онъ не обинуясь говорилъ съ жаромъ, близкимъ къ восторгу, о любви своей къ вольности, на благоразуміи основанной, и о привязанности къ Бриттанской конституціи, утвержденной послѣ перемѣны въ правленіи 1688 года. Но и въ самомъ жару, даже въ минуты восторга, выраженія его были просты, чужды прикрасы.

Онъ обыкновенно употреблялъ слова, непротивныя образованному вкусу; никогда не старался пышностію возбуждать вни-

маніе. Въ семъ отношеніи онъ передъ Буркомъ есть то, что нагой, сильной борецъ передъ мечебитцомъ, у котораго на шлемѣ развѣваются высокія перья, и котораго щитъ, подобно Ахиллову, украшенъ до излишества. — Въ Фоксовыхъ Рѣчахъ не найдете ни достопамятныхъ правилъ (Maximen), ни нравоучительныхъ изреченій (Sentenzen), ни стихотворческихъ картинъ, ни сравненій, ни аллегорій; причины и доказательства составляютъ у него все. — — —

Фоксъ, какъ думать надобно, былъ несомнѣнно увѣренъ — и это есть отличительная черта его — что люди вообще, и его соотечественники въ особенности, вели бы себя благоразумно, если бы съ ними благоразумно было поступаемо. Онъ имѣлъ довѣріе къ здравому разсудку.

Между краснорѣчіемъ Фокса и старшаго Питта слѣдующая разница: Питтовы Рѣчи — произнесенныя витіею не въ юношескихъ, но въ зрѣлыхъ лѣтахъ — состоятъ изъ примѣчаній, одно за другимъ слѣдующихъ, кажется безъ связи въ разсужденіи словъ; въ самомъ же дѣлѣ умъ видитъ между ими связь совершенную, хотя нигдѣ нѣтъ союзовъ, означающихъ переходъ отъ одного періода къ другому. Вамъ кажется, что слушаете пророка, которой каждую мысль

получаетъ отъ вдохновенія свыше. Фоксовы Рѣчи состоятъ изъ доводовъ, между собою связанныхъ, и связь сія видна въ самыхъ словахъ. — —

Вообще полагаютъ, что горячій нравъ его былъ причиною двухъ недостатковъ: онъ часто не имѣлъ довольно времени выбирать приличныя выраженія и дѣлать періоды свои пріятными для слуха; произносилъ слова свои скоро, и притомъ неявственно выговаривалъ. Вообще, въ произношеніи его было болѣе силы, нежели изящности.

Въ разсужденіи наружнаго вида, Буркъ и младшій Питтъ имѣли преимущества, которыми Фоксъ не могъ похвалиться. Онъ былъ роста почти средняго, и въ послѣдніе годы своей жизни чрезвычайно растолстѣлъ. Всѣхъ трехъ Ораторовъ превзошелъ внѣшними качествами Питтъ, котораго природа одарила величіемъ и красотою.

(Съ Нѣмецкаго.)

IV.

Анекдоты, относящїеся къ исторіи Оттоманской Порты.

Мегемедъ-Иседъ-Паша, бывшїй великимъ Визиремъ, сосланъ на островъ Родосъ въ 1798 году. Причина сего заточенїя заслуживаетъ вниманїе. Онъ не захотѣлъ подписать бумаги о дозволенїи Россїйскому, подъ начальствомъ Адмирала Ушакова состоявшему, флоту войти въ Босфоръ и свободно плавать по Константинопольскому каналу. Великїй Муфтїй, которой имѣлъ одинакїя мысли съ первымъ Министромъ, и также не захотѣлъ подписаться, претерпѣлъ равную участь.

Порицать ли Визиря и Муфтїя за упрямство, или сожалѣть о нихъ? До того времени Россїйскїй флагъ никогда еще не развѣвался подъ стѣнами Сераля. За нѣсколько лѣтъ предъ симъ, Турки прежде почли бы страшнымъ несчастїемъ, предвѣщающимъ паденїе Оттоманской Монархїи, увидѣвъ чужестранные военные корабли при берегахъ Константинопольскихъ; всѣ мусульмане, ожидая преставленїя свѣта, возопили бы противъ *безбожнаго* Султанскаго повелѣнїя.

Все зависитъ отъ обстоятельствъ. Другое время, другїя мнѣнїя. Однакожь Турки

не могли смотрѣть равнодушно на первое появленіе Россійскаго флота передъ Константинополемъ. Весьма вѣроятно, что мятежъ воспламенился бы въ народѣ, если бъ тогдашнее состояніе дѣлъ не предотвратило сего несчастія. Дерзость и высокомѣріе, свойственныя Туркамъ, были тогда унижены нападеніемъ Французовъ на Египетъ; оставалось ожидать помощи отъ Русскихъ и Англичанъ, защитниковъ Оттоманской Имперіи. Такимъ образомъ Турки по неволѣ должны были покориться закону необходимости.

Ярость Турецкая, или лучше сказать, закоренѣлая ненависть къ Русскимъ вспыхнула, когда флотъ, по завоеваніи Корфу, плывшій обратно въ Крымскія пристани, появился передъ Константинополемъ. Адмиралъ Ушаковъ простоялъ на якорѣ десять дней подъ стѣнами Сераля. Въ продолженіе сего времени Офицеры часто выходили на берегъ, и опять на корабли возвращались. Двое изъ нихъ, Поручикъ и Прапорщикъ, вышедшіе на берегъ въ предмѣстіи Галатѣ, застрѣлены изъ пистолетовъ. Адмиралъ и тогдашній Россійскій Министръ, Г. Тамара, принесли Портѣ жалобу, и требовали, чтобы виновники сего злодѣйскаго поступка были наказаны примѣрнымъ образомъ. Порта, которой нужно было получить Египетъ, не

пропустила случая оказать готовность свою къ удовлетворенію справедливой жалобы. Многіе Турки взяты подъ стражу и наказаны на тѣлѣ; двумъ бѣднымъ Грекамъ, которыхъ Портѣ угодно было назвать главными виновниками преступленія, отрублены головы.

Послѣ оказалось, что несчастныя жертвы сіи, схваченныя близь мѣста, гдѣ произошло убійство, казнены безъ дальняго изслѣдованія для того, чтобы скорѣе прекратить дѣло, или чтобы закрыть истинныхъ убійцъ, можетъ быть знатныхъ чиновниковъ. Не пощажено ни денегъ, ни подарковъ для укрощенія ропота недовольныхъ симъ несправедливымъ рѣшеніемъ. Между тѣмъ не льзя не замѣтить одного обстоятельства, показывающаго вѣроломной духъ Турецкаго начальства. Казненные Греки похоронены съ такою пышностію, какой ни одинъ иновѣрецъ не удостоился въ Константинополѣ. Оба несчастные находились въ числѣ работниковъ арсенала; по сей причинѣ чиновники (Чауши) Капитана-Паши провожали тѣла до самаго кладбища. Никто не запомнитъ, чтобы Турки шли за гробомъ невѣрнаго, или, какъ они называютъ, *дьяура* (собаки). О семъ почти невѣроятномъ произшествіи свидѣтельствуютъ очевидцы.

Одинъ цырюльникъ, осужденный на смерть за убійство, вздумалъ воспротивиться верховной власти, и такимъ образомъ, что едва не удалось ему успѣть въ своемъ предпріятіи. Онъ заперъ свою лавку, и началъ палить по Яничарамъ, которые хотѣли схватить его. Многіе изъ нихъ легли на мѣстѣ; никто не смѣлъ подойти къ крѣпости. Что дѣлать? Подвезти пушки къ бѣдной хижинѣ было бы смѣшно! Рѣшились поднять ее на воздухъ. Сдѣлали подкопъ; положили бочку пороху въ яму; хижину взорвало. Какъ же удивились осаждавшіе, не нашедши своего цырюльника! Онъ видѣлъ приготовленія, и догадался, что хотятъ дѣлать; желая спастись отъ явной погибели, онъ обмоталъ вокругъ себя большой кусокъ мокрой холстины, и по взорваніи упалъ невредимо на землю. Бостанжіи примѣтивъ, тотчасъ бросились на него, и отрубили ему голову.

(Съ Нѣмецкаго.)

V.

Замѣтанія.

Еще не время описывать ужасныя событія, случившіяся въ Германіи по вступленіи Французовъ. Одинъ, весьма уважаемый публикою, Нѣмецкой журналистъ слегка упомянулъ, что у него приготовляются матеріалы, которыми надѣется объяснить неудобопонятное разрушеніе сильной Монархіи, находившейся въ зенитѣ своего величія и могущества. Впрочемъ, сіе и другія важныя описанія, по видимому, не прежде до насъ дойдутъ, какъ уже по освобожденіи сѣверной Германіи отъ Французскаго ига. До тѣхъ поръ любопытство наше должно оставаться безъ пищи. Примѣры несчастнаго Пальма и прочихъ многочисленныхъ жертвъ злости Наполеоновой связываютъ руки у писателей; ибо кому пріятно хвалить злодѣя, превозносить до небесъ дѣла, возбуждающія въ сердцахъ ужасъ и омерзѣніе, называть общимъ благодѣтелемъ врага человѣческаго рода!

J'appellerai vertu guerriere
Une vaillance meurtière,
Qui dans mon sang trempe ses mains?
Et je pourrai forcer ma bouche

A louer un héros farouche
Né pour le malheur des humains ?

Quels traits me present vos fastes
Jmpitoyables conquérans !
Des voeux outrés, des projets vastes,
Des rois vaincus par des tyrans
Des murs, que la flamme ravage,
Des vainqueurs fumant de carnage,
Un peuple aux fers abandonné
Des meres pales et sanglantes
Arrachant leurs filles tremblantes
Des bras d' un soldat effrené.

(Какъ! — говоритъ Ж. Б. Руссо въ Одѣ своей на счастье — я стану называть воинскою доблестїю убїйство, обагряющее руки въ крови моей? я принужу уста мои хвалить свирѣпаго завоевателя, рожденнаго для бѣдствїй человѣческаго рода? Какїя достопамятныя дѣла нахожу въ лѣтописяхъ вашихъ, о хищники жестокосердые! безпредѣльныя желанїя, необычайныя предпрїятїя, царей, попранныхъ тираннами, пылающїя стѣны, дымящихся побѣдителей, народъ, цѣпями обремененный, блѣдныхъ, окровавленныхъ матерей, исторгающихъ своихъ дщерей изъ рукъ неистовыхъ воиновъ.)

Но скоро, очень скоро остатки полчищъ вражескихъ понесутъ стыдъ въ отечество мятежей и разврата! Всепоглощающія волны достигли до крѣпкой преграды, — и съ шумомъ вспять отразились. Россія отвела ударъ, грозившій опасностію прочному ея благоденствію; теперь остается исполнить велѣніе Промысла, остается спасти Европу. Безсмертный подвигъ! — Можетъ быть недалеко отъ насъ то время, когда злодѣй получитъ мзду свою, и мы скажемъ съ Пророкомъ: *Видѣхъ нечестиваго превозносящася, и высящася, яко кедры ливанскія: и мимо идохъ, и се не бѣ, и взыскахъ его, и не обрѣтеся мѣсто его* (*).

Не уже ли и теперь, при столь благопріятныхъ обстоятельствахъ, Нѣмцы останутся въ бездѣйствіи! Враги ихъ безразсудною дерзостію военачальника заведены въ мѣста, отдаленныя отъ Рейнскихъ виноградниковъ, и въ такое время года, которое для южныхъ храбрецовъ не слишкомъ пріятно. Не уже ли Нѣмцы —которымъ показано, что есть еще народъ, умѣющій карать хищниковъ — захотятъ добровольными пособіями облегчать имъ способы къ продолже-

(*) Псал. XXXVI, ст. 35 и 36.

мїю военныхъ дѣйствїй, и слѣдственно вредить самимъ себѣ? Это невѣроятно! И такъ можно думать, что *великой* народъ принужденъ будетъ переправиться за Рейнъ, забыть вздорныя свои затѣи, и наконецъ образумиться. Тогда и мы обѣщаемся не отказывать имъ въ нашемъ уваженїи; однакожь, уже не станемъ учиться изящнымъ наукамъ и философїи у Французскихъ кучеровъ и парикмахеровъ!!

ОШИБКИ

въ 3 нумерѣ Вѣстника:

мѣстанно:			*читать должно:*
стран.	*стр.*		
177	5	И тамо	И такъ
204	15	писанное	писанномъ
205	10	посланіе, чтобъ достойно оцѣнить его;	посланіе; чтобъ достойно оцѣнить его,
214	14	перенести	перенесши
220	2	когда	что

Прочія неважныя погрѣшности да благоволятъ читатели поправить сами.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

МАРТЪ, 1807.

№ 6.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Два письма изъ Рима.

Въ Германіи нетерпѣливо ожидаютъ появленія книги: *Римскія Письма, или Письма Маркомана Марбода изъ Италіи, писанныя между* 738 *и* 748, *и потомъ между* 774 *и* 792 *годами отъ основанія Рима.* Августъ Роде, сочинитель сей книги, исторически изобразилъ — если не счастливѣйшій, по крайней мѣрѣ — блистательнѣйшій періодъ Рима, равно какъ нѣкоторые ученые Англичане въ *Аѳинскихъ письмахъ* изобразили Грецію, и какъ Г. Бартелеми описалъ ее въ *Путешествіи младшаго Анахарсиса.* Слѣдующія два письма переведены изъ Новаго Нѣмецкаго Меркурія, издаваемаго Г-мъ Виландомъ.

1.

Наконецъ я совершенно привыкъ ко здѣшнему городу; живу въ Римѣ какъ Римлянинъ, и не скучаю. Дневное упражненіе мое обыкновенно начинается еще до зари по утру. Слѣдуя наставленію Тирона, чтеніемъ и размышленіемъ приготовляю разумъ свой къ дѣятельности на весь день, и даю ему направленіе. Въ извѣстной часъ являюсь къ моимъ благодѣтелямъ и покровителямъ, также къ городскому Префекту Статилію Тавру, для засвидѣтельствованія имъ достодолжнаго почтенія. Потомъ иду на Марсово поле.

Тамъ провожу время въ тѣлесныхъ упражненіяхъ, и сверхъ того имѣю случай отчасу болѣе знакомиться съ молодыми Римлянами. Прилѣжно замѣчаю все достойное любопытства, и не подаю ни малѣйшаго повода учителямъ жаловаться на мое нерадѣніе. Съ ними хожу въ общественныя книгохранилища, которыхъ нынѣ здѣсь много. Главнѣйшее изъ нихъ, находящееся въ преддверіи *Храма свободы* (1), учреждено знаменитѣйшимъ сановникомъ и ученымъ мужемъ Азиніемъ Полліономъ (2), которой пользуется особенною милостію Цезаря. Недавно самъ Августъ завелъ еще одно подлѣ Аполлонова храма на горѣ Палатинской (3).

(1) Ovid. Trift. III. El. 1. 7. (2) Plin. XXXV. 2. (3) Suet. Aug. 29.

Книги обыкновенно помѣщаются въ большой горницѣ, къ которой примыкаетъ нѣсколько боковыхъ. Всѣ отличнѣйшихъ Греческихъ и Римскихъ умовъ произведенія, до насъ дошедшія, хранятся въ пергаментныхъ и папировыхъ свиткахъ. Каждому дозволяется читать ихъ. Изображенія древнихъ великихъ стихотворцевъ, философовъ, дѣеписателей не только украшаютъ сіи драгоцѣнные остатки мудрецовъ умершихъ и прекраснѣйшія произведенія мудрецовъ живущихъ, но придаютъ имъ нѣкоторую святость. Мы входимъ туда съ благоговѣніемъ, какъ будто являемся предъ лицемъ безсмертныхъ. Тамъ во всѣ часы дня можно найти людей, съ которыми бесѣдовать полезно. Удѣляю по нѣскольку времени на зрѣлища, бани, пиршества, прогулки и разговоры. Разумѣется, что почти некогда упражняться въ чтеніи книгъ; за то имѣю много случаевъ узнавать людей и взаимныя ихъ между собою отношенія. Чтобы показать образчикъ моего прилѣжанія, хочу описать тебѣ Римлянъ, сколько на то достанетъ малыхъ моихъ познаній.

Знатнѣйшіе Римляне изъ стариковъ, которые жили еще въ Республикѣ — каковы напримѣръ *Лепидъ*, *Азиній Поллїонъ*, *М. Крассъ*, *Кн. Корнелїй*, *Квинктилїй Варъ*, *Корнелїй Бальбъ* и другіе — болѣе

походятъ на Царей, нежели на гражданъ обыкновенныхъ. Прежде они занимали верховнѣйшія мѣста въ правительствѣ, то есть стояли выше всѣхъ Государей. По всему видно, что они помнятъ прежнее свое величіе. Еслибъ они и забыли о немъ когда-нибудь, то несчетныя богатства тотчасъ напомнили бы имъ о пространствѣ, которое отдѣляетъ ихъ отъ всѣхъ прочихъ, кромѣ одного только человѣка. Могущество сего человѣка жестоко давитъ ихъ сердце, хотя и показываетъ (1) онъ, будто съ ними равняется. Вельможи сіи живутъ весьма пышно. Домы ихъ суть царскіе чертоги, наполненные множествомъ невольниковъ, изъ коихъ каждой отправляетъ особливую должность. Они стараются какъ можно чаще уѣзжать изъ города въ сельскіе свои домы, гдѣ соединены всѣ возможныя пріятности натуры и искуства.

Тамъ съ пріятелями своими и единомышленниками проводятъ время оскорбленные честолюбцы въ ученыхъ досугахъ. Неутомимые ихъ умы посвящаютъ дѣятельность свою богинямъ Парнасса. Они описываютъ приключенія жизни своей, богатой великими дѣяніями; или въ эпическихъ поэмахъ и трагедіяхъ печатлѣютъ мысли свои о воль-

(1) Gibbon V. p. 168.

ности республиканской. Почти каждой держитъ въ свитѣ своей одного Греческаго философа. Ученые невольники не почитаются рѣдкостью; они обыкновенно отправляютъ должность чтецовъ.

Дѣти сихъ вельможъ гораздо сговорчивѣе отцовъ своихъ. Воспитанїе и ранняя опытность въ свѣтской жизни научаютъ ихъ соображаться съ обстоятельствами. Прежде отцы, для достиженїя цѣли честолюбивыхъ своихъ намѣренїй, всячески старались угождать народу; теперь дѣти ихъ, такою же причиною побуждаемые, всячески стараются угождать тому, котораго велѣнїямъ все повинуется. Они весьма рано оставляютъ домъ родительскїй; ибо на шестьнадцатомъ году всякой Римлянинъ обязанъ непремѣнно вступить въ военную службу. Молодые люди сопутствуютъ Легатамъ, Проконсуламъ и другимъ чиновникамъ, отъѣзжающимъ въ провинцїи (1); служатъ подъ начальствомъ ихъ, навыкаютъ въ семъ училищѣ порядка и храбрости быть полезными гражданами, стараются такимъ образомъ заложить основанїе для будущей славы своей, и возвращаются домой съ очищенными нравами, съ приобрѣтенною опытностїю въ дѣлахъ, съ познанїями о людяхъ и странахъ отдален-

(1) Suet. Jul. 42. Clav. Cicer. Ernesti V. Contubernalis.

ныхъ. Часто случается, что ихъ посылаютъ на нѣсколько лѣтъ въ Грецію для образованія ума и обработанія способностей. Какъ вѣжливы, какъ любезны сіи молодые люди! какая непринужденность въ наружномъ видѣ! какая пріятная веселость на лицѣ! какая отважность во взорахъ! Къ симъ преимуществамъ должно еще прибавить, что почти каждой изъ нихъ умѣетъ искусно изъяснять свои мысли, каждой умѣетъ наслаждаться жизнію, каждой умѣетъ удовлетворять потребности души своей (1). Обхожденіе съ ними доставляетъ мнѣ великое удовольствіе. Не могу описать тебѣ ихъ вѣжливости, остроумія, чувствительности. Радость одушевляетъ ихъ пріятельскія бесѣды. Имѣя на головахъ вѣнки, чаши въ рукахъ, они бросаютъ кости, кому достанется быть учредителемъ. Жребій назначаетъ царя пиршества (2). Сей счастливецъ отдаетъ приказанія, и ему всѣ повинуются; одного заставляетъ пропѣть пѣсню (3); другому велитъ разсказать любовное приключеніе (4); третій долженъ опорожнить столько стакановъ, сколько буквъ содержится въ имени его любовницы или пріятеля (5), или же выпить по стакану въ честь каждой изъ Грацій, и тому подоб-

(1) Hor. I. Ep. IV. 6. (2) Hor. I. Od. IV. 18. (3) Tac. Ann. XIII. 15. (4) Hor. I. Od. XXVII. 10 etc. (5) Mart. I. 72.

ное. Правда, не всѣ пиршества одинаковы; бываютъ исключенія.

Здѣсь есть нѣкто *Ведій Поллїонъ*, столько же извѣстный по своему богатству, какъ и по безчеловѣчному нраву. Случилось Цезарю ужинать у Ведія, котораго онъ щедро осыпалъ милостями своими, возведши въ рыцарское достоинство изъ отпущенниковъ. Въ то самое время виночерпъ разбилъ хрустальной кубокъ высокой цѣны. *Ведій* тотчасъ велѣлъ бросить его въ прудъ на снѣденіе муренамъ (хищнымъ рыбамъ). Бѣдной виночерпъ молилъ Цезаря о помилованіи — и не тщетно; но *Ведій* оставался непреклоненъ. Наконецъ Августъ употребилъ власть, и желая наказать жестокаго своего хозяина, велѣлъ перебить всю хрустальную его посуду (1).

Вообще, всякой Римской житель увѣренъ въ своихъ преимуществахъ. Названіе *Римскаго гражданина* заставляетъ его чувствовать собственное достоинство. Каждой думаетъ о себѣ, что имѣетъ участіе въ мнимомъ господствованіи надъ вселенною; думаетъ, что легіоны, поражая враговъ на предѣлахъ Имперіи, плетутъ для него вѣнецъ лавровой. Римлянинъ часто слу-

(1) Dio Cafs. LIV. 23. Sen. de ira III. 40. Plin IX. 39.

шаетъ прекрасныя рѣчи витій, посѣщаетъ зрѣлища, путешествуетъ и сражается въ разныхъ частяхъ свѣта; отъ того разумъ его приобрѣтаетъ новыя знанія, языкъ обогащается словами, даже вкусъ нѣкоторымъ образомъ очищается. Однакожь простые граждане, по различію упражненій своихъ, составляютъ разныя отдѣленія, которыя по тому и въ мысляхъ не сходствуютъ между собою. Къ первому отдѣленію причисляю купцовъ, барышниковъ, откупщиковъ, сборщиковъ; ко второму — воиновъ, приказныхъ служителей, сторожей при храмахъ, землепашцовъ; къ третьему — ремесленниковъ и праздношатающихся. Гордость людей, къ послѣднимъ двумъ отдѣленіямъ принадлежащихъ, заключается въ тѣснѣйшихъ предѣлахъ. Они, по большой части, проводятъ время свое у воротъ богачей, отъ которыхъ получаютъ пищу за свои *услуги*; провожаютъ ихъ изъ дому и обратно, и ходятъ по площадямъ за ними.

Сіи люди не способны заниматься домашнею работою. Здѣсь обыкновенно говорятъ: *хлѣбъ и Цирцическія игры* (ludi Circenſes) *составляютъ верховное благо Римской черни.* Еще есть особой родъ людей, о которыхъ я почти сомнѣваюсь, точно ли принадлежатъ они къ человѣческому племени. Это нищіе. Чтобъ возбудить

состраданіе въ проходящихъ, они не только страшнымъ образомъ корчатся, не только одѣваются въ гадкія рубища, накладываютъ мази, поддѣлываютъ горбы и деревяшки; но — о ужасъ! — похищаютъ малолѣтныхъ дѣтей у родителей, изнуряютъ ихъ голодомъ, безъ милосердія уродуютъ ихъ, и сими ненавистными способами достаютъ себѣ деньги (1).

Не упоминаю о безчисленномъ множествѣ чужестранцовъ, стекшихся изъ всѣхъ частей свѣта. Само собою разумѣется, что каждой изъ нихъ не вовсе отрекся отъ своего отечества.

Надлежало бы сказать тебѣ что-нибудь о здѣшнихъ женщинахъ; но теперь утомилось перо мое Оставляю до другаго времени. Прости.

2.

Я поступилъ весьма неосторожно, обѣщавшись описать тебѣ Римскихъ женщинъ. Кто въ состояніи изобразить всѣ цвѣты, растущіе на обширномъ полѣ? Положимъ, что и удалось бы какому-нибудь счастливцу живо представить видъ ихъ, краски; но какъ изобразить запахъ? А это душа цвѣтовъ. Чтобы сдержать слово, опишу ихъ

(1) Sen. Controv. V. 33.

тебѣ, какъ умѣю. Буду держаться одной истины; украшать не мое дѣло. Германцу, которой привыкъ видѣть своихъ голубоокихъ, свѣтлорусыхъ красавицъ, черноволосыя Римлянки покажутся странными. Смотря на Римлянку думаешь, что сама Ночь покоится на головѣ ея, и что искры изъ очей ея вылетаютъ. Рѣдкая имѣетъ свѣжій цвѣтъ въ лицѣ; кожа на тѣлѣ ихъ такъ тонка, что даже свѣтится насквозь. Ростъ вообще посредственной; но женщина высокая и тонкая, съ низкими плечами, съ грудью не слишкомъ полною, съ длинными руками, съ бѣлокурыми волосами, почитается совершенною красавицею (1). Здѣсь думаютъ, что дородность прилична болѣе кулачнымъ бойцамъ, нежели женщинамъ. Чтобы не подпасть сему колкому упреку, красавицы изнуряютъ себя строгимъ воздержаніемъ отъ пищи, и стягиваются такъ крѣпко, что насилу духъ переводятъ (2). Теперь имѣешь понятіе о наружномъ видѣ нынѣшнихъ Римлянокъ, на которыхъ вѣроятно и древнія походили. Но что касается до сходства и различія въ душевныхъ качествахъ между тѣми и другими, можешь судить по слѣдующему описанію.

Нахожу въ книгахъ и слышу ежедневно, что отечество, супругъ, дѣти, наполняли

(1) Prop. II. El. II. 5. etc. (2) Terent. Eun. II. Act. II. Sc. III. 22 etc.

всю душу древнихъ Римлянокъ. Когда Республикѣ надобны были деньги, онѣ доброволно приносили въ даръ отечеству драгоцѣнные свои уборы (1). По смерти великихъ мужей, оказавшихъ важныя услуги обществу, въ честь ихъ носили печальное платье (2). Когда дикое упрямство оскорбленнаго военачальника (К. Марсія Коріолана) грозило городу опустошеніемъ: женской пріятной взглядъ, убѣдительное краснорѣчіе смягчили гордое сердце, и заставили его вспомнить о должности сына, супруга, отца и гражданина (3). Когда всѣ жители мучились неизвѣстностію объ окончаніи войны, отъ которой зависѣла судьба Рима: женщины, духомъ благочестія водимыя, посѣщали всѣ храмы; ихъ усердныя молитвы, торжественные обѣты, твердое упованіе на помощь боговъ успокоили печальныхъ гражданъ, поселили въ нихъ утѣшительную надежду, и ободрили духъ, изнемогшій отъ унынія (4). Лукреція, изнасилованная молодымъ Тарквиніемъ, не пережила своего безчестія 5). Древнія героини добродѣтели принимали у себя только ближайшихъ родственниковъ; не знали, и не хотѣли знать, что дѣлается за порогомъ ихъ дома. Днемъ сидѣли въ отдаленныхъ комнатахъ (in te-

(1) Livius V. 25. 50. (2) Liv. II. 7. 16. (3) Plut. Coriol. (4) Liv. XXVII. 50. (5) Dion. Hal. IV.

dio aedium, in atrio), и ткали платья для дѣтей своихъ и супруговъ (1). Онѣ не искали забавы въ стихотворцахъ, наставленія въ философахъ, пріятнаго провожденія времени въ дѣеписателяхъ. Супругъ былъ для нихъ единственною причиною, единственнымъ средствомъ видѣть, слышать, размышлять, чувствовать.

Однакожь, вопреки симъ доводамъ великодушія, любви къ отечеству, кротости, повиновенія, благонравія и бережливости, находимъ, что женщины съ безчиніемъ и наглостію требовали уничтоженія Оппіева закона, по которому запрещено имъ было носить багряныя и разноцвѣтныя платья, золотые наряды, и ѣздить по городу на колесницахъ (2). Тарпея предала Капитолій Сабинамъ за золотое кольцо и запястье (3); измѣнила собственному своему отцу, и безпечно проѣхала по окровавленному его трупу (4). Вестальскія дѣвы: Минуція, Опиллія, Флоронія, Эмилія, осуждены на казнь за безчинство (5). За то уже Корнелія, мать Гракховъ, славилась умомъ своимъ и знаніями; письма ея и теперь почитаются образцомъ хорошаго слога (6). Таковы древнія Римлянки!

(1) Liv. I. 57. Deocrat. dial. 29. (2) Liv. XXX. 1. 2. 5. Val. Max. IX. 1. 3. (3) Dion. Hal. II. Liv. I. 11. (4) Dion. Hal. IV. Liv. I. 48. (5) Liv. VIII. 15. XXII. 57. Epit. LXIII. (6) Cic. Brut. 58.

Напротивъ того желанїе нравиться и привязанность къ удовольствїямъ, по видимому, суть главныя пружины, управляющїя всѣми поступками нынѣшнихъ Римлянокъ (1). Государствомъ управляетъ одинъ человѣкъ; повсюду тишина господствуетъ: и такъ не удивительно, что ни великихъ добродѣтелей, ни великихъ пороковъ не видно на позорищѣ. Очень ясно, что за недостаткомъ важныхъ предметовъ, душа обращаетъ свою дѣятельность на мѣлочи. Прежде всѣ искали вѣнцовъ славы; нынѣ всѣ ищутъ вѣнковъ удовольствїй, къ которымъ чрезвычайныя богатства показываютъ дорогу. Избытокъ призываетъ въ Римъ всѣ искуства, всѣ науки изъ странъ отдаленныхъ. Римляне, чтобъ не умереть отъ скуки, пресыщаютъ духъ свой и тѣло.

Жилище Римлянки съ улицы не уступаетъ храмамъ въ великолѣпїи (2). Вкусъ и искуство, кажется, спорятъ о преимуществѣ угодить своей богинѣ.

Молодыя дѣвушки не щадятъ никакихъ трудовъ, никакихъ усилїй для возвышенїя своихъ прелестей. Для нихъ мало пользоваться всѣми выгодами украшенїй; нѣтъ — онѣ призываютъ самыхъ Музъ, молятъ ихъ объ усовершенствованїи даровъ

(1) Val. Max. IX. I. 3. (2) Corn. Nep. Praef.

природы. Упражненіе въ пляскѣ научаетъ ихъ пріятно стоять и ходить; музыка показываетъ имъ способы плѣнять произношеніемъ (1); то и другое доставляя имъ забаву, служитъ сладкою пищею для тщеславія. Даже стихотворство и краснорѣчіе не исключены изъ круга ихъ упражненій. Сіи искусства знакомятъ ихъ съ *истиною*, съ *добромъ*, съ *изящностію*; а иногда случается, что производятъ прекрасные плоды, если сѣмена упадутъ на плодородную землю. *Сульпиція*, дочь С. Сульпиція, одного знатнаго человѣка, извѣстна по стихотворнымъ своимъ сочиненіямъ, которыя плѣняютъ каждаго любезною простотою (2).

Старушки никакъ не хотятъ отказаться отъ почестей, которыя привыкли получать отъ обожателей; онѣ всячески стараются удержать при себѣ отлетающую молодость и пригожество; употребляютъ всевозможные способы съ помощію искусства закрыть и замѣнить свои недостатки, подлинные или мнимые; самыми отвратительными средствами не гнушаются, лишь бы только очернить бѣлизну головы своей, освѣжить увядшія розы, сгладить умножающіяся морщины. Мнѣ сказывали, что многія пожилыя женщины имѣютъ у себя запасъ ослинаго

(1) Macr. Sat. II. 10. Prop. I. El. II. 27. etc. II. El. III. 17. etc. (2) Tib. IV. El. III. etc.

молока, воловьяго, телячьяго и крокодильяго навозу, деревяннаго масла, камеди, сала, оленьяго мозгу и желчи разныхъ животныхъ (1); даже ѣдкое мыло, которое у Галловъ научились мы дѣлать изъ сала, золы и растеній, и которымъ красимъ волосы, Римскія женщины не лѣнятся выписывать для себя изъ Германіи (2). Однакожь сему дурачеству подвержены не однѣ только старухи, но и молодыя. Теперь господствуетъ мода предпочитать свѣтлорусые волосы всѣмъ прочимъ; и такъ не мудрено, что натура должна уступить искуству. Нѣкоторыя женщины, вмѣсто своихъ волосовъ, носятъ наши Германскіе, за которые платятъ много денегъ (3).

Старыя и молодыя женщины вмѣняютъ себѣ въ славу говорить по Гречески; въ этомъ онѣ подражаютъ мужьямъ своимъ (4), которые, и вообще всѣ лучшіе люди въ Римѣ, разговариваютъ между собою по большей части на Греческомъ языкѣ. Причина очевидна. Греки и прежде были и нынѣ суть учители Римлянъ во всемъ относящемся до наукъ и художествъ (5).

---

(1) Plin. XXVIII. 50. (2) Ibid. 51. Ovid. A. a. III. 163. Mart. XIV. 25. (3) Ovid. Amor. I. 14. A. a. III. 165. (4) Juv. VI. 185 etc. (5) Quinct. I. 1.

Я сказалъ, что въ старину Римляне жили уединенно, и принимали только ближайшихъ родственниковъ; теперь онѣ почти безпрестанно посѣщаютъ пиршества, гульбища, бани, зрѣлища; летаютъ отъ забавъ къ забавамъ, отъ веселостей къ веселостямъ; не думаютъ ни о хозяйственной бережливости, ни о здоровьѣ, ни о добромъ имени.

Связи семейственныя ослабли (1). Сыновья въ младенческихъ лѣтахъ отдаются на руки наемнымъ воспитателямъ, по большей части Грекамъ (2), и рѣдко видятъ матерей своихъ. Дочери на двенадцатомъ году выходятъ за мужъ (3). Супружество почитается не иначе, какъ тяжкимъ игомъ, законами налагаемымъ. Мужья, привыкнувъ жить распутно въ сообществѣ невольницъ, отпущенницъ и чужестранокъ, не обуздываютъ своихъ вожделѣній, и слѣдственно не умѣютъ наслаждаться любовію супружескою. Они даже не стыдятся явно говорить о томъ. Самъ Метеллъ, прозванный Македонскимъ, будучи Ценсоромъ, въ рѣчи своей противъ безбрачія произнесъ слѣдующее: „Еслибъ можно было, Римляне, обойтись безъ женъ законныхъ; то каждой изъ насъ охотно уволилъ бы себя отъ такого бре-

(1) Cic. pro Cluent. 70. (2) Plin. Paneg. 13. De Orat. dial. 29. (3) Dio Caff. Liv. 16. Цицеронъ выдалъ дочь свою Туллію на тринадцатомъ году. Cic. ad Att. 1, 3.

мени. Но природа такъ опредѣлила, что намъ и съ ними жить не очень пріятно, и безъ нихъ обойтись никакъ не можно. И такъ, предпочтемъ благо общее кратковременному удовольствію (1).“

Какъ же можно статься, чтобы при такой холодности мущинъ, при отчужденіи отъ священной любви супружеской, которая въ обладаніи единымъ сердцемъ находитъ истинное счастіе — какъ можно статься, говорю, чтобы женщины охотно заключали брачной союзъ, отъ котораго ничего не ожидаютъ, кромѣ неудовольствій? какъ можно статься, чтобы онѣ, вышедши за мужъ, хранили вѣрность, когда по большей части сами родители, безъ вѣдома дѣтей, договариваются между собою объ ихъ женитьбѣ или замужствѣ? И такъ не удивительно, что разводы здѣсь весьма часто случаются, и что вошло въ обычай говорить: *во многихъ семействахъ браки и разводы мѣняются чаще Консуловъ* (2)! По несчастію самые законы вводятъ женщинъ въ соблазны. Нынѣ почти всѣми принято обыкновеніе жениться не по прежнему законному обряду, но по праву

(1) Liv. Epit. LIV. Suet. Oct. 89. Gell. I. 6. У Геллія Метеллъ названъ Нумидійскимъ несправедливо. (2) Juv. VI. 225. Sen. de ben. III. 16. Mart. VI. 7.

долговременнаго обладанія, или какъ здѣсь называютъ: per usucaptionem. Право сіе имѣетъ тотъ, кто провелъ неразлучно съ женщиною одинъ годъ. Если жена въ продолженіе сего времени отлучится отъ мужа только на три ночи; въ такомъ случаѣ бракъ почитается разрѣшеннымъ. Многіе, по разводѣ раскаеваются въ своемъ поступкѣ, мирятся и — опять разводятся. Самаго Мецената упрекаютъ, что онъ часто разводился съ Теренціею (1).

Не смотря на то, мнѣ сказывали, что Антистія, разставшись съ Помпеемъ, лишила себя (2) жизни. Порція, дочь Катонова, услышавъ о смерти Брута, своего мужа, проглотила (3) горящій уголь, и такимъ образомъ окончила жизнь свою. Октавія, любимая сестра Августова, вдова Марка Антонія, можетъ почесться образцемъ женскихъ добродѣтелей. Наконецъ, шесть дѣвъ, служительницъ богини Весты — послѣ увѣдомлю тебя о нихъ подробнѣе — среди роскоши, соблазновъ и разврата, съ юныхъ лѣтъ въ уединеніи проводятъ жизнь совершенно святую, и даже не подаютъ повода подозрѣвать себя въ томъ порокѣ, за которой прежде нѣкоторыя Весталки претерпѣли

(1) Sen. de prov. 3. — Epist. 114. (2) Alex. ab Alex. IV. 8. (3) Plut Brutus.

казнь самую мучительную. — Таковы нынѣшнія Римлянки!

Что ты скажешь о нихъ? Не уже ли совершенно обвинишь ихъ, что не слѣдуютъ примѣру добродѣтельныхъ своихъ бабокъ? Что до меня касается — боюсь, не пристрастно ли сужу, не плѣнился ли прелестями и красотою любезныхъ вѣтреницъ — я почти готовъ защищать ихъ противъ обвиненій строгихъ нравоучителей!

Въ тѣхъ и другихъ нахожу одинакія склонности, страсти, вожделѣнія, способности; разница въ томъ только, что обстоятельства однѣмъ благопріятствовали, другимъ напротивъ. Это травы, растущія въ разныхъ климатахъ. Другія времена, другіе обычаи. Кого хвалить, кого охуждать? По моему мнѣнію, какъ древнія Римлянки, такъ и новыя не заслуживаютъ ни совершенной похвалы, ни совершеннаго порицанія. Виновато время!

Сверхъ того, я представляю себѣ, что если не совсѣмъ пріятно жить съ остроумною вѣтреницею; равнымъ образомъ не льзя назвать совершенно счастливымъ и того, кто женатъ на *смиренной* красавицѣ — только *смиренной*, и болѣе ничего. И такъ домашнее счастье древнихъ и нынѣшнихъ Римлянъ почти одинаково. Какъ бы то ни было,

не можно сказать утвердительно, что, тѣ и другіе помѣнявшись женами, понесли бы уронъ.

Еслибъ совершенство могло быть удѣломъ человѣчества; то надлежало бы искать его въ тѣхъ женщинахъ, въ которыхъ старинныя добродѣтели соединены съ нынѣшнею любезностію. Въ такомъ случаѣ женщина во всякое время, при всякихъ обстоятельствахъ была бы истиннымъ счастіемъ для мущины.

Теперь нечего болѣе говорить о Римлянкахъ, собственно такъ называемыхъ; остается упомянуть о прелестныхъ женскаго пола существахъ, которыя живутъ здѣсь роскошно, хотя не имѣютъ ни богатства, ни имени въ обществѣ. Это отпущенницы и чужестранки; ихъ великое множество. Законъ запрещаетъ Римскимъ гражданамъ жениться на нихъ; за то уже открыто пространное поле для волокитства (1). Трудно найти знатнаго молодаго Римлянина, которой былъ бы свободенъ отъ цѣпей какой-нибудь отпущенницы, или чужестранки. При сихъ выгодахъ онѣ имѣютъ еще и ту, что имъ не запрещаются богатые уборы. Онѣ могутъ носить платья всѣхъ цвѣтовъ безъ изключенія, между тѣмъ какъ Римскія граж-

(1) Ovid. A. a. I. 33.

данки непремѣнно должны одѣваться въ бѣлое шерстяное или полушелковое платье (1), и на верху онаго, въ знакъ достоинства, носить (2) длинную багряную *столу*, съ краями золотомъ вышитыми. Прелестницы умѣютъ замѣнять сїе великолѣпное украшенїе другими. Изъ подъ короткой *туники*, поднятой на золотыхъ цѣпочкахъ, или на драгоцѣнныхъ, жемчугомъ унизанныхъ пряжкахъ, видна прекрасная бѣлая ножка, привлекающая на себя взоры каждаго мущины (3). Не удивляюсь, что съ такимъ любопытствомъ ищутъ случая видѣть ихъ на гуляньяхъ, на зрѣлищахъ и во храмахъ. *Щеголь* почитаетъ непремѣнною своею должностїю поутру явиться въ уборной комнатѣ прелестницы, для засвидѣтельствованїя ей своего почтенїя. Можетъ быть ты захочешь знать, какїе люди называются здѣсь щеголями. Читай далѣе.

Вотъ въ чемъ состоятъ обязанности и упражненїя щеголя: сидя передъ зеркаломъ, со всевозможнымъ тщанїемъ приводить въ надлежащїй порядокъ завитыя кудри; намащаться благоуханїями, не наблюдая никакой мѣры; напѣвать безпрестанно любовныя пѣсенки; въ пляскѣ не уступать никакому

(1) Böttigers Sabina S. 335 etc. (2) Hor. I. Serm. II. 29. Ovid. A. a. I. 32. (3) Petr. c. 126.

мастеру; по цѣлому дню просиживать въ женской уборной, и волочиться за прелестницами; читать и сочинять любовныя письма; всемѣрно остерегаться, чтобы не измять складокъ у своей *тоги*; знать всѣ хитрости волокитства; присутствовать на всѣхъ пиршествахъ; знать наизусть родословную всѣхъ лучшихъ бѣгуновъ (1).

„Эти щеголи — скажешь ты — суть „ни къ чему годныя твари!" Я тоже думаю. — Мнѣ должно бы говорить еще о тѣхъ животныхъ, которыя ввечеру, подобно нетопырямъ, шатаются по улицамъ, подъ сводами цирка, по ѳеатрамъ (2), и обираютъ сластолюбцевъ; но упомянувъ объ ихъ существованіи, думаю, что я сдѣлалъ все, чего ты можешь отъ меня требовать, не оскорбляя благопристойности. Прибавлю еще, что женщинамъ запрещается смотрѣть на борьбу атлетовъ (3); всѣ прочія позорища для нихъ открыты. На ристалищахъ онѣ выбираютъ для себя мѣста по произволенію (4); но въ ѳеатрахъ и въ амфиѳеатрахъ должны садиться на самыхъ верхнихъ скамьяхъ (5). И такъ не удивительно, что молодые граждане во время представленія глядятъ къ верху, и сидятъ

(1) Mart. III. 63. (2) Juv. III. 65. (3) Suet. Oct. 44. (4) Ovid. A. a. 1. 136. etc. (5) Suet. Oct. 44.

искосивши голову (1). Желаю, чтобъ и тебя какая-нибудь красавица наградила умильнымъ взглядомъ за трудъ, понесенный при чтенiи сего длиннаго письма. Прости!

Примѣч. Во времена Республики Римляне такъ дорожили природнымъ языкомъ своимъ, что чиновныя особы въ судилищахъ даже Грекамъ отвѣчали полатыни; а Греки говорили съ ними черезъ переводчиковъ; и это наблюдалось не только въ Римѣ, но въ Грецiи въ Азiи. См. Val. Max. II. 2. 2. Исключенiе сдѣлано въ первой разъ для славнаго ритора Молона Родiйскаго; которому дозволено было говорить въ Сенатѣ безъ переводчика. Val. Max. II. 2. 3.

II.

Госпожа Тике.

Женщина, о которой хочу говорить, можетъ почесться прообразованiемъ преступницы, за нѣсколько лѣтъ передъ симъ обратившей на себя всеобщее вниманiе въ Берлинѣ. При Лудовикѣ XIV жилъ въ

---

(1) Prop. IV. El. VIII. 77.

Парижѣ книгопродавецъ, именемъ Карлье. У него была прекрасная дочь, послѣ смерти отца на пятьнадцатомъ году оставшаяся сиротою съ имѣнїемъ, которое простиралось до 500,000 франковъ. Не нужно сказывать, что множество обожателей окружило богатую красавицу. Въ числѣ ихъ находился Парламентской Совѣтникъ г-нъ Тике, которой умѣлъ одну старую тетку склонить на свою сторону посредствомъ щедрыхъ подарковъ. На свѣтѣ легче всего уговорить пятьнадцатилѣтнюю дѣвушку выдти за мужъ. Легкомыслїе, любопытство, неопытность, желанїе поравняться со взрослыми, радость, чувствуемая отъ увѣренности, что всѣ подруги станутъ удивляться и завидовать, мысли о брачномъ пиршествѣ, и подобныя симъ ребяческїя причины, вмѣстѣ съ убѣдительными совѣтами тетушекъ, сильно подѣйствовали на волю красавицы. Чтобы скорѣе окончить дѣло, господинъ Парламентской Совѣтникъ прислалъ дѣвицѣ Карлье, въ день именинъ ея, пучокъ душистыхъ цвѣтовъ, среди коихъ сїяла алмазная роза. На другой день невѣста дала слово. Свадьбу праздновали съ великою пышностїю. Казалось, что въ первые годы супружества мужъ и жена были весьма довольны своимъ выборомъ. Небо даровало имъ два залога любви, и г-жа Тике съ материнскою нѣжностїю

прижимала ихъ къ груди своей, богатыми кружевами украшенной.

Госпожа Парламентская Совѣтница спокойно расточала деньги свои, думая, что мужъ ея такъ же богатъ, какъ она сама. Наконецъ узнала, что ее обманули, и что прекрасной пучокъ цвѣтовъ, которой *вымаилъ* у нее согласіе на бракъ, купленъ на счетъ ея приданаго. Такое открытіе легко можетъ охладить жаръ и *любящаго* сердца, а въ *безпристрастномъ* поселить даже отвращеніе. Согласіе въ супружеской жизни есть нѣжной цвѣтокъ, мгновенно увядающій при недостаткѣ лучей взаимной любви, при оскудѣніи питательнаго сока взаимнаго почтенія. Г-жа Тике скоро возненавидѣла своего мужа, полюбила одного гвардейскаго Капитана, по имени Монъ-Жоржа, и потребовала развода. Г. Тике съ своей стороны жаловался на безпорядочное поведеніе жены, просилъ дозволенія задержать ее подъ стражею, и успѣлъ исходатайствовать Королевское повелѣніе (lettres de cachet). Прелестная супруга увѣдомилась о томъ заблаговременно, и видя крайнюю необходимость, рѣшилась у красоты своей искать помощи. Она притворилась, будто мучится раскаяніемъ; ласкала, нѣжила и просила своего мужа до тѣхъ поръ, пока не достала въ свои руки повелѣнія Королевскаго,

которое тотчасъ бросила въ огонь, пошутила надъ легковѣріемъ своего мужа, и стала жить по прежнему. Господинъ Парламентской Совѣтникъ опять началъ-было хлопотать о Королевскомъ повелѣніи, но ему дано знать, что онъ дурачится. Такимъ образомъ и задержаніе подъ присмотромъ и разводъ остались втуне. Супруги, раздѣливъ имѣніе и сердца свои, которыя давно уже были не вмѣстѣ, остались жить въ одномъ домѣ, госпожа на правой половинѣ, господинъ на лѣвой. Три года провели они взаимно не любя другъ друга, однакожь и не подавая причины много о себѣ говорить себѣ въ обществѣ.

Въ одинъ день г-жа Тике пріѣхала къ Графинѣ д' Оне въ крайнемъ безпокойствѣ. На вопросъ, что ее такъ потревожило, она отвѣчала: „Я цѣлой часъ просидѣла у чор„та.“ — Такъ вы были не въ пріятномъ обществѣ! — сказала Графиня. Г-жа Тике изъяснила загадку, объявивъ, что пріѣхала отъ ворожеи, которая гадаетъ на кофе. — Чтожь она вамъ предсказала? „Очень много „хорошаго! будто я черезъ два мѣсяца вос„торжествую надо всѣми своими непріяте„лями, и сдѣлаюсь совершенно счастливою. „Жаль только, что это не можетъ стать„ся, пока живъ г-нъ Тике; а онъ еще такъ „здоровъ . . . . Мнѣ не льзя дождаться со„бытія сего пророчества!“

Въ этотъ день она чрезвычайно досадовала на своего мужа, за то что онъ сослалъ подозрительнаго привороотника, и рѣшился, никому недовѣряя, запирать ворота и прятать ключи у себя подъ подушкою. Вечера обыкновенно проводилъ онъ у своей прїятельницы г-жи Вильмаръ. Г-жа Тике жаловалась на судьбу свою Графинѣ Сенонвиль, которая приѣхала навѣстить ее. „Надобно проучить его — сказала Графиня — я просижу у васъ, пока онъ приѣдетъ; буду ждать, пока уляжется; потомъ заставлю опять встать, и отпереть ворота.“

Г-жа Тике разсмѣялась. Графиня въ самомъ дѣлѣ рѣшилась дожидаться; но г. Парламентской Совѣтникъ въ обыкновенное время не приѣхалъ. Вдругъ услышали выстрѣлъ изъ пистолета подъ окнами и крикъ: *убїйство! помогите!* Женщины тотчасъ послали людей на улицу, и увѣдомились, что какїе-то бездѣльники напавъ на г-на Тике, тяжело ранили его, и что онъ отнесенъ въ домъ г-жи Вильмаръ. Г-жа Тике почла за долгъ благопристойности немедленно отправиться къ больному; ее не приняли. Мужъ ея потерялъ много крови; однакожь ни одна изъ пяти ранъ его не была смертельна. Полицейской офицеръ спросилъ г-на Тике, не имѣетъ ли онъ враговъ. „Имѣю одного — отвѣчалъ Совѣтникъ: этотъ врагъ — жена моя.“

Г-жа Тике на другой день, не показывая ни малѣйшаго смущенія, посѣтила Графиню д'Оне, вѣроятно чтобъ освѣдомиться, какая молва носится въ обществѣ о семъ приключеніи. Графиня спросила, узналъ ли г-нъ Совѣтникъ убійцъ своихъ? „Нѣтъ — отвѣчала Г-жа Тике: а еслибъ и узналъ, то вѣрно не объявитъ о нихъ, для того чтобы пало на меня подозрѣніе. Я готова божиться, что всѣ будутъ меня обвинять въ семъ преступленіи." — Я думаю — сказала Графиня — надобно бы взяться за привратника, которой кажется очень подозрительнымъ.

Г-жа Тике, возвратившись домой, нашла записку, въ которой совѣтовали ей спасаться бѣгствомъ, потому что непремѣнно будетъ взята подъ стражу. Она пренебрегла полезной совѣтъ, равно какъ и другіе сему подобные. Наконецъ пришелъ къ ней какой-то монахъ, которой убѣждалъ ее не терять ни минуты, напоминая, что время для нее очень дорого. Онъ даже принесъ монашеское платье, приготовилъ на дворѣ носилки, а на улицѣ почтовую коляску, въ которой надлежало ей поспѣшно отправиться въ Кале, и оттуда плыть въ Англію. Исторія не упоминаетъ, кто именно бралъ въ ней столь великое участіе. Молодая прекрасная жен-

щина; хотя была бы преступница, вездѣ имѣетъ пріятелей.

Г-жа Тике не хотѣла ничего слушать, почитая совѣты сіи хитрою выдумкою мужа, которой надѣялся, какъ она думала, симъ способомъ присвоить себѣ ея имѣніе. Лишь только монахъ удалился, вошла Графиня Сенонвиль. — „Очень радуюсь, что вы здѣсь — сказала г-жа Тике: я съ часу на часъ ожидаю служителей правосудія. Пожалуйте останьтесь со мною: мнѣ очень хочется, чтобы люди сіи нашли меня здѣсь не одну.“ Въ самомъ дѣлѣ пришелъ уголовной судья съ приставами. „Къ чему такое „множество людей? — насмѣшливо сказала „ему г-жа Тике: видите, что я ждала „васъ не унывая, и охотно поѣду съ вами, „куда угодно.“ Послѣ того она просила судью о дозволеніи запечатать комнаты, чтобы домашніе уборы сохранились въ цѣлости; нѣжно обняла своего сына, котораго очень любила; дала ему денегъ на игрушки; когда началъ онъ плакать, увѣряла его, что скоро домой возвратится. Отправившись въ каретѣ съ уголовнымъ судьею, на улицѣ кланялась знакомымъ женщинамъ, и казалась такъ спокойною, какъ будто ѣхала въ гости. Только тогда краска въ лицѣ ея перемѣнилась, когда карета поворотила къ тюрьмѣ (grand chatelet).

Дѣло ея приняло видъ самой несчастной, когда нѣкоторой человѣкъ, по имени Огюстъ, явившись въ судѣ признался добровольно, что передъ тѣмъ за три года г-жа Тике, чрезъ посредство приворотника склоняла его къ убійству. Тотчасъ нашли приворотника, которой на очной ставкѣ съ Огюстомъ во всемъ повинился. Г-жа Тике осуждена къ смертной казни, хотя и не открыто, была ли она участницею въ послѣднемъ злодѣяніи. Во Франціи существовалъ законъ, по которому жена, умышляющая на жизнь мужа своего, подвергалась смертной казни. Парламентъ подтвердилъ приговоръ судейской. Г-нъ Тике, вылѣчившись отъ ранъ, поѣхалъ съ дѣтьми своими въ Версаль, упалъ къ ногамъ Короля, и просилъ помилованія несчастной женѣ своей. Тщетно! Многія знатнѣйшія особы ходатайствовали за нее; но Король остался непреклоннымъ.

Парижскій Архіепископъ объявилъ, что если Его Величество даруетъ жизнь сей преступницѣ, то ни одинъ мужъ не будетъ увѣренъ въ своей безопасности; и прибавилъ къ тому, что имѣетъ важныя причины страшиться такого нечестія: ибо въ донесеніяхъ, получаемыхъ отъ духовниковъ, каждой разъ находитъ умышленія женъ на жизнь супруговъ.

И такъ приговоръ остался въ своей силѣ. Исполненіе отложено до другаго дня, для праздника Тѣла Христова; ибо тогда на всѣхъ улицахъ, по обыкновенію, воздвигнуты были жертвенники. Въ самой день казни несчастную ввели въ чуланъ, гдѣ пытаютъ преступниковъ. Уголовной судья, велѣвъ ей стать на колѣняхъ, прочиталъ рѣшительный приговоръ. Г-жа Тике выслушала съ твердостію. Потомъ судья произнесъ убѣдительную рѣчь, въ которой сравнивъ нынѣшнее печальное состояніе преступницы съ прежними забавами, совѣтовалъ ей воспользоваться остающимися минутами жизни, чистосердечно во всемъ признаться, и тѣмъ отвратить мучительную пытку.

„Чувствую и безъ вашего напоминанія — отвѣчала Г жа Тике — какая разница между прежнимъ состояніемъ моимъ и нынѣшнимъ. Теперь я стою передъ вами на колѣняхъ; прежде это дѣлалось напротивъ — вы знаете сами. Послѣдній день почитаю концемъ моихъ страданій. Съ твердостію выслушала я смертной приговоръ, съ тою же твердостію явлюсь на мѣстѣ казни; но не ожидайте, чтобы я, страшась мукъ, оклеветала себя въ преступленіи, котораго не сдѣлала.“

Судья началъ опять увѣщевать; несчастная подтверждала прежнее показаніе; однакожъ въ пыткѣ тотчасъ призналась во всемъ, чего отъ нее ни требовали. Только на вопросъ: участвовалъ ли въ умыслѣ ея Капитанъ Монъ-Жоржъ? отвѣчала, что ему не открывала своего намѣренія, боясь потерять его уваженіе.

Лишь только разнесся слухъ въ Парижѣ о заключенномъ приговорѣ, всѣ наперерывъ откупили окна домовъ около Гревской площади; даже нарочно сдѣланы были мѣста для зрителей. Народъ тысячами стекался къ печальному позорищу. Весь дворъ почтилъ оное своимъ присутствіемъ. Въ 5 часовъ привезли Г-жу Тике, одѣтую въ бѣлое платье; за нею сидѣлъ приворотникъ, осужденный на висѣлицу, подлѣ нее духовникъ. Сильной дождь препятствовалъ начинать исполненіе приговора. Орудія казни и запряженная собственными ея лошадьми телега, на которой послѣ надлежало отвезти трупъ ея, были у нее передъ глазами; при всемъ томъ она не потеряла равнодушія, и свободно смотрѣла вокругъ себя на стекшихся зрителей. Восходя на лобное мѣсто, подала палачу руку, и въ знакъ учтивости, по тогдашнему обыкновенію, поцѣловала концы своихъ пальцовъ; потомъ весьма осторожно обняла плаху, и по-

ложила на нее прекрасную свою голову. Палачь былъ въ крайнемъ замѣшательствѣ, и не прежде, какъ за пятымъ взмахомъ, отдѣлилъ голову ея отъ туловища.

Такимъ образомъ прекраснѣйшая женщина въ Парижѣ окончила весну жизни своей, зараженной ядомъ преступленія.

(*Изъ Нѣм. Журн.*)

III.

БАСНИ

1.

Ссора плѣшивыхъ.

Два кума лысые дорогой шли,
И видятъ что-то на травѣ блистаетъ.
Ну! — думаютъ — мы кладъ нашли!
„Моя находка!“ — Вздоръ! — Ужь кума кумъ толкаетъ
И въ спину, и въ бока!
Увы! послѣдняго сѣдаго хохолка
На гладкихъ лысинахъ не стало!
За что же дѣло стало?
За что свирѣпый бой? —
За гребень роговой!

2.

Ц а п л я.

Однажды Цапля долгошея
На парѣ длинныхъ ногъ путемъ-дорогой шла;
Дорога путницу къ потоку привела.
День красный былъ; вода, на солнышкѣ свѣтлѣя,
Казалась въ тишинѣ прозрачнѣйшимъ стеклом;
Въ ней щука кумушка за карпомъ куманькомъ
У берега рѣзвясь гонялась.
Чтожь Цапля? носомъ ихъ? — Ни крошки: зазѣвалась,
Изволитъ отдыхать, глазѣть по сторонамъ,
И аппетита дожидаться:
Ея обычай былъ обѣдать по часамъ
И діететики Тиссотовой держаться.
Приходитъ аппетитъ; причудница въ потокъ;
Глядитъ: вдругъ видитъ, линь виль-виль, со дна поднялся!
То въ верхъ на солнышко, то къ низу на песокъ!
Сластёнѣ этотъ кусъ несладкимъ показался.
Скривила шею, носомъ щолкъ:
„Мнѣ, Цаплѣ, ѣсть линя! мнѣ челядью такою
Себя кормить? И впрямъ! хорошъ въ нихъ толкъ!
Я и трески клевнуть не удостою!“
Но вотъ и линь уплылъ, пожаловалъ пискарь.
„Пискарь? Ну, что за стать! такую удить тварь

Поганить только носъ! избави Богъ отъ срама!"
Ой ты, розборчивая дама!
Приструнилъ голодъ! Что? глядишь туда сюда?
И лягушоночекъ теперь тебѣ ѣда! —
Друзья мои, друзья! не будемъ прихотливы!
Кто льстился много взять, тотъ часто все терялъ;
Одною скромностью желаній мы счастливы!
Никто, никто изъ насъ *всего* не получалъ.

В. Ж — ій.

IV.

Эпиграммы.

1.

О непостижное злорѣчіе уму!
Повѣрю ли тому,
Чтобы, Морковкина, ты волосы чернила?
Я знаю самъ, что ты ихъ черные купила.

2.

Ты сердишься за то, пріятель мой Гарпасъ,
Что сынъ твой по ночамъ сундукъ твой посѣщаетъ!

И философія издревле учитъ насъ,
Что скупость воровство рождаетъ.

3.

Румянъ Французскихъ штукатура;
Шатеръ, не шляпа на плечахъ;
Подъ шалью тощая фигура,
Вихры на лбу и на щекахъ,
Одежды легкой подозрѣнье;
На перстнѣ въ десять кратъ алмазъ:
Все это смертнымъ въ удивленье,
По свѣту возятъ на показъ
Въ каретѣ модно-золоченой,
И называютъ — Альцидоной!

4.

Тримъ счастія искалъ ползкомъ и тихомолкомъ;
Нашелъ — и грудь впередъ, носъ вздернулъ, весь иной! —
Кто втерся въ чинъ лисой,
Тотъ въ чинѣ будетъ волкомъ.

5.

Дидона! какъ тобой рука судьбы играла!
Какихъ любовниковъ тебѣ она дала!
Одинъ скончался - ты бѣжала;
Другой бѣжалъ — ты умерла!

В. Ж — ій.

V.

О числѣ больныхъ, и объ операціяхъ, сдѣланныхъ въ Голицинской публичной Больницѣ въ продолженіе 1806 года.

Члены Голицинской публичной Больницы явили новое доказательство благосклонности своей къ Издателю Вѣстника Европы, доставивъ ему вѣдомость о числѣ больныхъ, и объ операціяхъ, сдѣланныхъ 1806 году въ семъ священномъ храмѣ человѣколюбія. Читатели отдадутъ справедливость г-мъ Медицинскимъ Чиновникамъ, кои трудами своими, знаніями, опытностію продлили жизнь нѣсколькимъ сотнямъ ихъ соотечественниковъ. Вѣроятно также, что извѣстіе объ операціяхъ покажется любопытнымъ не только для врачей, но и для любителей врачебной науки, и вообще для всѣхъ благомыслящихъ.

Изъ упомянутой вѣдомости видно, что 1 Января 1806 года въ Голицинской публичной Больницѣ состояло больныхъ обоего пола 97; въ теченіе года принято страдавшихъ разными болѣзнями, большею частію хроническими, 960, изъ числа которыхъ выбыло по выздоровленіи 922, выписано по совершенной неспособности къ излѣченію 10, умер-

ло 40, къ 1 Января нынѣшняго года оставалось на лицо 85 человѣкъ.

Приходящихъ ежедневно для *электризаціи* и *гальванизаціи* больныхъ 1 Января 1806 года было 24; въ теченіе года прибыло 52, вылѣчено 50, выписано по неспособности 14, къ 1 Января нынѣшняго года оставалось на лицо 12. Получившіе излѣченіе посредствомъ *электризаціи* и *гальванизаціи* одержимы были слѣдующими недугами: параличемъ, глухотою, сведеніемъ рукъ и ногъ, слабостію въ рукахъ, трясеніемъ всего тѣла, заиканіемъ, слабостію въ ножныхъ конечностяхъ и параличемъ языка.

Операціи, охотно принятыя больными, благополучно сдѣланы:

Г-мъ Адъюнктъ-Профессоромъ, Докторомъ, Операторомъ, многихъ ученыхъ обществъ Членомъ и Корреспондентомъ, Надворнымъ Совѣтникомъ Мухинымъ.

Вырваны три полипа мокротные (hydrom.) изъ носовыхъ полостей, изъ правой два, а изъ лѣвой ноздри одинъ, у женщины. — Выняты двѣ вишенныя косточки (drupa) изъ ноздрей, у трехлѣтняго младенца. — Вырѣзана, оставя всю верхнюю кожу губы, вальковая (varicosus) опухоль,

занимавшая всю верхнюю губу и часть носа, и нарощена приличная губа. — Срѣзанъ голой полипъ, имѣвшій свое положеніе на верхней губѣ рта. — Вырѣзана вся нижняя губа рта, открытымъ ракомъ пораженная. — Въ присутствіи многихъ г-дъ Докторовъ, Штабъ-Лѣкарей и прочихъ Чиновниковъ, вырвана знатная часть полипа сухожильно-хрящеватаго, имѣвшая свое положеніе въ зевѣ (fauces); въ другой разъ у того же больнаго вынятъ сухожильно-хрящеватый полипъ изъ зева (fauces), приростшій бокомъ къ основной части височной и нетопыре-образной кости, умершій (gangraena) послѣ перевязки хрящевиднаго корня его. — Вскрыта подъязычная слюнная мѣшечная опухоль (ranula) чрезмѣрной величины, двумъ человѣкамъ. — Сдѣлано прободеніе въ полость (finus) верхней челюсти чрезъ зубную ячейку изъ рта, а въ другой разъ черезъ носъ. — Подрѣзанъ конецъ языка, къ низу приростшій сверхъестественною связкою (frenulum), 8 младенцамъ. — Вырѣзана вся предъушная железа (parotis) правой стороны, открытымъ грибовиднымъ ракомъ пораженная. — Справленъ лѣвой надгрудникъ (clavicula), переломленной по срединѣ. — Вырѣзана мѣшечная опухоль, величиною въ гусиное яйцо, железистое (glandilofus) существо имѣвшая, приростшая основаніемъ своимъ къ скуловымъ отросткамъ верхней челюсти и щеч-

ной кости (os Zigomaticum). — Сдѣлано прободенїе одному 30-лѣтнему человѣку сверхъестественной толстой сухожильной плевы, которая совершенно заграждала отверстїе слуховаго наружнаго хода; другому разрѣзанъ весь ходъ сей, которой снаружи почти до барабанной перегородки совершенно стѣнами своими сросся. — Справлена вывихнутая съ обѣихъ сторонъ впередъ нижняя челюсть. — Для испытанїя, сдѣлана новая операцїя — отвѣсное прободенїе слуховой перегородки (membran. tympani) — которая до сего времени никогда въ Россїи не была еще дѣлана, и о которой писано было въ вѣдомостяхъ, какъ о самомъ дѣйствительномъ средствѣ отъ глухоты; надъ однимъ 42-лѣтнимъ, которой былъ глухъ одинъ годъ; надъ другимъ глухорожденнымъ 10-лѣтнимъ; надъ третьимъ на 32 году, бывшимъ 29 лѣтъ глухимъ; надъ двумя изъ нихъ, по причинѣ снова сросшейся сей перегородки, два раза повторена была; тремъ человѣкамъ сдѣлано крестообразное прободенїе; однакожь во всѣхъ сихъ людяхъ не послѣдовало почти ни малѣйшихъ непрїятныхъ перемѣнъ, случающихся послѣ операцїи, и также въ глухотѣ, для истребленїя которой операцїя сїя была предпринимаема. — Вырвано десять зубовъ, костоѣдою пораженные (caries). — Вскрытъ нарывъ знатной величины на шеѣ двумъ человѣкамъ. — Вскрытъ

глубокой грудной (mamma) нарывъ у женщины, и выпущено гною до 5 фунтовъ. — Вынята половина швейной иглы съ верхушкою, у одной женщины, вонзенная внутрь груди (mamma), послѣ глубокаго разрѣза оной; а у другой половина швейной же иглы съ ушкомъ, вонзенная въ мягкой мизинцовой край ладони, по разрѣзанiи онаго. — Вырѣзанъ довольно знатной величины ракъ у мущины, занимагшiй лѣвую грудь (mamma), шириною въ два вершка, имѣвшiй основанiе свое круглое и внутри гноевидную (ichor) влагу. — Отрѣзана рука у нижняго конца раменной кости (amput. paniculat.), антоновымъ огнемъ пораженная, послѣ измятiя кисти и предплечiя шестернею у одного, а у другаго послѣ измятiя мѣльничнымъ колесомъ. — Справлена и срощена переломленная вкось по срединѣ раменная кость. — Вырѣзанъ треугольной острой отломокъ стекла на ладонной поверхности указательнаго перста, который, бывъ подъ кожею полтора года, не сдѣлалъ наружной раны. — Отнятъ костяной отростокъ (exoftofis) величиною въ миндаль, соединенный съ бокомъ перстной косточки втораго ряда мизинца костянымъ соединенiемъ (fynoftofis), выростшiй послѣ ушиба сей кости. — Вынята конечная (ultimus) косточка ручнаго перста, костоѣдою пораженная. — Отрѣзаны

(amputatio paniculata) седмь перстовъ ручныхъ, нѣкоторые костоѣдою, а нѣкоторые антоновымъ огнемъ пораженные. — Вырѣзано (castratio) лѣвое ядро (testiculus), ракомъ пораженное. — Сдѣланъ разрѣзъ многихъ несовершенныхъ трубочекъ (fistula), находившихся у обоихъ боковъ отверстія золотой кишки (rectum). — Справлена бедренная кость, вывихнутая изъ вертлюга (acetabulum) и переломленная нѣсколько выше средины ея, одному, а другому вывихнутая наружу и вверхъ. — Вынята чрезъ рану небольшая часть отдѣлившейся (exfoliatio) бедренной косточки близь колѣна къ внутренней сторонѣ. — Отрѣзано берцо (amputatio) на три перста ниже колѣна, антоновымъ огнемъ пораженное. — Вынята вся средина (diaphysis) берцовой кости у осмилѣтняго младенца, отдѣлившаяся (necrosis), длиною въ три вершка, которая была заключена въ трубкѣ выросшей новой кости, окружавшей ее со всѣхъ сторонъ, кромѣ нѣкоторой части верхушки верхняго конца, просверливши вблизи его новую кость и по отпиленіи боковъ сей диры. — Высочленена (extirpatio) чрезмѣрной длины ступень до плюсны (tarsus), окруженная болоною, заключавшею въ себѣ здоровый жиръ даже въ сочлененіяхъ (articulatio) предплюснья (metatarsus) и перстовъ, вѣсомъ

въ три фунта, которая, будучи соврожденная, отъ времени до времени увеличиваяся, лишила 7-лѣтнюю дѣвочку способности ходить больною ногою. — Срѣзанъ ноготь съ большаго ножнаго пальца, вростшій обоими краями въ тѣло, до самой кости его, гнилью пораженный, у двухъ человѣкъ, а у третьяго съ большаго перста правой руки. —

Г-мъ Штабъ-Лѣкаремъ Давыдовымъ:

Отрѣзана (extirpatio) мѣшечная опухоль (meliceris), имѣвшая положеніе надъ верхушкою затылочнаго шва, и корень шириною въ три вершка. — Прорѣзаны ноздри, отъ оспы совершенно сросшіяся. — Подрѣзанъ языкъ, приростшій до самаго конца связкою (frenulum). — Вскрыта слюнная подъязычная опухоль (ranula salivalis). — Вынято бутылочное стекло, въ ладонѣ близь большаго пальца заростшее. — Отрѣзаны (amputat.) два ручные пальца, указательный и мизинецъ, раздробленные (fractura commut.). — Сдѣлано прободеніе (paracenthesis) брюха, и выпущено воды 25 фунтовъ въ одинъ разъ. — Вырѣзана мѣшечная опухоль (ganglium), имѣвшая положеніе на ножной спинѣ. — Отняты (extirpat.) два ножные большіе пальца, костоѣдою пораженные. — Вынято нѣсколько косточекъ изъ голени, гнилью пораженныхъ. —

Вынятъ острой конецъ деревяннаго прядильнаго вертена, вонзенный въ спину ступени, и кожею заросшій. — Вскрыты три нарыва разнымъ людямъ.

Г. мъ Штабъ-Лѣкаремъ Крыловымъ:

Сдѣлана перевязка шелковою ниткою въ ранѣ разорвавшейся бьющейся височной жилы, при сильномъ изъ нея стремленіи крови. — Вырѣзано родимое пятно (naevus maternus), у дѣвицы со щеки, величиною въ грошъ. — Вырѣзаны двѣ мѣшечныя опухоли, имѣвшія положеніе на нижнихъ частяхъ (lobulus) обоихъ ушей. — Разрѣзанъ наружный уголъ векъ лѣваго глаза, до половины ихъ сросшійся. — Выядрена (enucleatio) мѣшечная опухоль, заключавшая въ себѣ органической здоровой жиръ, вѣсомъ въ три четверти фунта, имѣвшая положеніе свое на плечѣ въ надспинной части лопатки. — Вынята черезъ ротъ отдѣлившаяся задняя часть верхней челюсти съ 4 ячейками, костоѣдою пораженная. — Срѣзана кожа съ обѣихъ векъ одного глаза, имѣвшаго внутрь ввернувшіяся ресницы, и симъ возвращено потерянное зрѣніе. — Сшита рана (futura clavata), учиненная ушибомъ лошади подкованною ногою, на верхнемъ векѣ глаза и покровахъ лобной кости у одного, а у другаго на правой щекѣ отъ

уха до угла рта. — Вырваны 22 зуба, костоѣдою пораженные. — Подрѣзанъ языкъ, къ низу концомъ приросшій сверхъестественною плевою. двумъ младенцамъ. — Вырѣзанъ ракъ, имѣвшій свое положеніе на нижней губѣ рта. — Справлена переломленная и сращена раменная кость, повыше средины ея. — Вынято чрезъ рану нѣсколько косточекъ средины берцовой кости, гнилью пораженныхъ. — Высочленены (extirpatio) большой палецъ ручной, костоѣдою пораженный у двухъ, у третьяго отъ обѣихъ рукъ, а у четвертаго отъ одной руки пальцы послѣ ознобленія (pernio) и совершеннаго пораженія антоновымъ огнемъ (gangraena). — Учинено высверленіе (trepanat. exfoliat.) у двухъ костей предплечья, гнилью пораженныхъ. — Обрѣзанъ (circumcisio) заворотъ (praeputium), которой совершенно задерживалъ испражненіе мочи у одного, у другаго расширено отверстіе разрѣзомъ сросшагося мочеиспускательнаго канала, совершенно задерживавшаго мочу, а у третьяго обрѣзана крайняя плоть обросшая дикимъ мясомъ. — Разрѣзанъ вдоль заворотъ у трехъ человѣкъ. — Вкладываемъ былъ мочеиспускатель (cathetherismus) 12 разъ, для испытанія и выпущенія совершенно задержанной мочи. — Сдѣлано проб деніе водоиспускательною иглою (acus triquetra) въ шулятникъ

(vagina testiculi), и выпущено воды черножелчнаго цвѣта четыре фунта. — Вырѣзано (castratio) у полторагодичнаго младенца одно ядро, величиною въ гусиное яйцо, превратившееся въ грибовидное вещество (fungosi.) — Сдѣлана заволока сквозь нарывъ, бывшій подъ сѣдалищною большою мышкою (muscul gluteus). — Срѣзанъ нарость, имѣвшій величину въ куриное яйцо и положеніе свое на боку груди, тонкимъ корнемъ приростшій. — Сшита рана (futura cruenta) шулятника, учиненная острымъ концомъ палки въ водѣ, при купаньѣ. — Вскрытъ нарывъ, имѣвшій свое положеніе подъ бедреннымъ покровомъ (vagina). — Сдѣлана заволока сквозь пасочную мѣшечную опухоль, находившуюся на внутренней и верхней сторонѣ бедренныхъ мышекъ къ паху подъ бедреннымъ влагалищемъ, и выпущено зернистой пасоки, соединенной съ гноемъ, десять фунтовъ, у дѣвицы. — Справлены переломленныя и раздробленныя берцовыя кости ниже средины ихъ, соединенныя съ наружною раною. — Вынята чрезъ рану отдѣлившаяся вся трубка (fibula), омертвѣвшая (necrosis), и по вынятіи сыскана новая кость, вмѣсто ея выростшая. Больный въ продолженіе года съ половиною сей болѣзни своей имѣлъ почти совершенную свободу ходить. — Отрѣзаны ножной боль-

шой палецъ у одного, у другаго отъ обѣихъ ногъ всѣ пальцы; а у третьяго отрѣзаны обѣ ступени, одна до плюсна, а другая до предплюснья, послѣ отзнобленія и совершеннаго пораженія антоновымъ огнемъ. — Сдѣлано 20 искуственныхъ ранъ (fonticulus) на разныхъ частяхъ тѣла. — Вскрыты двѣ большія переливныя гноянки (abſceſſus metaſtaticus) у двухъ человѣкъ. — Привита коровья оспа четыремъ ребенкамъ въ Больницѣ.

(О нѣкоторыхъ операціяхъ, сдѣланныхъ Г-мъ Докторомъ Мухинымъ внѣ Больницы, сообщено будетъ въ одномъ изъ слѣдующихъ Нумеровъ.)

ПОЛИТИКА.

I.

Извѣщенїе о преслоеутой побѣдѣ, одержанной Наполеономъ Бонапарте надъ Университетомъ въ Галле, 20 Октября 1806 года по новому стилю.

Любезные читатели!

Если заглавїе сего листка покажется вамъ загадкою, то прошу на меня не жаловаться! мы живемъ во времена непостижимыхъ событїй. Божусь, что разсказываю вамъ подлинное, во дни наши случившееся произшествїе, а не басню, не взирая на то, что вы не одинъ разъ принуждены будете усомниться въ истинѣ моего повѣствованїя. Вспомните пословицу: *сбумасшествїе на все готово рѣшиться*, — пословицу, выдуманную, какъ мнѣ кажется, во времена преславныхъ подвиговъ Ламанхскаго рыцаря (*).

Скажетъ кто-нибудь изъ васъ: ежели Бонапарте воюетъ съ Галльскимъ Универси-

(*) А именно при случаѣ сраженїя его съ цырюльникомъ, у котораго на головѣ былъ мнимой шишакъ чародѣя Мерлена.

мѣтомъ, то надобно думать, что сіе училище страшно своимъ могуществомъ, и не доброхотствуетъ *великому* народу! Отнюдь нѣтъ! это общество, состоящее изъ двухъ десятковъ ученыхъ людей, которые, кромѣ перьевъ и книгъ, не имѣютъ ни наступательнаго, ни оборонительнаго оружія, и которые благоговѣютъ передъ такими героями, каковъ Бонапарте. Не смотря на то, онъ ведетъ съ ними явную войну! Скажу болѣе: онъ, какъ великій воевода, не полагаяся на свою силу, для лучшаго успѣха употребилъ военную хитрость — чтобы симъ способомъ усыпить страшнаго непріятеля. Не спѣшите удивляться, государи мои! я еще не окончилъ. Вотъ вамъ описаніе знаменитаго дня сего, полученное мною изъ вѣрныхъ рукъ. Уважая васъ, не осмѣлюсь ничего прибавить къ строгой истинѣ, кромѣ нѣкоторыхъ своихъ замѣчаній. Въ Гамбургскихъ и Альтонскихъ вѣдомостяхъ вы ничего о семъ не найдете; тому есть нѣкоторыя причины. Мы только можемъ свободно воздавать почтеніе истинѣ и великому рыцарю нашего времени.

Въ 17 день Октября, по новому стилю, Французская дивизія разбила Прусской корпусъ подъ стѣнами несчастнаго городка Галле, въ Саксоніи. Французы, одержавъ побѣду, ворвались въ городъ черезъ отворенныя

ворота, и досадуя, что никто не сопротивляется имъ, рѣшились утолить ярость свою разоренїемъ жителей. Болѣе двухъ сотъ домовъ совершенно разграблено; хозяева и жильцы изуродованы безъ милосердїя; попавшїеся на улицахъ люди биты дубьемъ и обобраны съ головы до ногъ. Шестеро Прусаковъ спрятались въ домѣ (которой былъ не запертъ) Профессора Шица, извѣстнаго по сочиненїямъ; Французы находятъ ихъ; берутъ Профессора, тащатъ его сквозь толпу на лобное мѣсто; и приготовляются разстрѣлять; какъ измѣнника — противъ своего отечества? нѣтъ, противъ великаго народа, дерзнувши скрывать у себя въ домѣ враговъ его. Несчастному удалось наконецъ изъясниться, упросить о помилованїи, и избавиться отъ рукъ насильства. Онъ пробрался домой промежь штыковъ и ружей, каждую минуту подвергаясь опасности лишиться жизни. Разграбивши городъ, Французы начали пировать, и велѣли подавать себѣ все, что осталось еще у жителей. Потомъ потребована военная подать, такая страшная, что долги бѣднаго городка въ нѣсколько дней возрасли до 200,000 ефимковъ. Но это право войны! такова участь покореннаго оружїемъ города (въ которомъ ворота были отворены для непрїятеля)!! Подивитесь умѣренности господъ Французовъ! Дошла очередь до Универ-

ситета; надлежало довершить побѣду. Это происходило слѣдующимъ порядкомъ:

Октября 18 числа Бернадотъ прислалъ въ Университетъ охранное письмо, наполненное благосклонными выраженіями. Въ 19 день Бонапарте проѣзжалъ черезъ городъ. Университетъ не замедлилъ отправить къ нему Членовъ своихъ, Профессоровъ Мааса, Якоба, Шмальца и Фрорипа, для засвидѣтельствованія достодолжнаго почтенія. Побѣдитель принялъ ихъ очень ласково и милостиво, соблаговолилъ увѣрить въ высокомъ своемъ покровительствѣ. Въ тотъ же день государственный Секретарь Маре дозволилъ имъ списки съ охраннаго письма прибить къ воротамъ домовъ своихъ. Сколько употреблено предосторожностей, чтобы на другой же день съ лучшимъ успѣхомъ нанести ударъ страшному непріятелю! Двадцатаго числа объявлено грозное повелѣніе, по силѣ котораго „всѣ Студенты должны высланы быть изъ города въ двадцать четыре часа; въ противномъ случаѣ сами Профессоры подвергнутся неизбѣжной ссылкѣ.“ Тщетно старались угадать, за что послѣдовала такая милость; тщетно спрашивали одинъ у другаго. Спустя нѣсколько времени, получено отъ Генерала Бертье письмо, которое разрѣшило сей Гордіевъ узелъ. Было написано между прочимъ:

„Съ ними поступлено такъ строго по „той причинѣ, что Профессоры Универ„ситета переступили за предѣлы своей „должности, и что они, вмѣсто того „чтобъ наставлять юношество, сочине„ніями своими и словами возбуждали „духъ мятежа между Студентами.“

Духъ мятежа? противъ кого? противъ законнаго своего Государя? Нѣтъ, противъ утѣснителя отечества, противу присяжнаго врага всего человѣческаго рода. Если это и справедливо, не безразсудно ли, не жестоко ли за поступокъ нѣкоторыхъ людей разорять цѣлой Университетъ? Развѣ они, будучи обезоружены, будучи стрегомы многочисленнымъ войскомъ, все еще казались страшными храбрымъ Французамъ? Но въ обвиненіи семъ нѣтъ ниже тѣни правдоподобія. Профессоры Университета люди кроткіе; они работаютъ отъ утра до вечера для ученой славы и для насущнаго хлѣба; всячески стараются усмирять неповиновеніе и дерзость академическаго юношества. Какъ! Профессоры возжигали огонь мятежа между Студентами? Кому это могло быть полезно? Самимъ Профессорамъ? Невозможно — потому что для ученыхъ упражненій потребно спокойствіе. Развѣ для Короля ихъ? Но извѣстно, что при началѣ войны Студенты, пылая ревностію защищать

правое дѣло, просили дозволенія вступить въ службу, и что Король Прусскій далъ имъ отеческое увѣщаніе остаться въ покоѣ, и не забывать своего прежняго состоянія и своихъ обязанностей. О семъ напечатано было во всѣхъ вѣдомостяхъ.

Кого же винить въ семъ странномъ произшествіи? Сообщу вамъ свои подозрѣнія; иначе, вы сами никогда не отгадаете.

Первое преступленіе Галльскаго Университета состоитъ въ томъ, что онъ принадлежитъ Прусскому Королю, и что душевно любитъ своего Государя. Это есть ужасное беззаконіе по мнѣнію человѣка, которой ненавидитъ Пруссію, за то что она хочетъ сохранить свою независимость, и которой не можетъ скрыть самъ отъ себя, что судьба его въ прошломъ году зависѣла отъ Пруссіи. Это, говорю, есть ужасное беззаконіе по мнѣнію человѣка, которой требуетъ, чтобъ весь міръ покланялся ему одному, какъ Богу. Мы любимъ Государя своего, любимъ свое отечество; по сей причинѣ кажемся ему идолопоклонниками, которыхъ онъ радъ бы потребить огнемъ и мечемъ.

Другое преступленіе первому ничимъ не уступаетъ своею важностію. Въ 14 день Октября, Студенты, обманутые несправедли-

вымъ извѣстіемъ объ одержанной побѣдѣ надъ Французами, дерзнули явно радоваться. Бонапарте немедленно былъ о томъ увѣдомленъ; и такъ мудрено ли, что онъ жестоко разгнѣвался!

Узнайте по сему великаго человѣка! Отъ него не скроется ни что, ниже семейственныя сплетни; ему обо всемъ доносятъ, и онъ всему вѣритъ! онъ даже тщеславится такими мѣлочами! Не видѣлиль вы въ Сѣверной Пчелѣ и другихъ вѣдомостяхъ, что онъ, прочитавши перехваченное письмо Графини Неаль, по прибытіи въ Берлинъ славно отпотчивалъ отца ея? Не видѣлиль, что ему донесено, будто Принцъ Фердинандъ велѣлъ разбить окна въ домѣ одного Министра, и что онъ повѣрилъ этому? „Братъ мой, Король Прусскій — сказалъ „онъ — долженъ былъ велѣть, чтобъ его „повѣсили.“ Бонапарте точно сдѣлалъ бы это; ибо онъ словъ не тратитъ по пустому. Кто разрушилъ святилище Музъ, и разорилъ цѣлой городъ, за то что въ немъ кричали *виватъ* Королю Прусскому; тотъ конечно способенъ повѣсить Принца крови за мнимое преступленіе. Городъ Галле получалъ весь доходъ свой отъ Университета. Теперь онъ разграбленъ, обремененъ долгами, лишенъ единственнаго своего средства къ пропитанію! Что будетъ съ нимъ? Тысяча человѣкъ не имѣющихъ пристанища, лишенныхъ

способа продолжать науки, принуждены сдѣлаться бродягами (*); тысячи семействъ доведены до отчаянія; тридцать человѣкъ, почтенныхъ по своимъ обширнымъ свѣденіямъ и по благонравію, остались безъ дѣла, безъ куска хлѣба! Какой преславной подвигъ!

На всенижайшую прозьбу Профессоровъ о дозволеніи начать преподаваніе наукъ въ Университетѣ, Генералъ Бертье далъ слѣдующій отвѣтъ:

„Е. В. будучи недоволенъ всегдашнимъ „поведеніемъ Галльскаго Университета „относительно ко Франціи, повелѣлъ „начало преподаванія наукъ отсрочить „до нѣкотораго времени и проч.

Взвѣсьте слова сіи, любезные читатели; не чистое ли это золото? Шутки въ сторону; какой обширной смыслъ заключается въ сихъ немногихъ словахъ: *всегдашнее поведеніе Университета противу Фран-*

(*) Ни одинъ изъ сосѣдственныхъ Университетовъ не смѣетъ дать имъ у себя пристанища. Лейпцигской исходатайствовалъ дозволеніе принимать тѣхъ, которые покажутъ свидѣтельство о добропорядочномъ своемъ поведеніи. Но было ли имъ время выпросить себѣ свидѣтельство? Какая злая хитрость! а если Студенты заслуживали одобреніе, за что было выгонять ихъ? Какая несообразность!

ціи! И такъ уже давно питаютъ ненависть къ Галльскому Университету! и такъ уже давно положено отмстить ему! и такъ увѣренія о дружбѣ и покровительствѣ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ данныя, были не что иное, какъ притворство, хитрость военная! Но отгадаете ли вы, что было причиною вражды между Галльскимъ Университетомъ и Франціею? Вотъ моя догадка. Въ Галле печатаются ученыя Вѣдомости, въ которыхъ вѣроятно помѣщено было невыгодное сужденіе о какомъ-нибудь Французскомъ ученомъ же сочиненіи; теперь надобно ли удивляться, что Университетъ претерпѣлъ несчастіе! Бонапарте вступился за своихъ Ученыхъ; однакожь — будемъ справедливы — и тутъ видна его *умѣренность*; ибо кто могъ бы помѣшать ему всѣхъ Профессоровъ отдать подъ военной судъ, составленный изъ нѣсколькихъ гренадеръ и подобныхъ имъ законоискусниковъ? Притомъ же, развѣ не слышали вы, что онъ не намѣренъ разрушить Университетъ до основанія, но только остановить преподаваніе наукъ? Вамъ сказано уже, что онъ только *хочетъ начало преподаванія отсрочить*! Какое благоутробіе! Но когда вздумается ему начать академическія лекціи, гдѣ взять слушателей? Развѣ не велитъ ли гренадерамъ своимъ учиться? Штыками легко разорить Университетъ; но трудно возстановить

его, трудно привести его въ прежнее цвѣтущее состоянїе. Что я говорю! Бонапарте, противу воли своей, распространилъ славу сего училища. Оно сдѣлалось еще знаменитѣе своимъ несчастїемъ и явною войною съ Францїей. Брань сїя славна по двумъ причинамъ; думаю, что вы понимаете меня.

Бонапарте, которому неизвѣстны пути, ведущїе къ истинной славѣ, нападаетъ на Ученыхъ! О! пускай онъ бережется ихъ! Они владѣютъ рѣзцемъ, которой изобразитъ ликъ его для потомства. Если всѣ лавры его утонутъ въ Вислѣ, они сберегутъ для него лавръ побѣды надъ Галльскимъ Университетомъ, лучшее украшенїе вѣнца его.

Тотъ истинно великъ, кто любитъ человѣчество, покровительствуетъ науки, защищаетъ справедливость. Счастливъ народъ, Имъ управляемый. Пролїемъ теплыя мольбы о благоденствїи Вселюбезнѣйшаго Монарха и Отечества! Да возчувствуютъ сердца наши, сколь счастливы мы, живучи въ отдаленїи отъ мѣстъ, гдѣ совершается неслыханное варварство!

(*Съ Франц.*)

С. Петербургъ.

II.

Мысли о произшествіяхъ, въ 1806 году случившихся.

Въ концѣ сего достопамятнаго года Французы перешли черезъ Вислу, и обагрили кровію своею берега Буга и Наревы, которыхъ имена едва извѣстны ихъ землеописателямъ. Сей отважной походъ далъ причину къ сужденіямъ весьма различнымъ. Одни почитаютъ его слѣдствіемъ счастливыхъ предначертаній самой мудрости, которая предварительно готовитъ успѣхи, и рѣшительной смѣлости, которая служитъ порукою въ ихъ событіи. Другіе наблюдатели, прилѣжно замѣчавшіе всѣ дѣйствія Франціи, нетерпѣливо хотѣли бы узнать, сохранитъ ли въ цѣлости Французское правительство мудрость свою послѣ великаго опыта почти безпрерывныхъ успѣховъ; они находятъ совершенной безпорядокъ въ намѣреніяхъ его, противуположность въ замыслахъ его, находятъ противуположность даже въ намѣреніяхъ народа, находятъ явные признаки сумазбродства, которое предшествуетъ бѣдствіямъ, и оныя предвѣщаетъ.

Я сказалъ *сумазбродства*, потому что не знаю другаго слова, которое могло бы замѣнить его. Перенесемся въ главной городъ Франціи; посмотримъ, что дѣлалось въ

собраніи Трибуната 7 числа республиканскаго мѣсяца Нивоза, по возвращеніи депутатовъ изъ главной квартиры,

Нѣкто г. Шалланъ съ важностію объявилъ, что успѣхи сего года *были слѣдствіемъ распоряженій болѣе нежели человѣческихъ.* Успѣхи похода, въ 1805 году окончавшагося, были слѣдствіемъ насильственнаго вторженія въ Прусскія области. Право народное, всѣми свято уважаемое, запрещаетъ нарушать спокойствіе областей, не приемлющихъ въ войнѣ участія; ибо въ противномъ случаѣ война безпрестанно свирѣпствовала бы на земномъ шарѣ, и миръ былъ бы почти невозможнымъ. Распоряженія болѣе нежели человѣческія суть не что иное, какъ распоряженія самаго Божества; но свойственно ли Божеству разрушать основанія обществъ человѣческихъ, и когда военныя дѣйствія бывали плодомъ распоряженій болѣе нежели человѣческихъ?? И такую идолопоклонническую лесть произносятъ въ полномъ собраніи Трибуната! Г. Шалланъ сказалъ потомъ, что все видѣнное имъ казалось ему *дѣяніемъ небесной души, которая, подобно Божеству, мещетъ громы только на виновныхъ* (*).

(*) Нѣчто похожее читаемъ въ описаніи Макарпінеева путешествія. Когда *Те-Шу-*

Въ 9 день Нивоза г. Карріонъ перещеголялъ самаго г-на Шаллана. Ѳракійцы и Скиѳы покланялись богу Марсу подъ видомъ меча. Г-ну Карріону захотѣлось, чтобъ и мечь великаго Наполеона *былъ сохраняемъ, какъ предметъ вѣчнаго благоговѣнія, и ужаса, и благодарности, и страха.* Потомъ г. Карріонъ изрекъ сіи превосходныя слова: *воздвигнуть храмъ кому-либо другому, кромѣ Бога, есть нечестіе, идолопоклонство, намѣреніе ничего незнающее, безобразная, неизъяснимая смѣсь мыслей. Знаю, что въ старину воздвигли храмъ Августу, и другимъ, которые были гораздо ниже его.* И такъ г-ну Карріону весьма не хочется храма; онъ только желаетъ соорудить соборную церковь, *въ которой*, по его словамъ, *преподобная Женевьева будетъ раздѣлять обиталище свое съ великимъ Наполеономъ, усыновленнымъ землею и небомъ.* Г. Карріонъ требуетъ, чтобы въ сей соборной церкви учреждено было ежегодное торжество, которое должно именоваться *великимъ праздникомъ Европейскимъ.* Онъ приглашаетъ къ сему торжеству *добраго*

Лама умеръ въ Пекинѣ отъ оспы, Императоръ Кіенъ-Лонгъ подумалъ, что Богъ, пользуясь симъ случаемъ, воплотился въ его особѣ; но сія мечта основывалась на ученіи Ламайскаго суевѣрія.

Кастилланца, храбраго Датчанина, нами сотвореннаго (это слова г-на Карріона), *Тосканца, вѣрнаго Батавца, добродѣтельнаго Швейцара, и Венгерца, симпатически сходствующаго съ нашими* (Французскими) *нравами.* Видно, сердца Шведовъ и Неаполитанцевъ чужды сей нѣжной симпатіи; ихъ не приглашаютъ къ торжеству. Однакожъ, г. Карріонъ увѣдомляетъ, что Русскіе и Португальцы будутъ допущены, если только не станутъ знаться съ Англичанами.

Послѣ г-на Карріона возгласилъ г. Вейрье: *Желательно было бы превратить въ безсмертной престолъ сіе облако злата и лазури, которое держитъ витязя между небомъ и землею.* А какъ это есть дѣло невозможное, то г. Вейрье подаетъ голосъ о сооруженіи памятника, только безъ статуи, *потому что статуи*, говоритъ онъ, *сдѣлались у насъ періодическою вѣжливостію.* Г. Вейрье также и столбовъ не жалуетъ. *Въ нѣкоторыхъ городахъ*, говоритъ онъ, *напримѣръ въ Лондонѣ, воздвигли столбы; но это слабость.* Г. Вейрье хочетъ сорудить *зданіе, которое называлось бы вермами, или чертогомъ, или циркомъ, или колизеемъ или базиликомъ, словомъ какъ-нибудь — ибо дѣло состоитъ не въ наименованіи.*

Ѳермы и циркъ различаются не по одному только наименованію. Ѳермы были у

древнихъ не что иное, какъ теплыя бани. Гдѣ видано, чтобы ходили въ баню мыться въ честь какого-нибудь полководца? Но у г-на Вейрве не то на умѣ; онъ хочетъ, чтобы въ каждыя десять лѣтъ по одному разу въ семъ зданіи раздѣляли награжденія, и чтобы всѣ народы присылали туда своихъ депутатовъ. Однакожь ему не нравится названіе *великаго праздника Европейскаго*; нѣтъ, по его мнѣнію, лучше просто наименовать *великими днями*.

Лишь только замолчалъ краснорѣчивый г. Вейрье, г. Фревиль поблагодарилъ своихъ товарищей за желаніе торжественно засвидѣтельствовать свои *чувствованія*, и поздравилъ ихъ съ тѣмъ, что великій Наполеонъ *самое ласкательство содѣлалъ невозможнымъ*.

Таковы были бесѣды въ семъ засѣданіи! Положимъ, что онѣ безтолковы, однакожь для насъ могутъ быть предметомъ полезныхъ разсужденій. Вопервыхъ, мы видимъ въ нихъ опасное орудіе, честолюбіемъ управляемое; далѣе, видимъ Французской духъ, въ буйствѣ своемъ желающій заставить всѣхъ принять его мнѣнія — мнѣнія, которыя онъ вчера началъ ободрять, и которыми завтра будетъ гнушаться.

При Лудовикѣ XIV Французы трубили о славѣ своего Государя и о пышности двора его: тогда Короли и Курфирсты истощали государственные доходы на *аллегорические балеты*, на *театральные прологи*, на *каруссели*.

При малолѣтномъ Лудовикѣ XV, во время безчиннаго правительства, Французы наполняли Европу соблазнительными сочиненіями, при дворахъ заражали нравы ядомъ развращенія, удаляли отъ престоловъ важное достоинство и благопристойность, необходимо нужныя для тѣхъ, которыхъ поведеніе служитъ примѣромъ для каждаго.

Послѣ того Французскіе писатели проповѣдывали безбожіе и цареубійство. Теперь Трибуны Франціи хотятъ, чтобы всѣ народы Европейскіе присылали депутатовъ своихъ покланяться образамъ святой Женевьевы и бывшаго Консула — и готовы сіе хотѣніе свое ознаменовать кровію ста тысячь Французовъ!

Во Франціи нѣтъ внутреннихъ дѣлъ. Надобно, чтобы всѣ народы Европейскіе подражали всему, что дѣлаютъ Французы! Теперь они льютъ кровь потоками, чтобы на всѣхъ престолахъ посадить Корсикан-

скихъ Офицеровъ, желая всѣхъ увѣрить, что это Французскіе Принцы. По сему только одному новое ихъ ученіе опасно; ибо впрочемъ краснорѣчіе Трибуновъ не такъ убѣдительно, какъ Вольтера и Мирабо.

Не худо замѣтить, что важные г-да Трибуны, говоря о Русскихъ, иначе не называютъ ихъ, какъ сѣверными варварами. Мы были бы очень жалки, еслибъ варварство наше походило на языкъ, которымъ говорятъ въ Трибунатѣ. Сверхъ того если варварство и свирѣпство значатъ одно, то просвѣщеннѣйшій народъ полуденный равно подлежитъ маленькимъ упрекамъ.

Я умышленно отступилъ отъ матеріи, желая показать, что Французы всякое свое сумазбродство распространяли съ оружіемъ въ рукахъ и безъ оружія, всегда старались проповѣдывать свои *истины*, всегда старались вводить перемѣны въ общемъ порядкѣ міра. Главная цѣль моего разсужденія есть изслѣдовать, сохранитъ ли Французское правительство мудрость свою послѣ великаго опыта успѣховъ. Чтобы съ большею удобностію рѣшить сей вопросъ, я долженъ обратиться ко временамъ протекшимъ. Надѣюсь доказать, что Французское правительство никогда не соображало намѣреній своихъ съ законами справедливости. Противу-

положность между дѣйствіями его и здравымъ разсудкомъ тотчасъ обнаружилась бы, если бы многочисленныя ополченія и удачи ее не прикрывали.

Начну тѣмъ, что Бонапарте взялъ образцами для себя людей, жившихъ во времена Карла Великаго, времена, покрытыя такою мглою, что самые прилѣжнѣйшіе Ученые на-силу могли привести въ порядокъ главнѣйшія произшествія, и опредѣлить, когда случились оныя. И такъ взять за образецъ людей, жившихъ во времена мало извѣстныя намъ, есть тоже, что подражать тому, чего не знаемъ теперь, и никогда не узнаемъ. Кромѣ того, исторической примѣръ сей ни къ чему не годится. Карлъ былъ сынъ Пепина, которой царствовалъ; Пепинъ былъ сынъ Карла-Мартеля, перваго Министра; Карлъ-Мартель былъ сынъ Пепина Герренъ-Стааля, которой царствовалъ въ Австразіи. Что сказали бы рыцари Франкскіе и Галльскіе, Ротгауты, Абгоарды, Ротланды, что сказали бы сіи храбрые витязи, еслибъ какой-нибудь Капитанъ стѣнобитныхъ орудій, собравъ шайку стрѣлковъ, сѣкирниковъ и другихъ пѣшихъ воиновъ, вздумалъ провозгласить себя Императоромъ и Королемъ, и говорить: ея императорское высочество моя невѣстка, его императорское высочество мой братъ? . . .

Такое затѣйливое предпріятіе никогда не могло бы исполниться. Примѣръ Карла Великаго выбранъ очень не къ стати; тутъ есть, какъ говоритъ Волней, *соблазнъ противурѣчія.* Даже теперь, спустя тысячу лѣтъ послѣ Карла, мудрено привыкнуть называть Королемъ недворянина. Происхожденіе всѣхъ Государей исчезаетъ во мракѣ глубокой древности.

Разсмотримъ нѣкоторыя мысли правителя Франціи. Лишь только успѣлъ онъ возложить на себя діадиму, — и тотчасъ заговорилъ о своемъ царскомъ поколѣніи, или династіи. Династіею называется *длинной рядъ Государей, отъ одного родоначальника произшедшихъ, и одною областію или царствомъ управлявшихъ.* И такъ можно ли назвать династіею рядъ Государей, которые нигдѣ еще не царствовали, и которые даже еще не родились? можно ли назвать династіею одно буйное желаніе господствовать? Человѣкъ, посадивши жолудь въ землю, не скажетъ: — *мой дубовой лѣсъ!*

Во Франціи обыкновенно говорили: *Короли перваго, втораго, третьяго поколѣнія* (race). Слово *династія* употребляемо было немногими Учеными. Нынѣшнее правительство Французское умышленно перемѣняетъ значенія словъ. Вы подумаете, напримѣръ,

что подъ титломъ Императорскимъ оно разумѣетъ Высочайшее достоинство, которымъ облечены Государи Всероссійскій и Австрійскій? Совсѣмъ другое! Слово *Императоръ* у него значитъ *Царя Царей*, каковы были древніе Владыки Азійскіе, или Калифы Багдадскіе, управлявшіе судьбою малыхъ Королевствъ, каковы Бальзорское или Моссулское.

У насъ въ Европѣ другіе обычаи. Король Христіянскій получаетъ верховный санъ свой отъ самаго себя; въ такомъ случаѣ онъ можетъ говорить: *Божіею милостію мы Король.* Трибунъ Карріонъ сказалъ: *Тосканецъ наше созданіе*; но милость Карріона не есть милость Божія. Кромѣ того еще надобно замѣтить, что въ политической системѣ Европы до сихъ поръ были только такіе Короли, которыхъ по крайней мѣрѣ малая часть владѣній ни отъ кого не зависитъ. По сей причинѣ Монархи Сардинскій и Сицилійскій, не взирая на гоненія, отъ яростныхъ враговъ ими терпимыя, и теперь еще остаются Королями; по сей же самой причинѣ въ Германіи и въ Италіи Королей нѣтъ, и не бывало.

Удивительно, очень удивительно, что Французское правительство, которое хочетъ казаться, будто знаетъ Геометрію,

безпрестанно уклоняется отъ задачи, безпрестанно грѣшитъ противъ точности опредѣленія. Такимъ образомъ оно поступило, вздумавши соединить католиковъ съ протестантами. Оно забыло, что всякая вѣра основывается на исповѣданіи догматовъ. Кто отрицается отъ догмата, тотъ отрицается и отъ вѣры своей. Собрали католиковъ и протестантовъ; велѣли тѣмъ и другимъ доказывать истину, и преклонять противниковъ на свою сторону! Но вѣра тѣхъ и другихъ запрещаетъ имъ отступать отъ принятыхъ правилъ. Можно ли требовать, чтобъ одна сторона уничтожила свой догматъ, и другая сдѣлала бы то же для миролюбнаго обѣихъ соединенія? Такой способъ соединять вѣры служитъ только къ уничтоженію оныхъ.

Французское правительство ясно показало, что во всѣхъ отношеніяхъ дѣйствуетъ вопреки задачѣ, вопреки точности опредѣленія, вопреки Европѣ, вопреки своему времени, словомъ — во всѣхъ намѣреніяхъ своихъ уклоняется отъ цѣли.

Дѣйствія не всегда *непосредственно* слѣдуютъ за причинами, но всегда *непремѣнно* слѣдуютъ. Заблужденія во мнѣніяхъ влекутъ за собою ошибки въ поступкахъ, за ошибками въ поступкахъ слѣдуютъ бѣд-

ствія. Я говорилъ о заблужденіяхъ; теперь слѣдуетъ упомянуть объ ошибкахъ, сдѣланныхъ въ теченіе 1806 года; можетъ быть въ нынѣшнемъ году совершатся бѣдствія, плоды первыхъ заблужденій.

III.

Сокращенное изъясненіе изъ любопытныхъ записокъ о произшествіяхъ, въ Персіи и Грузіи случившихся въ исходѣ минувшаго столѣтія.

(Слѣдующія извѣстія о причинахъ войны между Россіею и Персіею по всей справедливости заслуживаютъ вниманіе читателей; онѣ взяты изъ примѣчаній одного весьма богатаго свѣденіями человѣка, которой при началѣ непріятельскихъ дѣйствій жилъ въ С. Петербургѣ, и почерпалъ свои извѣстія изъ достовѣрныхъ источниковъ.)

Ираклій Царь Грузинскій, находившійся подъ игомъ Персіи, въ смутныя времена — по смерти Шаха-Надира, или Тахмаса-Кулы-Хана послѣдовавшія — умѣлъ возвратить себѣ прежнюю независимость. Потомъ съ помощію Россіи, коей отдалъ себя въ покровительство, счастливо отвелъ ударъ, грозившій со стороны Турціи опасностію его свободѣ.

Ага-Мегеметъ-Ханъ никогда не достигъ бы престола Софіевъ, если бы четыре брата его, бывшіе Губернаторами разныхъ провинцій Персидскихъ, не сдѣлали ему важныхъ пособій. Они думали, что одолженный братъ, въ знакъ благодарности, дозволитъ имъ независимо господствовать въ своихъ провинціяхъ. Но Мегеметъ-Ханъ утвердившись на престолѣ, оградясь безопасностію отъ всѣхъ совмѣстниковъ, и увидѣвъ, что уже не имѣетъ нужды въ помощи братьевъ, тотчасъ потребовалъ отъ сихъ послѣднихъ, чтобы они признали его своимъ Государемъ. Губернаторамъ показалось требованіе сіе чрезвычайно непріятнымъ; ничего не оставалось дѣлать имъ, какъ приготовляться къ оборонѣ. Царь Ираклій послалъ къ нимъ отъ себя войско вспомогательное; Россіяне, которымъ они отвели мѣсто пребыванія въ Ферабатѣ, въ провинціи Мазандеранской, также держали ихъ сторону. Мегеметъ-Ханъ на многихъ сраженіяхъ одолѣлъ своихъ братьевъ, двухъ изъ нихъ взялъ въ плѣнъ, и — какъ увѣряютъ — велѣлъ отрубить имъ головы. По крайней мѣрѣ справедливо то, что другіе два брата принуждены были спасаться бѣгствомъ. Мегеметъ-Ханъ, досадуя на Русскихъ, вытѣснилъ ихъ изъ Ферабата (*).

(*) Ферабатъ есть небольшая пристань на южномъ берегу Каспійскаго моря. Во время

Два брата приѣхали въ Баку, потомъ въ Дербентъ; но какъ они не были увѣрены здѣсь въ своей безопасности, то и отправились въ Россію — одинъ въ Кизляръ, другой въ Астрахань. Первой изъ нихъ несчастнымъ образомъ умеръ отъ рукъ убійцъ, которымъ достались сокровища обоихъ сихъ Князей, на кораблѣ находившіяся.

Другой Персидской Князь, по имени *Мортеза - Кулы - Ханъ*, или, какъ другіе называютъ его, *Сали - Ханъ*, благополучно прибылъ въ Астрахань, гдѣ живучи, довольствовался опредѣленнымъ отъ Россійскаго Двора жалованьемъ. Начавшаяся война съ Турками помѣшала Россіи мстить Мегемету-Хану за разрушеніе укрѣпленій Ферабатскихъ.

Между тѣмъ Властелинъ Персидскій, овладѣвши всѣми провинціями, лежащими вокругъ Каспійскаго моря, захотѣлъ наказать Царя Ираклія, и сдѣлать его своимъ подданнымъ. Надобно знать, что Грузинскіе

происходившихъ смятеній въ Персіи, Русскіе основали тамъ селеніе для торговыхъ выгодъ. Контръ - Адмиралу Войновичу поручено было начальство надъ симъ новымъ селеніемъ. — Мегеметъ - Ханъ разрушилъ укрѣпленія въ Ферабатѣ.

Цари пользовались особливымъ правомъ, съ тѣхъ поръ какъ Шахъ-Аббасъ покорилъ владѣнія ихъ скипетру Персидскому. Желая провинцію сію — которая тогда славилась хорошими воинами, какъ нынѣ славится красавицами — навсегда привязать къ выгодамъ Персіи, онъ установилъ, чтобы никто изъ Персидскихъ владѣтелей не именовался Шахомъ до тѣхъ поръ, пока Грузинскій Царь не признаетъ его въ семъ достоинствѣ. За сіе отличное преимущество Царь повиненъ былъ платить ежегодно подать деньгами, мѣхами и красавицами для сераля, сверхъ того содержать на своемъ иждивеніи 12000 воиновъ, или, когда понадобится, еще болѣе, для Персидской службы. Въ залогъ вѣрности Царь Грузинскій долженъ былъ посылать къ Персидскому двору старшаго своего сына, котораго обыкновенно тамъ заставляли принять законъ Магометанской. Сей заложникъ отправлялъ при дворѣ знатнѣйшія должности, но никогда не удостоивался имѣть полную довѣренность. Для того-то честолюбивый Мегеметъ-Ханъ нетерпѣливо желалъ покорить себѣ Царя Ираклія, или по крайней мѣрѣ заставить его признать себя въ достоинствѣ Шаха.

Ираклій имѣлъ свои причины отвергнуть требованія Мегемета-Хана, которой, не взирая на запрещенія и угрозы со стороны Рос-

сїйскаго Резидента, началъ опустошать Грузїю. Въ 1795 году Тифлисъ взятъ, разграбленъ и превращенъ въ кучу развалинъ. Ираклїй со всѣмъ семействомъ своимъ, съ придворными чиновниками и съ остаткомъ народа скрылся въ горахъ. Безчеловѣчный евнухъ (Мегеметъ-Ханъ), не могши или не хотѣвши удержать за собою покоренной стороны, безпрепятственно отправился, 1796 году, въ обратной путь съ богатою добычею и съ *пятью-десятью-тысячами* жителей, которыхъ одну часть распродалъ, другую разсѣялъ по отдаленнымъ провинцїямъ.

Извѣстїе о семъ произшествїи подвигло на гнѣвъ Императрицу Екатерину. Великая Государыня опредѣлила мстить за оскорбленїе, нанесенное Высочайшей Особѣ Ея въ лицѣ Владѣтеля, Ею покровительствуемаго. Казалось, что настало время унизить высокомѣрнаго Перса, и проложить новой путь для сообщенїя между Индїею и Европою. Въ 1796 году зимою велѣно войску собираться въ окрестностяхъ Кизляра. Подъ надзоромъ Адмирала Федорова построено нѣсколько легкихъ фрегатовъ и перевозныхъ судовъ, которыя между прочимъ должны были служить и для снабдѣнїя войска съѣстными припасами. Персидской Князь, жившїй въ Астрахани, призванъ въ С. Петербургъ, гдѣ принятъ былъ

со всѣми почестями, приличными его достоинству. Оттуда отправившись въ армію, издалъ на Персидскомъ языкѣ манифестъ, въ которомъ требовалъ, чтобы вѣрные подданные его свергли иго евнуха, не способнаго къ управленію народомъ; совѣтовалъ обратиться къ нему и принять Русскихъ, какъ друзей своихъ и защитниковъ, которые идутъ выгнать хищника, усмирить мятежниковъ, даровать народу миръ, и престолу Софіевъ возвратить прежнее величіе. Главное начальство надъ войскомъ поручено Графу Валеріану Зубову. Князь Цицїановъ, Корсаковъ, Гудовичь и другіе Генералы служили въ семъ походѣ.

Въ Маѣ мѣсяцѣ тридцати-тысячное войско было готово въ окрестностяхъ Кизляра. Надлежало идти въ Грузію по берегу Каспійскаго моря; надлежало переходить черезъ высокіе утесы, глубокія пропасти, быстрые потоки, густые лѣса; надлежало защищаться отъ горныхъ жителей, всегдашнихъ враговъ Россіи: всѣ сіи трудности преодолѣны. Мегеметъ-Ханъ вывелъ все Персидское войско изъ Грузіи, и Царь Ираклій возвратился въ столичной свой городъ.

Русскіе, идучи къ Дербенту, взяли приступомъ одну старинную крѣпость, защищаемую Лезгинцами и Персами, которые

лучше захотѣли умереть, нежели на договоръ сдаться. Черезъ нѣсколько дней потомъ покоренъ Дербентъ, главной городъ Дагестанской провинціи. Рейда при семъ городѣ есть самая лучшая изо всѣхъ на Каспійскомъ морѣ; его положеніе при подножіи горы и у самыхъ воротъ Каспійскихъ чрезвычайно благопріятствуетъ оборонѣ; впрочемъ старая стѣна съ башнями, безъ пушекъ, безъ внѣшнихъ укрѣпленій, не даетъ хорошаго мнѣнія объ искуствѣ Персовъ защищать крѣпости.

Извѣстіе о покореніи Дербента принято въ С. Петербургѣ съ великою радостію. Скоро потомъ Россійское войско овладѣло городами Баку и Шамахи, изъ которыхъ послѣдній нѣкогда славился своими мануфактурами, разрушенными отъ Надира-Шаха. Частые дожди, чрезмѣрные жары, вредные овощи, заразительные вѣтры остановили успѣхи побѣдоноснаго оружія. Въ Іюлѣ мѣсяцѣ войско отступило къ Кавказу.

Мегеметъ-Ханъ, зная превосходство Европейскаго войска, не смѣлъ нападать на Русскихъ между горами, гдѣ прекрасная конница Персидская не могла свободно дѣйствовать. Онъ переправился на другую сторону рѣки Аракса, и расположился на плодоносныхъ равнинахъ

около Тавриса. Слѣдуя обыкновенію древнихъ Персовъ и Мидянъ, Мегеметъ-Ханъ всячески старался избѣгать главнаго сраженія; а чтобы удержать непріятеля, опустошилъ провинціи между Араксомъ и Куромъ.

Въ Ноябрѣ послѣдовала кончина Императрицы Екатерины. Павелъ I, помышлявшій о приготовленіяхъ къ войнѣ противу Франціи, повелѣлъ войску возвратиться въ отечество. Въ прочемъ Россія и Персія не заключали мира.

Пламя войны снова загорѣлось. Царь Ираклій, желая на будущія времена предохранить области свои отъ опустошеній, не задолго до смерти своей отдалъ ихъ навсегда Россіи. Такъ древніе Цари Азійскіе въ завѣщаніи отказывали свои владѣнія сильной республикѣ Римской. Нѣкоторые злонамѣренные родственники Ираклієвы, забывъ честь свою и совѣсть, предались подъ защиту вѣчновраждебной Персіи, которая за дерзость свою теперь несетъ достойное наказаніе. Съ одной стороны область Дагестанъ до рѣки Кура, съ другой — владѣнія до береговъ Фазиса, коимъ славилась древняя Колхида, покорены оружіемъ Россійскимъ.

Извѣстія.

Теперь можно припомнить одинъ случай. Извѣстно, что Бонапарте нѣкогда сказалъ въ хвастливой своей прокламаціи: „мы рѣшимъ вопросъ: какая пѣхота первая въ свѣтѣ, Русская, или наша?“ Берлинскимъ журналистамъ показалось тогда весьма непріятно, что Бонапарте не упомянулъ о Прусской пѣхотѣ. Архенгольцъ въ Минервѣ своей написалъ точно сіи слова: „Богъ да предохранитъ Наполеона отъ Прусской пѣхоты и ея Генераловъ!“ то есть, бѣда Французамъ, если дойдетъ дѣло до войны съ нами; наша пѣхота первая въ свѣтѣ! — Беннигсенъ рѣшилъ вопросъ при Пультускѣ и Эйлау. Прозорливость сего знаменитаго Военачальника испровергла всѣ замыслы Наполеона, которой за день передъ сраженіемъ при Эйлау, для ободренія солдатъ своихъ, уже обѣщалъ имъ предать Кенигсбергъ на расхищеніе.

Во время сраженія 26 Января, ядро пушечное оторвало голову у лошади, на которой сидѣлъ Бонапарте, и убило находившагося при немъ одного (другіе увѣряютъ, что двухъ) мамелюка. Нѣкоторымъ жителямъ въ Прейсишъ-Эйлау оберъ-мамелюкъ Наполеоновъ сказывалъ на худомъ Нѣмецкомъ языкѣ: „Бонапарте много потерялъ, очень много!

„такихъ непріятелей у насъ еще не было! „Русскіе сердиты!“ — Французы сами увѣряютъ, что послѣднее сраженіе было гораздо кровопролитнѣе, нежели при Маренго, при Аустерлицѣ, при Ауэрштедтѣ. Нѣкоторые Офицеры, въ квартирѣ Маршала Сульта, съ великимъ почтеніемъ говорили о благоразумныхъ распоряженіяхъ Россійскаго Полководца; другіе восклицали, удивляясь: „можно ли такъ стоять! ни шагу назадъ!“ третьи проклинали козаковъ, за то что не даются въ плѣнъ; четвертые не могли понять, отъ чего только раненые Русскіе солдаты попадаются въ плѣнъ, а не здоровые. Одинъ Офицеръ сказывалъ, что Французы потеряли въ семъ сраженіи до двадцати Генераловъ; изъ числа которыхъ назвалъ по имени *Аллемани* и *Дюпора*.

Въ Прейсишъ-Эйлау полагаютъ, что потеря съ обѣихъ сторонъ простирается до 40,000 человѣкъ убитыми и ранеными; въ томъ числѣ двѣ трети Французовъ. Бонапарте употребляетъ всевозможныя хитрости для прикрытія неудачи. Онъ написалъ въ бюллетинахъ своихъ, что Русскихъ легло на мѣстѣ 80,000 и проч; велѣлъ солдатамъ своимъ пѣть и плясать; обѣщаетъ ихъ напоить виномъ до сыта въ Кенигсбергѣ, а между тѣмъ — отступаетъ къ Вислѣ. Раненые Французы, оставшіеся въ

Прейсишъ - Эйлау, единодушно жалуются, что Бонапарте обманулъ ихъ; увѣривъ, что это будетъ послѣднее сраженіе; что они непремѣнно выиграютъ его; и что уже не съ кѣмъ сражаться.

Безъ негодованія, безъ ужаса не льзя читать извѣстій о безчеловѣчныхъ поступкахъ Французовъ. У нѣкоторыхъ Русскихъ Офицеровъ, которые тяжело ранены и достались въ плѣнъ непріятелю, отобрано все, что ни было при нихъ, даже платье и сапоги. Этого мало: съ ними точно такъ поступлено, какъ поступаютъ дикіе островитяне съ своими жертвами: Люди, которые безпрестанно хвастаютъ своимъ просвѣщеніемъ и любовію къ человѣчеству, убиваютъ плѣнниковъ, изнемогшихъ на пути отъ голоду и усталости. Таковы герои, воздоенные млекомъ разврата! Напротивъ того, къ чести храбраго воинства Россійскаго, пишутъ, что послѣ сраженія одинъ раненой Французской Офицеръ, приползши къ передовымъ нашимъ стражамъ, просилъ помощи; сказывая, что земляки его отняли деньги и вещи, при немъ находившіяся. Несчастнаго призрѣли человѣколюбиво, и перевязали ему раны.

Можемъ увѣрять смѣло, что слѣдующее произшествіе позабавитъ нашихъ читателей. Оно выдержало трудный опытъ, и разсмѣ-

шило даже тѣхъ людей, которые на каждомъ шагу видѣли смерть предъ собою. Во время сраженія при Эйлау отрядъ Французовъ съ воткнутыми штыками шелъ на Русскихъ, которые также шли ему на встрѣчу. Военной уборъ непріятелей, изъ коихъ многіе одѣты были въ женскія епанечки и имѣли на головахъ крестьянскія шапки, столько показался страненъ солдатамъ нашимъ, что они, взявъ ружья на плечо, начали хохотать изо всей мочи. Французы, изумленные такимъ нечаяннымъ приемомъ, потеряли бодрость свою, и обратились въ бѣгство; многіе изъ сихъ витязей оставили нашимъ въ добычу епанечки и — жизнь свою.

Вотъ еще забавной случай. Одинъ солдатъ въ Кенигсбергѣ продалъ ветошнику Гессенъ-Дармштадтское знамя за 8 грошей, или за 10 копѣекъ на наши деньги; ибо Капитанъ не принялъ его, какъ вещь, не стоющую вниманія.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

АПРѢЛЬ, 1807.

№ 7.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Прогулка.

(Повѣсть, изъ сочиненій г-на Мармонтеля, найденныхъ послѣ смерти его, и изданныхъ въ прошломъ году.)

Часть первая.

Госпожа Жоффрень была женщина очень умная; имѣла немного понятій, и сіи понятія были не обширны, но тщательно подобраны, и расположены наилучшимъ образомъ; въ головѣ ея, также какъ и въ домѣ, господствовалъ совершенной порядокъ; все было на своемъ мѣстѣ и, такъ сказать, подъ рукою; во всемъ довольство безъ роскоши; не было ничего лишняго, но также не было ни въ чемъ и недостатка. Всѣмъ извѣстны доброта ея сердца, ея благодѣтельность; но благодѣтельность ея была управляема

строгою осмотрительностїю. Она почитала только тѣхъ людей, которые заслуживали почтенїе; никогда не переступала за черту благоразумїя, никогда не омрачала чистоты нравовъ своихъ пятномъ порока. Теперь судите о привязанности ея къ истинной, здравой философїи, и объ отвращенїи отъ мнимой.

Въ одинъ день она пригласила меня обѣдать въ деревню. Въ коляскѣ сидѣлъ съ нами г. Меранъ, которой умомъ своимъ и качествами очень много походилъ на любезную хозяйку; четвертой съ нами былъ молодой путешественникъ, Баронъ Флоценъ, привезшїй къ г-жѣ Жоффренъ одобрительныя о себѣ письма. Разговоръ начался тѣмъ, что хозяйка спросила путешественника, посѣщаетъ ли онъ общества, свелъ ли знакомства? „Сударыня! — отвѣчалъ Флоценъ: я рѣдко бываю въ обществахъ, о которыхъ вы говорить изволите. Съ перваго разу меня приняли учтиво, но холодно; спросили о нѣкоторыхъ ничего незначущихъ вещахъ, и такъ мало показали вниманїя ко мнѣ, что я призналъ за нужное оставить ихъ въ покоѣ, и рѣшился посѣщать философовъ.“ Ничего нѣтъ прїятнѣе — сказала г-жа Жоффренъ — какъ находиться въ обществѣ истинныхъ философовъ! Въ Шатильйонѣ, куда мы теперь ѣдемъ, часто

собираются сіи почтенные люди. Скажу вамъ однакожъ для предосторожности, что въ Парижѣ многіе обманщики и плуты величаются титломъ философовъ. — „Я нашелъ тамъ одного истиннаго — отвѣчалъ молодой человѣкъ: нашелъ такого, какихъ вы уважаете, и думаю, что не ошибаюсь. Это знаменитый Клеантъ.“ — Я не знаю его — сказала г-жа Жоффренъ. — „И я также — прибавилъ Меранъ; Клеантомъ назывался одинъ Греческій философъ, жившій передъ симъ за двѣ тысячи лѣтъ; можетъ быть нашъ происходитъ отъ него по прямой линіи.“

Путешественника спросили, гдѣ онъ видѣлъ своего философа? „Въ кофейномъ домѣ — отвѣчалъ Баронъ — гдѣ всѣ оказываютъ ему отличное уваженіе, и гдѣ онъ при мнѣ разсуждалъ весьма жарко. Я спросилъ его, въ какомъ мѣстѣ онъ преподаетъ свое ученіе? — Тамъ, гдѣ Сократъ, отвѣчалъ онъ, то есть вездѣ; любимые ученики мои пользуются особливыми уроками. Потомъ онъ дозволилъ мнѣ придти къ нему; удостоилъ меня своимъ посѣщеніемъ; полюбилъ меня; и съ тѣхъ поръ часто проводитъ время со мною. Мы обѣдаемъ съ глазу на глазъ; другъ мой охотникъ до хорошаго вина; мы пьемъ вмѣстѣ; возбудивъ духъ свой и мысли, со стаканомъ въ рукѣ, онъ

открываетъ мнѣ новыя тайны нравственности, тайны, неизвѣстныя обыкновеннымъ людямъ. Онъ далъ мнѣ слово, что черезъ три мѣсяца въ головѣ моей не останется ни одного предразсудка, и что я узнаю глубокія истины, высокія правила." — Остерегитесь — сказалъ Меранъ: онъ обѣщаетъ вамъ страшную суматоху; обмѣнъ, вамъ предлагаемой, можетъ быть для васъ весьма убыточенъ. — „Обмѣнъ убыточенъ? возразилъ Баронъ: убыточно отдать предразсудки и заблужденія за ясныя правила, за неоспоримыя истины?" — Вопервыхъ надобно знать — отвѣчалъ Меранъ — что не всѣ предразсудки суть заблужденія; вовторыхъ, не всѣ заблужденія. . . . Но это можетъ завести очень далеко; а законъ вѣжливости запрещаетъ наскучать женщинамъ. — „Не безпокойтесь обо мнѣ — сказала г-жа Жоффрень: я охотно слушаю умные разговоры." — Извольте — продолжалъ Меранъ. Тотъ ошибается, кто хочетъ, безъ всякой разборчивости, безъ исключенія лишить всѣ предразсудки той довѣренности, которую имѣютъ къ нимъ съ давнихъ временъ; они суть монеты, на которыхъ напечатлѣно священное достоинство нашихъ предковъ. Не льзя вообще сказать, чтобы сіи монеты были худой пробы — не во гнѣвъ господамъ новымъ знатокамъ, которые берутся переливать ихъ. — „Развѣ не дозволяется —

спросилъ молодой человѣкъ — положить ихъ на вѣски, бросить въ плавильной горшокъ, чтобъ узнать, чего онѣ стоютъ?" — Можно — отвѣчалъ Меранъ, — ежели вѣски вѣрны и горшокъ чистъ; но я никакъ не могу положиться на господъ алхимистовъ.

„Пожалуйте изъясните намъ, любезной другъ — спросила г-жа Жоффрень — что такое разумѣете вы подъ словомъ *предразсудокъ*?" — Предразсудкомъ называю мнѣніе, которое принимаетъ человѣкъ, не изслѣдовавъ своимъ разумомъ; принимаетъ, полагаясь на добрую совѣсть того, кто преподаетъ ему оное. Я говорю здѣсь не о молвѣ, не о слухахъ мгновенно исчезающихъ, но о мнѣніяхъ давно принятыхъ, и сохранившихся изъ рода въ родъ по преданію; онѣ суть плодъ мудрости временъ прошедшихъ, и наслѣдство, ею намъ оставленное; онѣ суть не что иное, какъ выкладки, сдѣланныя для удобности людей, которые или не умѣютъ считать, или не имѣютъ на то досужнаго времени. — „Понимаю — сказалъ Флоценъ; но кто сдѣлалъ сіи выкладки?" — Кто сдѣлалъ? отвѣчалъ мудрецъ: время, которое лучше насъ вычислять умѣетъ. — „Если выкладка вѣрна — сказалъ Флоценъ; то повѣрка не уменьшитъ ея достоинства." — Такъ — отвѣчалъ Меранъ, ежели изслѣдователь имѣетъ потребныя способно-

сти, ежели онъ принимается за дѣло съ добрымъ намѣреніемъ, ежели онъ одаренъ здравымъ разумомъ, ежели чуждъ всѣхъ заблужденій и пороковъ, ежели столько просвѣщенъ, столько надѣется на самаго себя, что можетъ отважиться судить о разумѣ многихъ народовъ, объ опытахъ вѣковъ. Но предположимъ, что вмѣсто сего рѣдкаго человѣка всякой станетъ входить въ изслѣдованія; какихъ увидимъ судей, какихъ испытателей общественнаго ума, законовъ, ученія вѣры, а особливо нравственности, которой почти всѣ правила основаны на внутреннемъ чувствѣ, на тайныхъ условіяхъ цѣлаго общества? и легко ли, безопасно ли разбирать сіи условія? — „Безъ сомнѣнія — сказалъ путешественникъ — толпа народная не должна входить ни въ какія изслѣдованія.“ — Почему не должна? отвѣчалъ Меранъ: развѣ свобода разсуждать есть исключительное право? развѣ здравое сужденіе есть тоже, что Астрономія или часовое мастерство, которыя требуютъ предварительнаго ученія? развѣ запрещено каждому почитать себя умнымъ, какъ и другіе? Ежели ваши мудрецы учатъ, что не изслѣдовавъ не должно ни чему вѣрить; то по какой причинѣ хотите вы, чтобы народъ не смѣлъ разсуждать, но во всемъ полагался бы на сужденія другаго? — „Очень справедливо — сказалъ Флоценъ:

всякой человѣкъ имѣетъ право усомниться, прежде нежели повѣритъ; имѣетъ право разсуждать, прежде нежели начнетъ дѣйствовать." — Столько — отвѣчалъ Меранъ — сколько матросъ имѣетъ право разсуждать объ искуствѣ кормщика и оборотахъ, которые велѣно ему дѣлать; общество есть корабль, на которомъ мы находимся; у каждаго своя должность: одни работаютъ у руля, другіе у парусовъ; всѣ служатъ для общей пользы. Теперь смотрите, какое произошло бы смятеніе, какое бездѣйствіе, когда бы всѣ взялись за кормило, и когда бы каждой сталъ *повѣрять* теорію движенія, вмѣсто того чтобъ *содѣйствовать* оному! — „Это уже было бы излишество, злоупотребленіе свободы — сказалъ Флоценъ: но еслибъ кто-нибудь, сидя на верхней палубѣ, замѣтилъ, что корабль идетъ худо, не долженъ ли онъ объявить о томъ?" — Онъ долженъ увѣдомить о томъ кормщика или капитана, но безъ шуму, чтобы не обезпокоить людей, на кораблѣ находящихся. — „Такъ вы не хотите, чтобы народъ былъ просвѣщенъ?" — Хочу, чтобъ онъ былъ просвѣщенъ столько, сколько нужно для него; чтобъ просвѣщали его съ благоразумною осторожностію, съ умѣренностію; хочу, чтобы плодъ мудрости медленно прозябалъ въ умѣ его, и не вдругъ распускался; хочу,

чтобы засѣвали зерна въ умѣ его, а не садили бы готовыхъ растенiй. Новыя идеи, зрѣя медленно, не вредятъ уму; онѣ порядочно, одна за другою, занимаютъ въ немъ мѣста свои: но когда вдругъ множество ихъ насильственно вытѣсняетъ прежнiя мнѣнiя, тогда неминуемо настаетъ опустошенiе и пагуба; вотъ почему я думаю, что наставленiя времени лучше всего полезны для народа. Вообще люди очень *худо* знаютъ то, чему научились очень *скоро*, и обыкновенно они знаютъ очень *много* того, чему научились очень *худо*. Книги, на примѣръ, портятъ здравой смыслъ народа; ибо онъ безъ разбору глотаетъ и ядъ и цѣлительный бальзамъ. Когда всякой умѣетъ читать, тогда наиболѣе должно присматривать за сочиненiями.

„Вы изъяснили мнѣ — сказала г-жа Жоффрень — для чего просвѣщенiе, падающее въ видѣ росы, я всегда предпочитала тому, которое льется потоками.“ — Другъ нашъ господинъ Фонтенель — продолжалъ Меранъ — сказалъ однажды, что имѣя въ рукѣ своей всѣ истины, онъ не открылъ бы ее. Спросивъ его, согласился ли бы онъ разгибать пальцы медленно одинъ послѣ другаго, и увидѣлъ изъ лица его, что онъ сдѣлалъ бы это не иначе, какъ съ великою осторожностiю. Вотъ человѣкъ, которой совершенно знаетъ людей. Истины быва-

ютъ полезны въ извѣстное время, въ извѣстномъ мѣстѣ; нѣкоторыя изъ нихъ въ рукахъ народа были бы столько опасны, сколько бритва въ рукахъ младенца. Каждому человѣку нужны знанія, соотвѣтствующія его состоянію, такъ точно, какъ ремесленнику нужны орудія, приличныя его упражненію. Будьте увѣрены, что и относительно правилъ поведенія, всѣмъ намъ общихъ, господа новые мудрецы не менѣе ошибаются, и почти всегда. Въ обществѣ, какъ на кораблѣ, не можетъ быть никакого порядка, если всѣ не будутъ дѣйствовать вмѣстѣ съ общаго согласія; а чтобы дѣйствовать съ общаго согласія, потребны знаки всѣмъ извѣстные, съ которыми каждой долженъ соображаться. — „Потому-то — сказала г-жа Жоффрень — я всегда желала, чтобы Метафизика не мѣшалась въ наше поведеніе. Въ самомъ дѣлѣ, что было бы съ нами, еслибъ всякой разъ надлежало доискиваться первоначальныхъ правилъ истины и мудрости? Люди вѣчно оставались бы въ школѣ, и прежнее ученіе ни къ чему бы не служило.“ — Чтожь дѣлать — возразилъ Флоценъ — если люди прежде научены худо! — „Худо или хорошо — отвѣчала г-жа Жоффрень — но лучше оставить свѣтъ въ прежнемъ порядкѣ, нежели каждому дозволить все переиначивать по своему. Свѣтъ безразсуденъ, прихотливъ; однакожь это не

мѣшаетъ людямъ вѣрить бытїю *добра*, *справедливости* и *благопристойности* — а въ томъ главное дѣло. Я не вхожу въ изслѣдованїя; соображаюсь со мнѣнїями, съ обычаями, и дѣлаю это болѣе по склонности, нежели по разуму. Когда философїя требуетъ, чтобы я оставила какое-нибудь заблужденїе, тогда вспоминаю о садовникѣ, которой захотѣлъ выгнать одного зайца, и вытравилъ садъ свой. Кто увѣритъ меня, что мудрецъ, преподающїй мнѣ новыя правила, въ самомъ дѣлѣ человѣкъ весьма умной, не легкомысленной, не обманщикъ? Высокоумїе не есть ли порокъ опаснѣйшїй, которымъ заражены многїе люди? гордость не есть ли болѣзнь опаснѣйшая, неизлѣчимая? Вы не можете повѣрить, сколько суетныхъ головъ плѣнилось намѣренїемъ исправить своихъ современниковъ, сколько людей, соблазнившихся заразительнымъ тщеславїемъ, рѣшилось вводить новости! Потому-то многїе не вѣрятъ имъ, и подобно мнѣ, лучше хотятъ соображаться со внутреннимъ *своимъ* чувствомъ, нежели съ *чужою* системою. Скажу вамъ еще, что въ свѣтѣ кто чаще кричитъ о приличностяхъ, обязанностяхъ, тотъ старается не столько исполнять свои должности, сколько изобрѣтать извиненїя, что ихъ не исполняетъ." — Ваша правда, сударыня — сказалъ Меранъ: нравоученїе въ этомъ походитъ на тяжебныя дѣла;

въ стряпчихъ трудно найти искренность. Но возвратимся къ нашему *стаду*; я говорю, что для народа нужны мнѣнія, которыя удерживали бы его въ повиновеніи *пастырю*; иначе, *стадо* разбѣжится; а когда всѣ разсыплются въ разныя стороны . . . . — „Тогда погибли нивы!" сказала г-жа Жоффрень. — Погибли и овцы! прибавилъ мудрецъ.

„Понимаю — сказалъ Флоценъ: для черни законы и мнѣнія, приемлемыя безъ изслѣдованія, должны быть непремѣннымъ правиломъ поведенія, а особливо, что касается до дѣлъ общественныхъ. Но неужели вы запретите человѣку, удалившемуся отъ народной толпы, просвѣщенному испытателю истины, не уже ли запретите въ тихомъ уединеніи разсматривать мнѣнія народныя?" — Въ тихомъ уединеніи — отвѣчалъ Меранъ — пускай разсматриваетъ; ошибка его не сдѣлаетъ большаго вреда. — „Если онъ въ предразсудкахъ народныхъ найдетъ важное заблужденіе, если у него будетъ готова спасительная истина, что прикажете дѣлать ему?" — Вопервыхъ недовѣрять самому себѣ; ибо можно утвердительно сказать, что истина его прежде многимъ уже была извѣстна, и что свѣтъ принялъ бы ее, когда бы нашелъ для себя полезною. Уже пятьдесять лѣтъ я наблюдаю успѣхи разума человѣческаго; много

сдѣлано открытій въ Физикѣ, въ Химіи, въ Механикѣ, даже въ Метафизикѣ; но какія новыя истины найдены въ Политикѣ, въ Морали, и какія отвергнуты заблужденія, мнѣ не извѣстно. Невѣжеству прилично присвоивать себѣ изобрѣтательность; часто и тщеславіе подвергается той же слабости. И такъ удивительно ли, что мы каждой день слышимъ о *новыхъ* открытіяхъ, которыя за тысячу лѣтъ прежде были извѣстны и брошены! Болѣе же всего совѣтую изобрѣтателю прилѣжно разсмотрѣть, какому міру принадлежитъ новая его истина, нашему, или другому какому-нибудь, напримѣръ мечтательному, или созданному по особливому начертанію; ибо если она чудна намъ, то мы не можемъ почитать ее истиною. Надобно, чтобы истина годилась для нашего міра, чтобы сообразна была съ нашими обстоятельствами, чтобы удовлетворяла наши нужды. Добро есть ея существенное отличіе; но добра совершеннаго нѣтъ въ природѣ; *хорошее* въ одно время, въ одномъ мѣстѣ, при однѣхъ обстоятельствахъ, не можетъ быть *хорошимъ* во всякое время, во всѣхъ мѣстахъ, при всѣхъ обстоятельствахъ; слѣдственно самая истина можетъ сдѣлаться ложью, и на оборотъ ложь истиною. Въ математическихъ вычисленіяхъ предполагается точка безъ пространства, черта безъ толстоты; наблюдается вѣрность въ коли-

чествѣ, точность въ мѣрѣ, правильность въ формѣ; но не приемлется въ разсмотрѣнїе ни различная плотность тѣлъ, ни случайныя измѣненїя жидкости, въ которой тѣла движутся; ни препятства, которыя даютъ движенїю другое направленїе. Чтожь выходитъ, когда послѣ умозрительныхъ предположенїй приступаютъ къ дѣлу? Самыя точныя вычисленїя подъ перомъ математика, самыя вѣрныя рѣшенїя оказываются ложными подъ снарядомъ механика. Точно тоже бываетъ въ политикѣ и въ морали: особенные случаи почти всегда не сходствуютъ съ общими предположенїями; прекрасное умозаключенїе часто никуда не годится на дѣлѣ. Слѣдственно лучше всего держаться *пользы*; ибо *добро*, не будучи *истиною*, замѣняетъ ее собою; но ни что его замѣнить не можетъ, кромѣ очевидной истины, которой само добро должно уступить преимущество.

„Ваши слова — сказала г-жа Жоффрень — нѣсколько темны; не льзя ли объяснить примѣромъ?“ — Вотъ онъ — отвѣчалъ Меранъ. *Первыя должности человѣка*, говоритъ Цицеронъ, *состоятъ въ любви къ богамъ безсмертнымъ, вторыя въ любви къ отечеству, третьи въ любви къ родителямъ.* Учреждая большое общество, не знаю можно ли найти для человѣческихъ дѣянїй пружины, которыя были бы прочнѣе и лучше

сихъ первоначальныхъ должностей; но предложите ихъ на разсмотрѣнїе мнимымъ мудрецамъ: Епикуреецъ скажетъ вамъ, что *боги выдуманы людьми*; всемїрный гражданинъ скажетъ, что *отечество тамъ, гдѣ хорошо жить*; натуралистъ скажетъ, что *животное забываетъ родителей, когда они сдѣлаются для него ненадобны*; и каждой изъ сихъ господъ приведетъ пышныя доказательства. Положимъ на часъ, что умствованїя ихъ были бы убѣдительны, что ихъ ни чѣмъ опровергнуть не можно; что вышло бы изъ того? родились бы пагубныя мнѣнїя, которыя общими силами надлежало бы истребить. Уничтожьте сїи три народные *предразсудка* — и вы разрушите твердыя подпоры гражданскаго порядка, разорвете внутреннїя связи государственныя, подроете основанїе, на которомъ утверждено общество. Такимъ образомъ можно было бы нападать на всѣ принятыя мнѣнїя; вѣра, благонравїе, правленїе — все погибнетъ, если дать волю нашимъ алхимистамъ испытывать оныя въ своихъ горнилахъ. Самое чистое золото выдетъ парами. — „Что касается до любви къ отечеству, до повиновенїя родителямъ — сказалъ Флоценъ — это священныя обязанности, которыя вѣчно будутъ ненарушимы; философїя велитъ исполнять ихъ въ точности; но Цицеронъ самъ признался бы, что не вѣровалъ въ без-

смертныхъ боговъ; я думаю, что сей предразсудокъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, отъ которыхъ мудрецъ можетъ себя уволить."

При сихъ словахъ г-жа Жоффрень хотѣла прекратить споръ. „Не бойтесь ничего, сударыня — сказалъ Меранъ; постараюсь защитить истины, вамъ любезныя. Позвольте немного отдохнуть; видите, что г. Баронъ Флоценъ не даетъ мнѣ свободной минуты духъ перевести." —

Часть вторая.

„Чтобы понять — продолжалъ Меранъ, помолчавъ немного — какъ заблужденіе можетъ быть совмѣстно съ истиною, по причинѣ сходства съ нею, и даже можетъ замѣнять ее, предположимъ, что въ странѣ, гдѣ люди не имѣли еще понятія объ истинной вѣрѣ, поэты-философы населили бы небо выдуманными богами, нѣсколько благонравнѣйшими тѣхъ, которыхъ почитали древніе; предположимъ, что Судьбѣ подчинили бы они боговъ-защитниковъ, для охраненія добрыхъ людей, — боговъ справедливыхъ и страшныхъ, для обузданія злодѣевъ, — боговъ присущныхъ сельскимъ работамъ, для ободренія и награжденія людей трудолюбивыхъ, — а особливо боговъ сострадательныхъ, для утѣшенія несчастныхъ, и для облегченія бремени настоящихъ бѣд-

ствїй надеждою будущаго благополучїя; предположимъ, что богъ силы и могущества былъ бы всегда мудрымъ и справедливымъ; что богиня красоты была бы вмѣстѣ и богинею цѣломудрїя; что невинность была бы всегдашнею спутницею забавъ и юности; что любовь, прелесть и чистосердечїе составляли бы свиту цѣломудреннаго Гимена; что вмѣсто боговъ безчинныхъ, которые гонялись за сельскими Нимфами, были бы выдуманы боги покровители селъ, мстители угнетаемой невинности; словомъ, предположимъ, что небо, преисподняя, воздухъ, вода, земля, стихїи, времена года, представляли бы людямъ полезные примѣры подъ символическими знаками, и вмѣсто баснословныхъ соблазновъ на жертвенникахъ были бы видимы нравоучительныя истины, образцы благости, правоты, добродѣтели: думаете ли, что иносказательныя выдумки не заслуживали бы почтенїя мудрецовъ? думаете ли, что неизъяснимая случайность Демокритовыхъ атомовъ, непонятное ученїе Ѳалесово были бы лучше сего баснословїя? Народъ любитъ предметы, чувствами постигаемые. Когда истина сокрыта, или когда истина не можетъ привлекать къ себѣ вниманїе народа; тогда полезно предлагать ему выдумки, споспѣшествующїя назиданїю общественнаго блага.

„Соглашаюсь, что языческое баснословіе не было такимъ, какимъ я предположилъ его; всѣ пороки, всѣ злодѣянія могли быть имъ оправдываемы. Поэты, думая о точности эмблемъ своихъ, упустили изъ виду, сколь опасны сіи эмблемы для благонравія. Но какимъ образомъ мудрецы и законодатели исправляли ошибки поэтовъ? Они не уничтожили прежняго богослуженія; ибо знали, что зданіе сіе въ минуту паденія производитъ величайшія бѣдствія. Еслибъ можно было въ одно мгновеніе разрушить оное, какъ волшебница движеніемъ своего жезла уничтожаетъ великолѣпные чертоги; тогда осталась бы дикая пустыня, въ которой немедленно расплодились бы ядовитыя гады, кровожадныя чудовища. Потому-то мудрецы съ величайшею осторожностію покрывали тѣнью только ту сторону баснословія, которая была опасна для нравственности; но оставили для народа то, что было достойно почтенія.

„Разсмотрите ихъ жизнь: всегда и вездѣ они уважали мнѣнія, ежели не за истину въ нихъ содержащуюся, то за добро, за пользу, приносимую ими обществу. Цицеронъ, надѣясь на скромность своего сына, откровенно говоритъ съ нимъ о Судьбѣ; однакожъ не проповѣдуетъ Римлянамъ, чтобы они не страшились непостоянной Фор-

туны. Горацій написалъ, что сія богиня по своему произволу то возноситъ, то унижаетъ людей и царства, что она торжество побѣды превращаетъ въ обрядъ погребенія, что заставляетъ трепетать тирановъ, — и сіе мнѣніе было весьма полезно; оно предохраняло несчастныхъ отъ унынія, счастливыхъ отъ гордости, чернь отъ изступленія при удачахъ, отъ пагубнаго отчаянія при бѣдствіяхъ. Великій человѣкъ, стеченіемъ обстоятельствъ обвиняемый за какое-нибудь произшествіе, не зависѣвшее отъ его распоряженій, могъ бы пострадать невинно; народъ вѣритъ всемогуществу Фортуны — и молчитъ. Такимъ образомъ, пока истина еще не открыта, мнѣніе управляетъ народомъ; ибо надобно, чтобъ онъ былъ управляемъ такъ или иначе. Ежели заблужденіе ведетъ къ той же цѣли, къ которой истина, то первое служитъ вмѣсто послѣдней, тѣмъ болѣе, что имѣетъ драгоцѣнныя свойства самой истины — добро и пользу."

Признаться ли вамъ? — сказалъ Флоценъ: мнѣ весьма непріятно, что вы хвалите заблужденіе, и хотите, чтобы оно замѣняло собою священную истину. — „А мнѣ очень пріятно — отвѣчалъ Меранъ — что вы такъ горячо вступаетесь за истину; ибо я жилъ для нее одной, и теперь, при старости моей, ищу ее съ постоянною неутомимостію. Она есть единственный

предметъ трудовъ моихъ; смѣло могу похвалиться, что въ любви и почтенiи къ истинѣ не уступаю никому въ свѣтѣ; но люди такъ сотворены, что, по различiю отношенiй между ними, добро иногда можетъ быть зломъ, и на оборотъ. Вы согласитесь, не льзя утвердительно сказать, по крайней мѣрѣ въ наше время, что всѣ жены цѣломудренны, что всѣ мужья вѣрны, что всѣ матери добродѣтельны, что всѣ отцы добры, что всѣ судьи некорыстолюбивы; скажите же, не должно ли желать, для общественнаго порядка, чтобы каждой имѣлъ хорошее мнѣнiе о женѣ своей, о мужѣ, о судьяхъ, о родителяхъ? Множество найти можно подобныхъ примѣровъ. Истина, сударь, есть напитокъ превосходной; надобно только держать ее въ чистомъ сосудѣ; иначе, она испортится и сдѣлается ядомъ."

Мой философъ — сказалъ Флоценъ — не принимаетъ никакихъ исключенiй. Онъ говоритъ, что для человѣческаго разума есть только два состоянiя — *увѣренность* въ очевидной истинѣ и *сомнѣнiе*. Все, болѣе или менѣе *вѣроятное*, принадлежитъ ко мнѣнiямъ, не стоющимъ никакого уваженiя. Онъ говоритъ, нѣтъ лучшаго способа просвѣтиться, какъ забыть народные предразсудки, забыть общественныя условiя, и возвратиться къ природѣ, къ мудрымъ законамъ внутренняго побужденiя.

„Знаю — отвѣчалъ Меранъ — что это любимая система новѣйшихъ нравоучителей; но знаю также, что она есть сборъ ложныхъ умозаключенїй, неисчерпаемый источникъ заблужденїя. Не спорю, что голосъ природы есть самой лучшїй наставникъ для того, кто внимательно слушаетъ его и разумѣетъ; надобно только заставить молчать страсти, когда говоритъ природа — а этого не дѣлаютъ. Прежде нежели требуютъ у нее совѣта, она уже приведена въ заблужденїе, и говоритъ, подобно отголоску, то, что говорить ее заставляютъ, а очень часто — ужасныя нелѣпости. Изъ тысячи примѣровъ, видѣнныхъ мною, разскажу вамъ одинъ, которой еще въ молодыя лѣта сдѣлалъ на сердцѣ моемъ сильное впечатлѣнїе, и которой остался у меня въ памяти.“ — Г-жа Жоффренъ стала слушать съ большимъ вниманїемъ; она любила повѣсти.

„У насъ въ Безьерѣ — продолжалъ Меранъ — жилъ человѣкъ, которой, желая все подводить подъ законы природы, училъ дѣтей своихъ презирать общественныя мнѣнїя и руководствоваться разумомъ чистымъ, не зараженнымъ предразсудками. Имѣя сердце несравненно лучшее ума, онъ, впрочемъ безъ намѣренїя, хорошими примѣрами своего поведенїя исправлялъ погрѣшности наставленїй, и долго не могъ примѣтить, сколь пагубны были

правила, коими напиталъ дѣтей своихъ. Наступило время страстей и независимости; дѣти не дали покою отцу до тѣхъ поръ, пока онъ не снялъ съ нихъ родительской власти. Всѣ три сыновья тотчасъ женились по своей волѣ; поступокъ ихъ былъ сообразенъ съ закономъ природы; ибо животныя понимаются по склонности, и не спрашиваютъ ни чьего дозволенія. Дикіе точно такъ же заключаютъ брачные союзы, говорили дѣти — и отецъ не могъ противурѣчить.

„Тотчасъ послѣ женитьбы, они потребовали вѣрнаго отчета въ материнскомъ наслѣдствѣ; ибо какъ въ числѣ *несовершенствъ* общежитія находится принадлежность имѣній и пріобрѣтеніе по праву наслѣдства, то почему же каждому въ свою очередь не пользоваться симъ *беззаконнымъ* установленіемъ? Отецъ просилъ, чтобы уступили ему часть приданаго; не задолго передъ тѣмъ онъ совершенно разорился отъ тяжбы, которая по естественному праву долженствовала бы рѣшиться въ его пользу, но которой законы общественные не одобряли. Дѣти оставили ему самую малую часть имущества, только для предотвращенія голодной смерти — и думали, что оказали великую милость. Тщетно старикъ напоминалъ, что далъ имъ жизнь, что заботился о нихъ въ младенческія лѣта, что расточалъ для нихъ свои

благодѣянія, что любилъ ихъ съ горячностію. Они его выслушавъ хладнокровно, спрашивали одинъ у другаго: не тоже ли дѣлаютъ дикія животныя для дѣтей своихъ? Левъ, медвѣдь, тигръ, упрекаютъ ли дѣтей, что дали имъ жизнь, что питали ихъ и защищали? Какое онъ право имѣетъ требовать отъ насъ благодарности? Развѣ онъ по любви къ намъ подарилъ насъ жизнію? развѣ мы не можемъ свободно наслаждаться выгодами жизни, когда дошла до насъ очередь? развѣ онъ не вѣдаетъ, что должность повиновенія, по закону самой природы, оканчивается вмѣстѣ съ младенчествомъ, и что послѣ сего срока всякой долженъ помышлять самъ о себѣ?"

Вы меня въ ужасъ приводите — сказала г-жа Жоффрень. — „Вотъ до чего доводитъ — продолжалъ мудрецъ — небреженіе объ установленіяхъ общественныхъ, и прекрасное сліяніе законовъ природы животныхъ и человѣка! Между тѣмъ какъ несчастной, оставленной старикъ изнемогалъ подъ бременемъ нищеты, старшій сынъ его, предавшійся постыдному распутству, и лишившійся всего имѣнія въ шайкѣ безчестныхъ игроковъ, призналъ выгоднымъ взяться за ихъ ремесло, для поправленія своего состоянія. Онъ былъ уличенъ въ плутовствѣ, и получилъ жестокой

выговоръ. Не желая болѣе подвергаться строгости законовъ, и проклиная неравенство въ раздѣлѣ имуществъ, которыя по естественному закону равно принадлежатъ каждому, онъ рѣшился пользоваться правами своими въ лѣсу, то есть началъ грабить путешественниковъ — и понесъ достойное наказанїе съ шайкою подобныхъ себѣ нравоучителей.

„Дочь старика, вышедши за одного мущину, котораго, какъ ей казалось, сперва любила, и которой скоро наскучилъ ей, вспомнила правило, что вѣчное обязательство противно здравому разуму, и что право естественной свободы ни чѣмъ не ограничено; не имѣя способа явно разторгнуть узелъ брака, по законамъ гражданскимъ нерасторгаемый, рѣшилась дѣлать все то, что, какъ она говорила, сама природа предписываетъ существу слабому, угнетаемому, лишенному свободы; хитростїю вооружилась противу силы; нарушила клятву супружеской вѣрности, сердцемъ ея презираемую; наконецъ, пользуясь правомъ естественной неотъемлемой свободы, и безпрестанно мѣняя предметы невинныхъ своихъ наслажденїй, до того довела себя, что ее посадили за желѣзную решетку. Негодуя на мучителей своихъ, она бѣжала изъ монастыря, приѣхала въ Парижъ, и поселилась

въ обиталищѣ нимфъ веселія. Цвѣтъ юности увялъ преждевременно, и несчастная окончила бѣдственную жизнь свою въ позорномъ убѣжищѣ скорби и раскаянія.

„Другой сынъ, соображаясь съ закономъ естественнаго равенства, взялъ за себя женщину низкаго состоянія, и притомъ такую, которая чужда была всѣхъ предразсудковъ; дражайшая половина сія думала, что ласки ея суть блага, по праву естественному равно принадлежащія каждому; какъ думала, такъ и поступала. Мужъ скоро ощутилъ слѣдствія сей достохвальной щедрости, и началъ жаловаться; почтенная супруга, забравши лучшіе пожитки его, тихонько отправилась въ Марсель къ одному матросу, прежнему своему любовнику.

„Отецъ, видя семейство свое въ поношеніи, изнемогши подъ бременемъ нищеты, стыда и терзаній, лишился разума. Въ припадкахъ бѣшенства, онъ — повидимому, желая терпѣть наказаніе за свое безразсудство — билъ себя въ грудь и по лицу; простиралъ къ намъ руки, и взоромъ требовалъ прощенія, состраданія. Въ спокойныя минуты я внимательно замѣчалъ его поступки и ловилъ мысли, которыя вырывались изъ глубины сердца.

„Ахъ! — говорилъ онъ мнѣ — мои дѣти? Что вы сдѣлали съ ними? У меня нѣтъ дѣтей! Я, такъ, я самъ. . . . Но я за то наказанъ. Увѣдомьте ихъ, что я наказанъ; скажите имъ, что я отецъ ихъ. Несчастной отецъ! Онъ обманулъ ихъ; но онъ любилъ ихъ нѣжно. Такъ, онъ былъ для нихъ доброй отецъ; но онъ лишился дѣтей своихъ. Смотрите, какъ они ограбили меня! Дѣти ограбили меня! Скажите, что я прощаю ихъ. Но гдѣ они? въ пропасти! Поведите меня къ пропасти. Я вырылъ ее. Такъ, я вырылъ ее собственными руками. Сжальтесь надо мною! Бѣдная голова моя разстроилась, знаю; но я не теперь сошелъ съ ума. Ахъ! я былъ съумасшедшимъ еще тогда, когда почиталъ себя мудрецомъ.“

Очень легко испортить нравственность ложными умствованіями — сказалъ Флоценъ; но развѣ истинная мудрость не имѣетъ способовъ исправлять ее? развѣ добродѣтель страшится взоровъ здраваго разума? — „Да гдѣ этотъ здравой разумъ? — спросилъ Меранъ: не у софистовъ ли, которые думаютъ, что нравственность очищается ихъ тонкими умствованіями? Надобно ли подчинять хладной Метафизикѣ общественныя привычки и душевныя чувства? надобно ли строго разбирать нравственныя истины, живучи среди народа, котораго здравой смыслъ удобно помрачается, и котораго добрыя расположе-

нія удобно превращаются въ худыя? Смѣло увѣряю, что заставить человѣка отыскивать причины врожденныхъ склонностей, и развращать его — есть одно и то же. Хорошо, когда изслѣдованія не испортятъ въ немъ внутренняго побужденія къ добру; но если, сомнѣваясь во всемъ, онъ привыкнетъ быть нерѣшительнымъ въ минуты расположенія къ добру, къ справедливости, то сердце его сдѣлается лавиринѳомъ безъ проводника, безъ нити."

Но Пиѳагоръ сказалъ, — возразилъ Флоценъ: когда сомнѣваешься, удержись. Это правило самой мудрости. — „Правда — отвѣчалъ Меранъ: однакожь надобно хорошо понимать его; ибо *удержаться* часто значитъ то же, что *рѣшиться*. Когда, увидѣвъ утопающаго человѣка, начну разсуждать, должно ли помочь ему; онъ между тѣмъ утонетъ. Но всего хуже, что при сомнѣніи разума не рѣдко страсть заставляетъ рѣшиться. Частная польза гражданина легко можетъ обойтись безъ философическаго рѣшенія, которое скептика ведетъ къ своевольству. Нравственность погибнетъ, когда сдѣлаемъ ее сомнительною, когда станемъ добираться до началъ ея; ибо въ законахъ, во нравахъ, въ ученіи о справедливости и честности, можетъ быть, не льзя найти ни одного положенія, которое устояло бы противъ хитростей скептика,

вооруженнаго софизмами. Человѣкъ, одаренный острымъ умомъ, но скрывающій злое намѣреніе, удобно можетъ поколебать всѣ права, всѣ обязанности, предъ глазами обыкновеннаго разума. Если отвергнуть принятыя мнѣнія, постановленныя правила, внутреннее сознаніе истины; то на чемъ будетъ утверждено общественное благонравіе? на чемъ будетъ утверждена честность народная?"

Клеантъ ни во что ставитъ внутреннее сознаніе истины — сказалъ Флоценъ: онъ спрашиваетъ, можетъ ли назваться истиною то, чему разумъ противурѣчитъ? „Спросите его самаго — отвѣчалъ Меранъ — разумъ ли увѣрилъ его, что существуютъ тѣла, которыя вокругъ себя видитъ? разумъ ли увѣрилъ его, что существуетъ собственное его тѣло? Спросите его, что онъ отвѣчалъ умствователямъ, которые доказывали, что все есть только призракъ, сновидѣніе? Но кто въ самомъ дѣлѣ, имѣя здравой умъ и говоря чистосердечно, кто можетъ сомнѣваться въ существованіи собственныхъ глазъ своихъ и лучей свѣта?

„Такимъ же образомъ оспориваютъ у человѣка свободу воли; такимъ же образомъ заставляютъ разумъ молчать, утверждая, что какъ онъ самъ, такъ и все въ природѣ покорено закону необходимости: не смотря

на то, всѣ люди, и самые фаталисты дѣйствуютъ, будучи совершенно увѣрены, что дѣйствуютъ свободно, и что воля ихъ ни чемъ не связана. Всѣ правила поведенія, всѣ законы, всѣ впечатлѣнія — почтеніе и презрѣніе, похвала и ругательство, чувство дружбы, благодарности, оскорбленія — все увѣряетъ, что человѣкъ имѣетъ свободную волю избирать доброе и худое. Вотъ что называется истинами, внутреннимъ чувствомъ постигаемыми; онѣ обитаютъ не въ разумѣ, но въ душѣ; природа открываетъ ихъ человѣку, не касаясь разума."

Такъ вы вѣрите врожденнымъ понятіямъ? — спросилъ Флоценъ, улыбаясь. — „Вѣрю врожденнымъ чувствованіямъ — отвѣчалъ Меранъ; вѣрю понятіямъ, которыя получаемъ отъ внутренняго побужденія — и сіи понятія никакимъ не уступаютъ въ точности. Я вижу, что птицъ никто не училъ вить гнѣздо, и что онѣ не имѣли нужды въ примѣрахъ, для того чтобы понявшись тотчасъ готовить мягкое ложе для дѣтей, которыя лишь только еще зародились; вижу, что новой рой пчелъ въ искуствѣ дѣлать соты при первомъ опытѣ не уступаетъ старымъ; равнымъ образомъ тысячи другихъ животныхъ, не учась, умѣютъ дѣлать, что имъ нужно: слѣдственно есть въ нихъ врожденное знаніе. Почему же хотите вы, чтобъ человѣку природа не дала

внутренняго побужденія, которое нужно ему? Напримѣръ, училиль васъ, сударыня, искуству сосать, когда вы родились?" — Искуству сосать? — „Да, искуству обвернуть языкомъ сосокъ, и втягивать въ ротъ молоко для насыщенія себя, есть конечно искуство чудесное; я удивилъ бы васъ, еслибъ изъяснилъ, какимъ образомъ оно производится. Но пойдемъ далѣе. Не думаете ли, что васъ научили говорить? Знаю, что возрастъ, примѣръ, привычка, склонность подражать, подали вамъ случай прежде сдѣлать опытъ, потомъ мало по малу управлять орудіями слова; но сіи орудія, сіи многосложныя пружины дѣйствуютъ съ такою удобностію, что глотка, языкъ и губы точно, быстро, легко отправляютъ свою должность; кто научилъ васъ приводить въ порядокъ сіи части, дѣлать дыханіе звонкимъ, перемѣнять звуки, выговаривать ихъ, наконецъ заставить ихъ выражать ваши желанія и мысли, когда хотите?" — Но орудія сіи дѣйствуютъ механически. — „Такъ, сударыня; однакожь произволъ управляетъ. Мы дѣйствуемъ ими по своей волѣ, не зная, какимъ образомъ орудія слова намъ повинуются; однакожь умѣемъ заставить ихъ дѣйствовать, когда и какъ хотимъ: вотъ врожденныя знанія, которыя сравниваю съ летаніемъ птицъ, съ бѣганьемъ четвероногихъ — и сіе искуство

мы получаемъ отъ самой природы, ибо никакой умъ не постигнетъ его таинства. Это еще не все: замѣтилиль вы въ дѣтяхъ искуство соединять и раздѣлять понятія? Думаете ли, что наука предшествовала врожденной ихъ логикѣ? Спросите робенка, начинающаго говорить, чего онъ болѣе хочетъ, винограду *или* груши?" — Безъ сомнѣнія — сказала г-жа Жоффрень — услышимъ въ отвѣтъ, что болѣе хочетъ винограду *и* груши. — „Видите ли, что онъ уже знаетъ различіе между союзомъ *раздѣлительнымъ*, которой заставляетъ его выбрать *одно*, и союзомъ *соединительнымъ*, которой дастъ ему и виноградъ и грушу?" — Я видѣла много примѣровъ подобныхъ умствованій. Когда говорятъ дитяти: я тебя высѣку розгою, ежели будешь дурачиться; — дитя не пугается, потому что угроза отъ условія зависитъ. Но когда скажутъ ему: я тебя высѣку; ты дурачился; — дитя плачетъ, ибо разумѣетъ, что тутъ уже нѣтъ условнаго *ежели*. — „Очень хорошо, сударыня! училиль робенка этой логикѣ? нѣтъ, она врожденная: послѣ подвели ее подъ правила, сдѣлали ее наукою; но источникъ ея — природа. Это логика внутренняго чувства; большая часть существъ разумныхъ не знаетъ другой. Перейдемъ къ искуству краснорѣчія. Какой Квинтиліанъ открылъ дѣтямъ тайну оборотовъ рѣчи, напряженія, хитрости? Древніе прежде меня

написали: *Дитя въ судебныхъ словахъ своихъ употребляетъ всѣ хитрости витійства; оно умѣетъ ласкаться и льстить, показывая видъ боязни и покорности, — угрожать непріятелю, котораго устрашить желаетъ, — приводить доказательства для оправданія себя и защищенія, — опровергать доводы противника, — разсказывать произшествія выгоднымъ для себя образомъ, — наконецъ жаловаться, чтобы получить удовлетвореніе, и просить о помилованіи.*

„И такъ не опровергая Плинія, которой написалъ, что человѣкъ въ первыя лѣта младенчества умѣетъ только плакать, могу сказать также, что природа служитъ ему хорошею наставницею, и преподаетъ чудесные уроки по мѣрѣ укрѣпленія силъ его. Но ни что столь не очевидно въ ея наставленіяхъ, какъ нравственныя истины. Человѣкъ не учась, не размышляя, но единственно повинуясь внутреннему побужденію, чувствуетъ обязанность быть справедливымъ, сострадательнымъ, добрымъ; одно внутреннее побужденіе заставляетъ его почитать и любить благодушіе, скромность, и вообще всѣ добрыя качества души и сердца. На сихъ истинахъ основаны мнѣнія народныя; портить врожденное чувство добра и развращать народъ — есть одно и тоже.“

Соглашаюсь — сказалъ Флоценъ — что опасно доискиваться причинъ внутренняго чувства, опасно даже разбирать принятыя мнѣнія; ибо положимъ, онѣ суть предразсудки, общественныя условія; довольно, что онѣ полезны людямъ. Но можно ли сказать то же самое въ разсужденіи политики? и . . . .

„Скоро приѣдемъ въ Шатильйонъ — сказала г-жа Жоффренъ: оставимъ разговоръ нашъ до вечера, до обратнаго пути.“

(*Продолженіе въ слѣдующемъ нумерѣ.*)

II.

Сонъ Могольца.

Однажды доброму Могольцу снился сонъ,
Ужь подлинно чудесной!
Вдругъ видитъ, будто онъ,
Какой-то силой неизвѣстной,
Взнесенъ въ обители всевышняго Царя,
И тамъ — подумайте! — находитъ Визиря!
Потомъ открылася предъ нимъ и пропасть ада.
Кого — прошу сказать — узналъ онъ въ адской мглѣ?
Дервиша! да, Дервишъ, служитель Орозмада,
Въ котлѣ,
Въ клокочущей смолѣ,
На ужинъ дьяволамъ варился!
Моголецъ ухъ! и навскочь пробудился!

Скорѣй бѣжать за колдуномъ,
Поклоны въ поясъ, — бьетъ челомъ!
„Отецъ мой, истолкуй чудесное видѣнье!“
Твой сонъ есть Божій гласъ — колдунъ ему
въ отвѣтъ —
Визирь въ раю за то, что въ области суетъ,
Средь пышнаго двора, любилъ уединенье!
Дервишужь по дѣломъ! не будь онъ суесвятъ;
Не ползай передъ тѣмъ, кто силенъ и богатъ;
Не суйся къ Визирямъ ходить на поклоненье!

Когдабъ, не бывши колдуномъ,
И я прибавить могъ къ словамъ его два слова;
Тогда, не мѣтя въ даль, просилъ бы объ одномъ:
Друзья, любите сѣнь родительскаго крова!
Гдѣжь счастье, какъ не здѣсь, на лонѣ тишины,
Съ забвеніемъ суетъ, въ обителяхъ свободы?
О блага чистыя! о сладкій даръ природы!
Гдѣ вы, мои поля, гдѣ вы, любовь весны?
Страна, гдѣ я разцвѣлъ, въ тѣни уединенья,
Гдѣ сладость тайная во грудь мою лилась?
О рощи, о друзья! когда увижу васъ?
Когда, покинувъ свѣтъ, опять безъ принужденья
Вкушать мнѣ вашу сѣнь, вашъ сумракъ и покой?
О! кто мнѣ возвратитъ родимыя долины?
Когда, когда и Фебъ и дщери Мнемозины

Придутъ подъ тихій кровъ бесѣдовать со мной?
При нихъ мои часы весельемъ окриленны!
Тогда постигну ходъ таинственныхъ небесъ,
И выспреннихъ свѣтилъ стези неоткровенны.
Когдажь не мой удѣлъ познанье сихъ чудесъ,
Пусть буду напоенъ лѣсовъ очарованьемъ,
Пускай плѣняюся источниковъ журчаньемъ,
Пусть буду воспѣвать ихъ блескъ и тихой токъ!
Нить жизни моея совьется не изъ злата,
Мой низокъ будетъ кровъ, постеля небогата,
Но меньше ль бѣдныхъ сонъ и сладокъ и глубокъ,
И меньше ль онъ души невинной услажденье!
Ему преобращу мою пустыню въ храмъ.
Придетъ ли часъ отбыть къ невѣдомымъ брегамъ:
Мой вѣкъ былъ тихой день, а смерть успокоенье!

В. Ж — ій.

III.

Прощанье старика.

Прости мятежное души моей волненье,
Прости палящій огнь цвѣтущихъ жизни лѣтъ,
Прости безумное за славою стремленье!
Для васъ въ моей душѣ ни слезъ, ни вздоха нѣтъ!

Мечты разрушены! изчезло привидѣнье!
Но ты, восторгъ души, всѣхъ буйныхъ чувствъ покой,
О сладость тихая, о сердца восхищенье!
Тебя, любовь, тебя теряю со слезой!

В. Ж — ій.

IV.

Разговоръ.

Какъ звать тебя, чудакъ? кто ты? —
„Я богъ Амуръ!“
Обманывай другихъ! ты шутишь, балагуръ!
„Ничуть! свидѣтель Богъ! Амуромъ называюсь!“ —
Быть такъ! но кто тебѣ далъ странный сей уборъ? —
„Кто далъ? весь Божій свѣтъ! обычай, городъ, дворъ!“ —
Какой безстыдный взглядъ, нахальность! удивляюсь! —
„Простакъ! невинности ужь нынче негдѣ взять!“ —
Куда ты дѣлъ свой лукъ, колчанъ, свѣтильникъ, стрѣлы? —
„Начто они? безъ нихъ могу торжествовать!
Упорныхъ болѣ нѣтъ; мужчины стали смѣлы!“

Какой переворотъ! а гдѣ же твой покровъ,
Омытый иногда прелестныхъ глазъ слезами? —
„Хватился! потерялъ.“ — О жалкій изъ богovъ!
Но что! ты весь въ шерсти, съ козлиными ногами,
Съ гремушкой, съ маскою, въ дурацкомъ шушунѣ!
За чемъ такой нарядъ? пожалуй объяснися! —
„По милости его весь міръ подвластенъ мнѣ!“ —
Ты царь? — „Я богъ!“ — Не мой! —
„Всесвѣтный!“ — Отвяжися!

Д. К. — ъ.

V.

Сонетъ.

За нѣжный поцѣлуй ты требуешь сонета!
Но шутка ль быть творцомъ четырнадцати строкъ
На двѣ лишь четки рифмъ! скажи сама Лилета?
„А развѣ поцѣлуй бездѣлка?“ — Дай мнѣ срокъ!
Четыре есть стиха, осталось три куплета;
О Фебъ, о добрый Фебъ! не будь ко мнѣ жестокъ!
Хотя на мигъ одинъ Парнасскаго мнѣ свѣта! —
Еще строфа! смѣлѣй! ужъ берегъ недалекъ!

Но вотъ ужь и усталъ! о мука! о
досада!
Здѣсь Лилла — поцѣлуй! тамъ рифмы — и
надсада!
Какъ быть . . . . . но Богъ помогъ! еще
готовъ терцетъ!
Ещебъ одинъ, и все! пишу! хоть до
упада!
Вотъ . . . вотъ . . . почти совсѣмъ! о
радость! о награда!
Мой, Лилла, поцѣлуй, и вотъ тебѣ соннетъ!

Д. К — ъ.

VI.

Перечень письма отъ Вольтера къ г-ну Даліону, находившемуся въ С. Петербургѣ, въ качествѣ Министра отъ Французскаго Двора.

(Сообщено Канцлеру Графу Бестужеву 16 го Декабря 1745 года.)

Je vous ſupplie Mr. de préſenter à Sa Majeſté Impériale un exemplaire de mon *Henriade*, et de Lui faire remarquer le petit envoie qui accompagne le livre, et qui eſt à la première page.

Ce n'eſt pas tout Mr. et c'eſt ici qu'il faut encore que le nom de Mr. le Marquis

d'Argenſon parle pour moi. Je vous envoie un exemplaire d'un livre *Sur la Philoſophie de Newton.* Je vous aurois, Mr. une très grande obligation de vouloir bien le donner à Mr. le Secrétaire de l'Académie de Pétersbourg. J'ai déjà l'honneur d'être des Académies de Londres, d'Edeimbourg, de Berlin, de Boulogne, et je veux devoir à votre protection l'honneur d'être admis dans celle de Pétersbourg. Ce feroit peut-être une occasion pour moi de pouvoir quelque beau jour d'été voyager dans la cour où vous êtes, et me vanter d'avoir vu la célèbre Elizabeth. J'ai chanté Elizabeth d'Angleterre; que ne dirois-je point de celle qui l'éfface par ſa magnificence, et qui l'égale par ſes autres vertus.

Ne pourois-je pas vous avoir encore Mr. une autre obligation? J'ai écris, il y a quelques années, l'Hiſtoire de Charles XII, ſur des mémoires fort bons quant au fond, mais dans lesquels il y avoit quelques erreurs ſur les details des actions de ce Monarque, j'ai actuellement des mémoires plus exactes, et fort ſuperieurs à ceux que Mr. Norberg a employé, mon deſſein feroit de les fondre dans une Hiſtoire de Pierre le Grand; ma façon de penſer me détermine vers cet Empereur, qui a été un legislateur, qui a fondé des villes, et j'oſe le dire, ſon Empire.

Si la digne Fille de l'Empereur Pierre le Grand, qui a toutes les vertus de ſon Père avec celles de ſon ſexe, daignoit entrer dans mes vues, et me faire communiquer quelques particularités intéreſſentes et glorieuſes de la vie du feu Empereur, Elle m'aideroit à élever un monument à ſa gloire dans une langue qu'on parle à préſent dans preſque toutes les cours de l'Europe,

Покорнѣйше прошу васъ, милостивой государь, поднести Ея Императорскому Величеству мою Генрїаду, и обратить Ея вниманїе на приписку, которая находится при книгѣ на первой страницѣ.

Это еще не все, милостивой государь! надобно, чтобы здѣсь имя господина Маркиза Даржансона опять за меня ходатайствовало. Посылаю къ вамъ книгу о Нютоновой философїи. Вы чувствительнѣйше меня одолжите, если соизволите вручить оную Господину Секретарю Академїи. Имѣя честь быть Членомъ Академїй: Лондонской, Эдинбургской, Берлинской и Булоньской, желаю удостоенїемъ той же чести отъ С. Петербургской Академїи быть одолженнымъ вашему покровительству. Это, можетъ быть, подало бы мнѣ случай въ хорошую лѣтнюю пору приѣхать ко Двору вашего пребыванїя,

и хвалиться тѣмъ, что видѣлъ славную Елисавету. Я пѣлъ Елисавету Англинскую; чегожь не могъ бы сказать о той Елисаветѣ, которая, превосходя ее въ щедрости, не уступаетъ ей въ прочихъ добродѣтеляхъ!

Не могу ли еще быть одолженнымъ вами? За нѣсколько лѣтъ передъ симъ, я сочинилъ Исторію Карла XII, основываясь на запискахъ, что до главныхъ произшествій надлежитъ, весьма хорошихъ, но въ которыхъ были погрѣшности въ разсужденіи подробнаго описанія дѣяній сего Монарха; нынѣ имѣю исправнѣйшія записки, и даже лучшія тѣхъ, коими пользовался господинъ Норбергъ. Мнѣ хотѣлось бы помѣстить оныя въ Исторіи Петра Великаго. Образъ мыслей моихъ влечетъ меня къ Великому Императору, Законодателю, Основателю городовъ и — дерзаю сказать — своей Имперіи.

Если бы достойная дщерь Императора Петра Великаго, которая вмѣщаетъ въ себѣ всѣ добродѣтели Родителя своего съ добродѣтелями своего пола, соизволила одобрить мое намѣреніе, и указала бы сообщить мнѣ подробныя извѣстія о славныхъ и любопытныхъ дѣяніяхъ покойнаго Императора; то тѣмъ Она доставила бы мнѣ средства воздвигнуть памятникъ славѣ Его на такомъ

языкѣ, на которомъ нынѣ говорятъ почти при всѣхъ дворахъ Европейскихъ.

Перечень письма сего хранится въ Архивѣ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ. На переводѣ рукою Канцлера Графа Бестужева написано замѣчаніе, содержащее слѣдующій смыслъ: „Сходнѣе со всевысочайшимъ достоинствомъ „Государя Императора Петра Великаго, „въ особливой Исторіи описывать великія „дѣла Его, и не примѣшивать къ нимъ по„сторонних; сверхъ того лучше поручить „сей трудъ здѣшней Академіи Наукъ, неже„ли удостоить онымъ иностранца.“ Мысль, достойная Русскаго вельможи, любезная сынамъ отечества!

VII.

Мысли, почерпнутыя изъ Нѣмецкихъ писателей.

У Грековъ была въ употребленіи пословица: льстецъ, которой превозноситъ васъ до небесъ, имѣетъ одинакое намѣреніе съ орломъ, взлетѣвшимъ подъ облака съ черепахою; онъ хочетъ поживиться чѣмъ-нибудь при вашемъ паденіи.

Многіе друзья походятъ на солнечные часы, и бываютъ пригодны только въ ясные дни.

Врачебное искуство подобно землепашеству тѣмъ, что не льзя положить для него непремѣнныхъ правилъ; ибо темпераменты людей столько же различны, сколько и свойства земли.

Разумъ подаетъ намъ помощь въ великихъ бѣдствіяхъ: онъ возбуждаетъ въ насъ всѣ душевныя силы, для сопротивленія несчастію. Тотъ же самой разумъ не можетъ устоять противъ ничтожныхъ безпокойствъ домашнихъ, которыя, такъ сказать, грызутъ, мало по малу разрушаютъ наше спокойствіе, наше счастіе, наши надежды. Такимъ образомъ капли воды, падая на твердой камень, выдалбливаютъ въ немъ скважины; напротивъ того стремительной потокъ разливается, покрываетъ камень, но не дѣлаетъ ему никакого вреда.

Довѣренность есть лучь небесный, озаряющій мрачные пути человѣческой жизни. Добрая душа скоро находитъ себѣ подобную, скоро знакомится съ нею, и обѣ взаимно удивляются превосходнымъ свойствамъ; добрыя души, повстрѣчавшись, въ ту же минуту взаимно чувствуютъ свое достоинство — и сіе чувство бываетъ предвѣстникомъ вѣчной дружбы.

Два сердца любящіяся, говоритъ Гете, подобны двумъ часамъ магнетическимъ. Дви-

женїе одного производитъ движенїе другаго; одна сила управляетъ обоими.

Пальмовое дерево приноситъ плоды очень поздно; за то плоды сїи суть — финики.

Свѣтъ есть море: въ немъ легкїя вещи плаваютъ на верху, тяжелыя падаютъ на дно.

Вы представляете басни, мы вѣщаемъ истину — сказалъ нѣкоторой Аббатъ одному славному актеру: отъ чего люди, не дослушавъ нашихъ проповѣдей, бѣгутъ смотрѣть ваши комедїи? — „Отъ того — отвѣчалъ актеръ — что мы представляемъ басню съ такою ревностїю, которая достойна истины; а вы вѣщаете истину съ хладнокровїемъ, приличнымъ баснѣ.

Собственная слава ослѣпляетъ насъ болѣе, нежели чужая. Отъ чего новые Дїогены жалуются, что тщетно ищутъ человѣка? Отъ того что, вмѣсто обыкновеннаго фонаря, носятъ потайной, изъ котораго выходящїе лучи освѣщаютъ только самаго покашеля.

Рѣдкость подобна магниту, которой сообщаетъ силу свою посредствомъ тренїя. Человѣкъ, видѣвшїй много рѣдкихъ вещей, самъ становится рѣдкостїю.

(*Изъ Франц. Журн.*)

VIII.

Иронія.

Что ни говорите, иронія есть дѣло опасное; потому, что изо ста человѣкъ обыкновенно девяносто девять не разумѣютъ ее, и принимаютъ въ другомъ значеніи. — „Критонъ! — сказалъ Сократъ передъ своею кончиною — мы должны бы заклать пѣтуха въ жертву Эскулапу!“ Вольтеръ, Расинъ и Галлеръ слова сіи вмѣняютъ въ порокъ Греческому философу. Непонятно — говорятъ они — какъ мудрой Сократъ, явной врагъ суевѣрія, при смерти своей могъ произнести такую нелѣпость!

Напротивъ того нѣкоторые умные люди думаютъ — и кажется справедливо — что Сократъ, которой всегда любилъ иронію, пошутилъ и въ семъ случаѣ. У Грековъ было въ обыкновеніи счастливо избавившемуся отъ великой опасности говорить: „ты долженъ принести въ жертву пѣтуха Эскулапу!“ Вольтеръ, Расинъ и Галлеръ удивлялись напрасно; ибо шутка умирающаго доказываетъ, что онъ до смерти былъ вѣренъ своимъ правиламъ.

Цицеронъ въ письмѣ къ историку Люкцею говоритъ слѣдующее: „я горю же-

ланіемъ — и кажется не заслуживаю за сіе упрека — чтобы ты въ сочиненіяхъ своихъ имя мое предалъ безсмертію;" потомъ проситъ, чтобы онъ не строго исполнялъ должность дѣеписателя, и что-нибудь отъ себя выдумалъ бы для прославленія имени Цицеронова. (L. V. Ep. XII. Te rogo, ut et ornes ea vehementius etiam, quam fortasse sentis, et in eo leges historiae negligas etc.)

Никакъ не могу повѣрить, чтобы Цицеронъ писалъ это въ правду. Скажутъ мнѣ, что онъ былъ тщеславенъ; не спорю; однакожь онъ вѣрно имѣлъ столько благоразумія, что не поступилъ бы такъ неосмотрительно. Цицеронъ точно хотѣлъ пошутить. Тому служитъ доказательствомъ, что вся переписка продолжается въ тонѣ веселомъ. Имѣлъ ли нужду Цицеронъ кланяться, чтобъ его прославляли, — Цицеронъ, отецъ Латинскаго краснорѣчія, глава философовъ, спаситель своего отечества! Самое честолюбіе, или лучше сказать, чувство своего достоинства должно бы предохранить его отъ столь низкаго поступка. Могъ ли такъ унижаться тотъ, кто въ состояніи былъ сказать: „оставляю сыну моему богатое наслѣдство — имя мое?" (L. II. Ep. XII.)

Какъ часто проклинаютъ Макіавеля! Не смотря на то, многіе умные люди думаютъ, что вся книга его есть не что иное, какъ иронія. Можно ли предполагать, чтобы Макіавель, которой вытерпѣлъ пытку по приказанію тиранна, писалъ вправду? Онъ вѣрно такъ думалъ: „моя судьба многимъ извѣстна; каждой пойметъ мои мысли.“

(Изъ Нѣм. Журн.)

IX.

Славные одноокіе.

Исторія представляетъ множество примѣровъ, что нѣкоторые люди съ однимъ глазомъ лучше и далѣе видятъ, нежели другіе съ обоими. Тому причиною, что каждой изъ нихъ одинъ глазъ свой устремлялъ на пользу общую, между тѣмъ какъ мы закрываемъ оба, чтобы не видѣть бѣдствія нашего отечества.

Искусные и храбрые полководцы — пишетъ Плутархъ въ жизни Серторія — Филиппъ, Антигонъ, Ганнибалъ, Серторій, были кривы. Отважный Римлянинъ Горацій —

которой одинъ сражался со многими непрїятелями до тѣхъ поръ, пока не разрушили за нимъ мосту, и которой въ полномъ вооруженїи кинулся въ Тибръ, и благополучно приплылъ домой — прозванъ *Коклесомъ*, потому что онъ сражаясь лишился глаза.

Мудрый Ликургъ издалъ законъ, которой не понравился богатымъ людямъ; они начали швырять въ него камнями. Ликургъ прибѣжалъ во храмъ. Одинъ дерзкой юноша — по обыкновенїю богачей, которые ничего не уважаютъ — при самомъ жертвенникѣ вышибъ ему глазъ палкою. Ликургъ скрылъ боль и досаду; обратился къ народу; и показалъ ему окровавленное лице свое. Спартанцы содрогнулись; поймали наглеца, и выдали его обиженному. Ликургъ простилъ обиду, и съ однимъ глазомъ продолжалъ трудиться для блага своихъ соотечественниковъ, которые воздвигли ему храмъ послѣ его смерти.

Клавдїй Цивилисъ, храбрый Батавецъ, занимающїй почтенное мѣсто въ Тацитовой Исторїи, былъ кривъ.

Императоръ Албрехтъ, Австрїйскїй герой, будучи еще въ молодыхъ лѣтахъ, проглотилъ ядъ. Чтобы отвратить опасное

дѣйствїе яда и выгнать его вонъ, врачи вѣшали Албрехта за ноги. Сїя операцїя лишила его глаза, однакожь не помѣшала ему выиграть потомъ двенадцать сраженїй. Монархъ очень хорошо видѣлъ непрїятелей на полѣ, но не могъ видѣть врага въ своемъ домѣ; истиннымъ героямъ недовѣрчивость не извѣстна. Онъ умеръ въ 1308 году отъ руки вѣроломнаго убїйцы.

Циска, побѣдоносный воевода Гусситовъ, былъ кривъ.

Христїанъ IV, Король Датскїй, потерявши глазъ на морскомъ сраженїи, часто прикрывалъ сей недостатокъ вѣнкомъ лавровымъ.

Храбрый Филиппъ Орлеанскїй, которой только подъ Туриномъ уступилъ побѣду Принцу Евгенїю, былъ кривъ. Онъ управлялъ Францїею при Лудовикѣ XV; этого мало: онъ писалъ картины въ уменьшенномъ видѣ.

Но для чего я говорю только о герояхъ? Не одинъ богъ брани, но и богъ любви сыплетъ дары свои на одноокихъ. Въ *Донъ-Карлосѣ*, Шиллеровой трагедїи, обыкновенно какая-нибудь прїгожая двуокая актриса представляетъ

лице Принцессы Эболи; однакожъ это противно исторической истинѣ. Сія прекрасная, умная женщина, которая въ царствованіе Филиппа II имѣла великую силу при дворѣ, и о которой многіе двуокіе вздыхали, была крива.

Кто сомнѣвается, или почитаетъ невозможнымъ дѣломъ, чтобы одноокая женщина могла плѣнять, тотъ вѣрно не зналъ *Софіи Брентано.* Сія любезная особа, которую Виландъ схоронилъ въ саду своемъ, во младенчествѣ выколола себѣ глазъ ножницами; но трудно было найти лице, столь прелестное! но взоръ одного ея глаза доходилъ до сердца! Въ этомъ взорѣ сіяло добродушное лукавство, всегда готовое уступить мѣсто мечтамъ чувствительности. На прекрасныхъ губахъ ея обитала улыбка, такая нѣжная, что вы могли бы подумать, будто она похищена у творца Музаріоны (*). Умъ ея покорялъ умы; сердце ея господствовало надъ сердцами; полнота юношескаго, прекрасно образованнаго тѣла, обворожала чувства. Сколько мущинъ хотѣло бы потерять одинъ глазъ, чтобъ получить одноокую! Ахъ, она стоила того! Виландъ проливалъ изъ очей своихъ слезы

(*) Одна изъ поэмъ Виландовыхъ.

надъ ея могилою. Можно ли сказать болѣе къ похвалѣ ея!

(*Изъ Нѣм. Журн.*)

X.

Смѣсь.

Не задолго передъ симъ было писано въ Англійскихъ листкахъ, что одинъ крестьянинъ жаловался на другаго за похищеніе лопаты. „Чѣмъ докажешь справедливость своей жалобы?“ спросилъ судья. — Представлю свидѣтеля, которой видѣлъ — отвѣчалъ истецъ. — „А ты что скажешь на это?“ спросилъ судья другаго крестьянина. — Я представлю двадцать свидѣтелей; которые не видали — отвѣчалъ обвиняемый. — „О! если такъ — произнесъ мудрой судья: то двадцати свидѣтелямъ скорѣе можно повѣрить, нежели одному. Ступай себѣ съ Богомъ домой; а ты бездѣльникъ впредь не смѣй клеветать на честныхъ людей, и безпокоить правосудіе недѣлными прозьбами.“

❋

Въ Парижѣ теперь находится шесть библіотекъ, четыре музея и три аѳенея, посѣщаемыхъ публикою въ назначенные дни и часы въ недѣлѣ, а нѣкоторыя изъ нихъ

ежедневно. Вотъ названія ихъ: *библіотеки* — 1. Наполеонова; 2. Мазаринова; 3. Панѳеонская; 4. библіотека арсенала; 5. библіотека улицы Св. Антонія; 6. библіотека Пританея. *Музеи*: 1. центральный художествъ; 2. Французскихъ памятниковъ; 3. ископаемыхъ; 4. новыхъ художниковъ. *Аѳенеи*: 1. художниковъ; 2. Парижскій; 3. чужестранцевъ.

XI.

О хирургическихъ операціяхъ, благополучно сдѣланныхъ г-мъ Надворнымъ Совѣтникомъ, Докторомъ и Операторомъ Мухинымъ въ Голицынской публичной Больницы.

Въ 1805 году.

Выядрены (enuclat.): одной женщинѣ мѣшечная опухоль, на верхушкѣ головы, имѣвшая хрящевидную сумочку, которая заключала въ себѣ зернистое существо (atheroma); другому мущинѣ такая же опухоль величиною въ гусиное ядро, имѣвшая положеніе на лѣвой сторонѣ верхушки головы, и наполненная жиромъ; третьему опухоль же (hygroma), имѣвшая положеніе свое на внутренней поверхности праваго угла рта, и конецъ нижней губы занимавшая, которая была

величиною также въ гусиное яйцо; четвертому, въ присутствіи г-дъ Профессоровъ и Докторовъ, Керестури и Гильдебрана, вырѣзана мѣшечная опухоль (hydatydosus), имѣвшая свое положеніе на внутренней поверхности праваго же угла; она была величиною въ голубиное яйцо. — Срощены лобныя пазухи (finus frontales), которыхъ наружная костяная стѣнка была совершенно выбита и отломлена отъ удара лошади заднимъ кованымъ копытомъ. — Вскрыта слюнная мѣшечная опухоль (ranula falivalis) — имѣвшая свое положеніе подъ правымъ бокомъ и концомъ языка, произшедшая отъ срастенія наружнаго отверстія Вартонова канала и разрыва его — и сдѣлано приличное искуственное наружное отверстіе. — Вырваны (evulsio) семь полиповъ, плевчатыхъ, наполненныхъ мокротами, (hygromata) изъ обѣихъ ноздрей у одного человѣка, въ присутствіи упомянутыхъ г-дъ Профессоровъ Керестури и Гильдебрана. — Вырѣзанъ на щекѣ открытый полипъ, выростшій изъ полости (finus) верхней челюсти, проломивъ наружную ея поверхность. — Вынятъ полипъ изъ наружнаго слуховаго канала, мясный, покрытый кожею, прикрѣпленный толстымъ корнемъ подлѣ ушной перегородки (membr. tympani); въ присутствіи г-на Штабъ-Лѣкаря Калайдовича. — Истребленъ перевязкою полипъ, выростшій изъ поло-

сти (finus) верхней челюсти чрезъ зубныя ячейки въ ротъ, выдвинувши прежде зубы, имѣвшій величину въ большое гусиное яйцо; въ присутствіи помянутыхъ г-дъ Керестури и Гильдебрана. — Справлены и срощены обѣ предплечныя кости, переломанныя вкось у нижняго конца правой руки. — Срѣзаны два голыя полипа на груднемъ боку надъ лѣвою грудью у женщины.

Высочленена кость указательнаго ручнаго перста перваго ряда, вся пораженная костоѣдою. — Вскрытъ нарывъ нарочитой величины, бывшій подъ бедреннымъ покровомъ (vagina femoris) и причинявшій безпрерывной бредъ, — въ присутствіи г-дъ Доктора Дупельмейера и Штабъ-Лѣкарей Щировскаго и Рожалина. — Вскрыта мѣшечная опухоль, имѣвшая положеніе подъ колѣномъ, заключавшая въ себѣ до 2 фунтовъ жидкости, яичному бѣлку подобной и пузыриетаго вещества (hydatis). — Выпущена вода тригранною иглою изъ колѣннаго сочлененія (genu). — Справлена и срощена бедренная кость у нижней конечности, вкось переломленная.

Въ 1806 году.

Выядрена (enucleat.) мѣшечная опухоль на лѣвой сторонѣ головы, наполненная жиромъ, величиною въ гусиное яйцо. — Вынятъ изъ уха бобъ кофейной, который,

бывши въ немъ нѣсколько мѣсяцовъ, причинялъ глухоту, у одного младенца; а у двухъ по одной вишенной косточкѣ. — Вынятъ двѣ сливныя косточки изъ носу. Вырвано 6 зубовъ, пораженныхъ гнилью. —

Вырванъ (evulſio) изъ ноздри плевчатой полипъ, кровяной, грушевидной, величиною въ Русскую сливу. — Вырѣзана мѣщечная слюнная опухоль (ſalivalis), имѣвшая положенїе на внутренней поверхности нижней губы. — Срѣзанъ мозолистый (calloſus) наростъ, приростшїй къ передней и небной части верхней челюсти, величиною въ куриное яйцо. — Вырѣзаны покровы (integumenta), омертвѣвшїе (carbunculus), округлое мѣстоположенїе занимавшїе, пространствомъ въ четверть (ſpithama) аршина. — Раздѣлены (diſciſſae) три перста руки, считая отъ мизинца, сростшїеся толстою кожаною плевою. — Отрѣзаны два пальца шестые, приростшїе къ мизинцамъ обѣихъ рукъ мягкимъ и толстымъ тѣломъ, у годичнаго младенца. — Сдѣлано обрѣзанїе заворота (praeputium), и разрѣзано отверстїе головки (glans) мочеиспускательнаго канала, которые сростшися, совершенно задерживали мочу. — Вкладываемъ былъ мочеиспускатель (catheter) два раза женщинѣ для выпущенїя совершенно задержанной мочи. Прободенъ шулятникъ (tunica vaginalis

testiculi) водоиспускательною иглою для выпущенія воды (hydrocel), двумъ человѣкамъ. — Выпущена вода изъ шулятника (scrotum) чрезъ разрѣзъ (sectio radicalis). — Вынятъ, по прошествіи двухъ сутокъ послѣ родовъ, приростшій ко дну матки послѣдъ, по отдѣленіи онаго по частямъ. — Срѣзанъ ноготь съ большаго пальца лѣвой ноги, вростшій краями въ кость, покрытой грибовиднымъ наростомъ. — Выгнанъ тесмообразный глистъ длиною въ шесть аршинъ.

ПОЛИТИКА.

I.

Мысли о произшествіяхъ, въ 1806 году случившихся.

(Окончаніе.)

Мы видѣли, что въ Трибунатѣ хлопотали о разныхъ средствахъ обоготворить Наполеона. Хранительной сенатъ показалъ менѣе склонности къ идолослуженію; однакожь онъ *хранитъ* ненарушимую вѣрность къ новому поколѣнію или династіи, и даже къ потомкамъ сей династіи. Маршалъ Периньйонъ смѣло ручается за внука своего правнука; сказать правду, въ семъ случаѣ мудрено ручаться за всеподданнѣйшее усердіе; ибо *потомокъ династіи* на языкѣ хронологіи значитъ особу, произшедшую отъ династіи, которая перестала царствовать. Можно сказать, напримѣръ, *Государи Пелузійскіе были потомки тринадцатой династіи Египетской*; но никто не называетъ Принца Валлійскаго потомкомъ Брауншвейгской династіи. Слово *династія* прежде употреблялось въ хронологіи. Французское правительство привязалось къ нему, не понимая, что оно значитъ; это весьма вы-

годно для того, кто нарочно смѣшиваетъ всѣ понятія, чтобы поживиться чѣмъ-нибудь.

Сенаторы, ничего не занимая отъ языческаго идолослуженія, не менѣе трибуновъ отличились разнообразными вымыслами остроумныхъ похвалъ; однакожь Ласепедъ, кажется, перещеголялъ всѣхъ пышными картинами и красивыми выраженіями. Сей премудрый сенаторъ употребилъ особенное стараніе изобразить прекрасныя качества души и сердца своего витязя; болѣе всего онъ выхваляетъ его за то, что предохранилъ Европу отъ нашествія ордъ сѣверныхъ варваровъ (*).

Но посмотримъ, какія мысли наполняли голову витязя Ласепедова, во время пребыванія его въ главной квартирѣ своей, въ Шенбруннѣ. Въ пятомъ нумерѣ Монитера напечатаны собственныя слова его. Онъ сказалъ: *Жестокое вѣроломство Королевы Неаполитанской должно быть наказано, хотя бы тридцать лѣтъ надлежало сражаться народу.*

(*) Сенаторъ Ласепедъ, извѣстный сочиненіемъ о змѣяхъ, напрасно изволитъ называть насъ *ордами варваровъ*. Видно, что господинъ историкъ пресмыкающихся, дѣлая наблюденія свои надъ сими животными, научился язвить и пресмыкаться.

То есть, Французы должны проливать кровь свою тридцать лѣтъ, лишь бы только Іосифъ былъ Королемъ Неаполитанскимъ. Англичане правы, говоря намъ уже пятьнадцать лѣтъ, что правительство Французское не прочно, и что съ нимъ не льзя начинать сношеній о мирѣ; ибо договоръ состоитъ не въ письменномъ условіи, которое можно толковать на тысячу разныхъ способовъ, но въ самомъ примиреніи, которое есть душа договора. Кто хочетъ хранить миръ, тотъ долженъ показывать на дѣлѣ свое миролюбіе. Но ежели для каждаго изъ членовъ семейства, безпрестанно умножающагося посредствомъ обрядовъ усыновленія, надобенъ престолъ; ежели для каждаго армейскаго Генерала надобно государство: то никакой договоръ не примиритъ Европу съ народомъ, имѣющимъ такое странное правительство (*).

(*) По системѣ, принятой Христіянскими Государствами Европы, мудрено согласить наслѣдованіе престола съ новыми владѣтелями, а особливо когда сіи владѣтели люди неизвѣстные. На каждомъ шагу встрѣчается противурѣчіе. Короли Европейскіе говорятъ: *мой народъ*; это значитъ тоже, что *мои дѣти*; народъ говоритъ: *нашъ Король*; это значитъ тоже, что *нашъ отецъ*; потому что предки сего Короля были Короли народа, и что наслѣдственное отношеніе есть въ

Глава правительства Французскаго провелъ юношескія лѣта свои въ станѣ революціонномъ. Читая историковъ, онъ почерпнулъ изъ нихъ о Государяхъ и коронахъ школьныя понятія, какія только можно получить отъ Плутарха и Ксенофона. Но ни изъ чего не видно, чтобы онъ вникалъ въ глубокія правила Европейской политики. Недостатокъ сей замѣняетъ онъ сентиментальными понятіями о мѣрѣ нѣжной любви народовъ и Государей къ *великой націи*. Все это есть не иное что, какъ мнѣнія, каждой день перемѣняющіяся, и не имѣющія никакого отношенія къ выгодамъ Государей.

Система Христіянскихъ Монарховъ основывается на многихъ подразумѣваемыхъ условіяхъ, которыя, не будучи написаны ни въ какомъ договорѣ, служатъ вмѣсто закона для всѣхъ Кабинетовъ. Когда какой-нибудь Король обнаружитъ склонность свою къ завоеваніямъ; большая часть Государствъ Европейскихъ, по силѣ упомянутыхъ условій, совокупно заботится о своей безопасности.

самомнѣлѣ отношеніе отеческое. Начальникъ Французовъ, говоря *мой народъ*, вѣрно почитаетъ себя Наполеономъ шестьнадцатымъ или семнадцатымъ! Это также служитъ доказательствомъ, что онъ живетъ не въ своемъ вѣкѣ.

какъ это и случалось при Карлѣ V, при Филиппѣ II, при Лудовикѣ XIV. Нынѣ правительство Французское вопїетъ противу военныхъ союзовъ, или, какъ оно называетъ ихъ, коалицїй, которыя въ самомъ дѣлѣ суть естественное слѣдствїе ненасытнаго его честолюбїя! Державы равнымъ образомъ хранятъ еще другое условїе, состоящее въ томъ, что когда продолжаются переговоры о мирѣ, тогда надлежитъ удерживаться отъ завоеванїй. И такъ не удивительно, что послѣ присоединенїя Генуко Францїи война снова загорѣлась.

Отважность Французскихъ солдатъ закрыла политическїя ошибки; но договоръ Пресбургской показалъ, что Францїя взяла себѣ *много* для того, чтобы взять еще *больше*. Европа могла бы извинить ее, что потребовала Венецїю, будто бы отъ имени Италїянскаго Королевства; но Далмацїя, которая со стороны Адрїятическаго моря граничитъ съ Венгрїею, и которая долгое время была соединена съ симъ Королевствомъ, Далмацїя на что другое могла быть полезна Францїи, если не для нападенїя на Турецкую Имперїю?

Сверхъ того Французское правительство даже не позаботилось скрыть свое честолюбїе; нѣтъ, оно еще старалось обнаружить

его — въ сїе-то время заблужденїе начало производить ошибки. Здѣсь наблюдатель долженъ замѣчать съ большимъ вниманїемъ, ежели хочетъ видѣть связь причинъ съ ихъ дѣйствїями.

Въ Шенбруннѣ, — отъ изступленїя, произведеннаго успѣхами, идолопоклонствомъ сената и трибуната, отъ чрезмѣрнаго движенїя желчи — въ Шенбруннѣ возникъ умыселъ возстановить господствованїе ужаса, для того чтобы слить всю Европу въ одну армїю, раздѣленную на толпы Нѣмецкїя, Голландскїя, Италїянскїя. Знаю, что многїе политики думали иначе о семъ умыслѣ Французскаго правительства; судя о томъ, чего оно хотѣло, по тому, чего должно было бы хотѣть, думали, что оно намѣрено дать видъ союза той власти, которую Францїя присвоила себѣ надъ сопредѣльными областями. Можетъ быть сїи мнѣнїя справедливы; можетъ быть начальнику Французовъ — которой видѣлъ, что могуществу его недостаетъ только того, чтобъ вся Европа признала его въ похищенномъ достоинствѣ — иногда приходило на мысль сдѣлать предѣломъ своего честолюбїя рѣку Везеръ, а власти своей рѣку Инъ; однакожь сїи минуты умѣренности находили на него весьма рѣдко. Грозными вызовами приглашая солдатъ на праздники, онъ заставлялъ догадываться о вновь замышляемыхъ нападенїяхъ. Договоры,

основанные на правѣ побѣды, тотчасъ были нарушаемы. Французскія войска переходили изъ одной области въ другую, находясь внѣ Франціи; стояли въ границахъ союзныхъ владѣній, отъ нее зависящихъ; то есть; Франція не имѣла уже никакихъ границъ, и не признавала ни чьихъ границъ въ Европѣ.

Кажется, что со времени подписанія Пресбургскаго договора никто въ Кабинетахъ Европы не зналъ, чего хотѣло Французское правительство; кажется, что само оно также не знало, чего хочетъ, то вступаясь за выгоды Европы, то намѣреваясь опустошать ее, безпрестанно угрожая, округляя, даруя, отнимая, мѣняя, возводя на престолы, соединяя узами брака! Самые бодрые умы не могли слѣдовать за быстротою его политики. Съ одной стороны, народы не знали, кому принадлежатъ; съ другой — шайки удальцовъ ничего не хотѣли знать, кромѣ своихъ знаменъ; легко могло случиться, что въ Европѣ настали бы времена Гельфовъ и Гибелиновъ, — времена, когда Кондотьеры водили съ собою толпы сволочи, обѣщая имъ предавать города на расхищеніе.

Россія имѣетъ довольно силы для предохраненія себя отъ сихъ несчастій; но для предохраненія Европы потребно содѣйствіе другихъ Державъ.

Мы сказали выше, что самые бодрые умы не могли слѣдовать за быстротою Французской политики, со времени подписанія Пресбургскаго договора. Въ самомъ дѣлѣ, какое живое воображеніе долженъ имѣть тотъ, кто въ состояніи похвалиться, что знаетъ все, что сдѣлало Французское правительство въ теченіи шести мѣсяцовъ, и что оно хотѣло сдѣлать! Посылки въ Турцію, въ Персію, въ Китай; намѣренія въ разсужденіи Испаніи, Португалліи, острововъ Валеарскихъ, городовъ Ганзеатическихъ; возстановленіе Іудейской вѣры, и проч. и проч. и проч.

Замѣтимъ вопервыхъ, что для основанія Имперій безпокойная политика извѣстнаго Кардинала Алберони недостаточна; замѣтимъ еще, что умъ Алберонієвъ, соединенный съ бѣшенствомъ Аттилы, есть такое явленіе, какихъ не находимъ въ исторіи, и что оно долженствовало произвести безчисленныя бѣдствія.

Бѣдствія сіи не страшны для Россіи. Начавши вести переговоры въ Парижѣ, она помышляла только о благѣ человѣчества. Мочь, данная дипломатическому чиновнику, не будучи безпредѣльною, была весьма обширна; вотъ новое доказательство, что въ С. Петербургѣ всемѣрно старались удалить

препятства возстановленію всеобщаго спокойствія. Но сія обширная мочь не отнимала права подтвердить условія. Договоры, заключаемые между двумя первостепенными Державами, суть постановленія весьма важныя, требующія зрѣлаго разсужденія. Только такое правительство, которое не уважаетъ никакихъ договоровъ, только такое правительство можетъ рѣшиться играть ими, и объявлять, дѣлать ихъ извѣстными свѣту, не дожидаясь окончательнаго подтвержденія. Склонность играть священнымъ правомъ народовъ, есть отличительное свойство Французскаго правительства. Взглянувъ на него съ сей стороны, тотчасъ увидимъ одно изъ величайшихъ заблужденій, отъ котораго происходятъ многія ошибки. Вопервыхъ замѣчаю, лишь только откроется во взаимныхъ отношеніяхъ между государствами и вообще между людьми какое-либо несовершенство, которое не можетъ быть отвращено правомъ народнымъ; то Французское правительство тотчасъ ловитъ его, дѣлаетъ его непремѣннымъ своимъ правиломъ, и соображаетъ съ нимъ свои поступки. Опытъ показалъ, что договоры *иногда* нарушаются; слѣдственно *никогда* не должно хранить ихъ! Бываютъ случаи, что сильнѣйшій предписываетъ всѣмъ законы; слѣдственно онъ *всегда* можетъ повелѣвать, слѣдственно сила должна служить вмѣсто

закона, слѣдственно сила можетъ не повиноваться никакимъ законамъ. Захватившія, на примѣръ, какую-нибудь область, можно тотчасъ продать ее или промѣнять, можно даже торговаться объ уступкѣ такой области, которая давно уже отдана, или о такой, которую положено присвоить. Нѣтъ сомнѣнія, что новое право народное, введенное Французскимъ правительствомъ, заставитъ его переходить отъ заблужденія къ заблужденію, отъ ошибки къ ошибкѣ, и наконецъ симъ путемъ доведетъ его до погибели (*).

Съ сими-то правилами соображаясь, Французское правителвство нарушило миръ съ Пруссіею, и расторгло связь, которой свойство я теперь намѣренъ разсмотрѣть, и показать, хорошо ли для собственныхъ своихъ выгодъ поступила Франція въ семъ случаѣ.

Три вѣка сряду Франція была соперницею Австріи въ Италіи, во Фландріи, въ Испаніи. Отъ того произошло взаимное недоброхотство, почти столь же примѣтное, какое существуетъ между Франціею и Ан-

(*) Не въ артиллерійской школѣ учатся управлять Имперіями; руки, привыкшія дѣйствовать прибойникомъ, неспособны держать скипетръ, не умѣвъ Монархиею [illegible] сходствовать.

глїею. Болѣе пятидесяти лѣтъ недовѣрчивость господствовала между Австрїею и Пруссїею. И такъ Австрїя имѣла двухъ сильныхъ соперницъ, которыя по сей самой причинѣ должны были жить въ союзѣ. Время утвердило связь сїю, и чувствованїя, ею производимыя, содѣлало, такъ сказать, священными. Но Французское правительство миръ съ Пруссїею почло преградою для своего властолюбїя. Оно захотѣло имѣть не союзниковъ, но покровительствуемыхъ, даже подсудныхъ ему. Здѣсь надобно прибавить нѣкоторыя замѣчанїя, которыя объяснятъ все дѣло.

Вашъ союзникъ полезенъ вамъ, потому что онъ досягаетъ до тѣхъ точекъ, до которыхъ вы досягнуть не можете, и между тѣмъ самъ печется объ охраненїи своихъ владѣнїй, для которыхъ не нужна ваша помощь. Вашъ союзникъ имѣетъ у себя другихъ союзниковъ же: сїе обстоятельство распространяетъ кругъ вашего дѣйствїя. Но Союзъ изъ многихъ государствъ состоящїй, и находящїйся подъ вашимъ покровительствомъ, сопряженъ со всѣми неудобствами обширности владѣнїй, не доставляя никакой выгоды отъ сихъ владѣнїй. Имперїя, приемлющая Союзъ подъ свое покровительство, подвергается опасности быть уязвляемою на всемъ пространствѣ союзныхъ областей, которыя, такъ сказать, быва-

жутъ осуждены терпѣть всѣ несчастія войны и тогда, когда непріятель приближается къ границамъ покровителя, и тогда, когда покровитель идетъ на встрѣчу своему непріятелю; въ обоихъ случаяхъ бѣдственное состояніе покровительствуемаго должно произвести въ немъ чувствованія, весьма невыгодныя для покровителя, и необѣщающія тѣхъ пособій, которыхъ онъ могъ ожидать. Въ самое несчастное время для Франціи, Рейнъ можетъ долго защищать ее отъ непріятелей; но нападите на Францію въ Баваріи или въ Венеціи — не то выдетъ. Кромѣ того, Рейнской Союзъ не имѣетъ тѣхъ средствъ, какія имѣла Пруссія. И такъ Франція потеряла сильную союзницу, и получила рабу, отъ которой не льзя ожидать большихъ выгодъ.

Сдѣлаемъ еще нѣсколько замѣчаній. Связь между Франціею и Пруссіею была основана болѣе на соперничествѣ, нежели на взаимной пользѣ. Главная польза Франціи состояла въ умноженіи народнаго богатства посредствомъ торговли и промышленности; но въ семъ отношеніи выгоды обоихъ государствъ не имѣли никакой взаимности между собою. Обстоятельства Пруссіи совсѣмъ другія, относительно къ Россіи. Рѣки обоихъ сихъ государствъ текутъ въ одно море. Произведенія береговъ Буга по сей рѣкѣ отпра-

вляются въ Пруссію. Издѣлія Прусскихъ мануфактуръ привозятся въ Россію и даже въ Китай. Пруссія, для выгодъ морской торговли своей, имѣетъ надобность въ такой союзницѣ, у которой есть флоты. Слѣдственно можно утвердительно сказать, что для Пруссіи полезна перемѣна союзниковъ, и что Франція, расторгнувъ связь съ нею, сдѣлала такую ошибку, за которую не вознаградитъ себя временными корыстями разбоевъ.

Здѣсь прерываю свои замѣчанія объ ошибкахъ Французскаго правительства. Время, которое обнаруживаетъ все, покажетъ намъ слѣдствія, и сіи слѣдствія должны произвести великую перемѣну въ Европейской политикѣ. Ибо если доказано уже, что Французскія войска не могутъ надѣяться важныхъ успѣховъ за Вислою; то слѣдуетъ, что и плоскодонныя суда Булоньскія суть не иное что, какъ безполезная куча досокъ, парусовъ и снастей, за которыя заплачены великія деньги; слѣдуетъ еще, что Французское честолюбіе непремѣнно должно разбиться гдѣ-нибудь — или при Харибдѣ, или при Сциллѣ.

Можно бы вывести еще другія важныя заключенія.

(*Перев.*)

II.

Замѣчанія на нѣкоторыя нумера Гамбургской газеты.

Издателя Гамбургской газеты до сихъ поръ во всей Европѣ почитали такимъ человѣкомъ, которой соображался съ названіемъ *безпристрастнаго*, поставленнымъ въ заглавіи листковъ его. Намъ хочется думать, что необходимость заставила его перемѣнить прежнее поведеніе; однакожь долгъ требуетъ, чтобъ мы исправили нѣкоторыя извѣстія, присланныя къ нему для помѣщенія въ вѣдомостяхъ отъ людей злонамѣренныхъ, или незнавшихъ, что писали.

Въ 15 нумерѣ подъ статьею изъ Лондона отъ 15 Января написано: „Сказываютъ, что Россія получитъ отъ насъ денежное вспоможеніе — два милліона фунтовъ стерлинговъ. Первая часть, изъ трехъ тысячь ф. с. состоящая, скоро будетъ отправлена на фрегатѣ Квебекѣ.“

Сія статья совершенно противна истинѣ. Россія могла согласиться на договоры о денежныхъ вспоможеніяхъ, когда соединенныя войска дѣйствовали противъ общаго врага въ странахъ дальнихъ; но она теперь не беретъ ихъ, когда врагъ сей угрожаетъ нападеніемъ на ея предѣлы, и

хочетъ свергнуть съ престола Короля, ея союзника. Сверхъ того государственные доходы ея въ такомъ состояніи, что она можетъ обойтись безъ посторонней помощи (*).

Просимъ Издателя Гамбургской *безпристрастной* газеты полагаться на Издателя газеты Познаньской еще менѣе, нежели на Лондонскаго своего корреспондента. Вотъ что написано въ ней подъ статьею 21 Января: „Дивизія непобѣдимой Французской арміи, „состоящая подъ начальствомъ Генерала „Груши, вступила въ Кенигсбергъ. Другая „дивизія напала на Русскихъ при Бялыстокѣ, „разбила ихъ совершенно, и потомъ благо„получно вошла въ Литву“ ! ! ! Такъ точно! *вошла въ Литву*, до которой она не доходила за пятьдесять миль!

Въ числѣ многихъ оскорбленій, дѣлаемыхъ истинѣ отъ Французскаго правительства, одно отличается своею новостію. Я говорю объ окружномъ письмѣ къ Французскимъ Епископамъ. Бонапарте не смѣетъ говорить о побѣдахъ своихъ надъ Нарвою; однакожь онъ требуетъ, чтобы во Франціи принесли благодарственное моленіе за то,

(*) Въ С. Петербургѣ ожидали привозу недоплаченныхъ денегъ по счету за 1805 годъ; сіе обстоятельство ввело въ заблужденіе Лондонскаго корреспондента.

что его принудили бѣжать съ мѣста сраженія, и отняли у него обозъ. Далѣе — забывъ, что пишетъ къ Епископамъ Католическимъ — изъявляетъ желаніе свое, чтобы *геній зла болѣе уже не могъ нарушить мира, которой онъ* (Бонапарте) *хочетъ даровать вселенной.* Выраженіе *геній зла* прилично было бы употребить манихею или стихотворцу; но здѣсь оно никакъ не у мѣста, когда приказываютъ Католическому духовенству молиться.

Родня Наполеонова все еще борется съ *геніемъ зла.* — Лазароні, желая угодить Наполеону Неапольскому, обѣщались исправиться и быть трудолюбивыми. — Въ скоромъ времени оспа истребится на всемъ земномъ шарѣ, по милости Наполеона Луккскаго.

Человѣческій родъ право не заслуживаетъ тѣхъ попеченій, которыя сіе почтенное семейство употребляетъ для его счастія. Не упоминаю о Калабрійцахъ, которые уже уличены въ неблагодарности, и брошены какъ люди неспособные исправиться; но жители Герцогства Брауншвейгскаго, покоящіеся подъ древомъ, котораго благодѣтельныя вѣтви простираются даже до Лукки и Неаполя, — жители Герцогства Брауншвейгскаго такъ мало стараются о приобрѣтеніи довѣрія отъ начальства, что

Генералъ Бюиссонъ, при всей кротости нрава своего, не могъ удержаться, чтобъ не потребовать выдачи всякаго оружія, угрожая въ противномъ случаѣ судомъ военнымъ. Въ Гессенской области глава недовольныхъ, по имени Шуманнъ, разстрѣлянъ. Въ Олденбургѣ возвѣщено, что сія область навсегда останется въ нынѣшнемъ своемъ политическомъ состояніи; въ объявленіи о томъ написано, будто сіе опредѣленіе сдѣлано по желанію самыхъ жителей.

Оканчиваемъ замѣчанія на Гамбургскую газету изъявленіемъ искренняго нашего болѣзнованія объ Издателѣ; несчастія войны осудили его помѣщать въ листкахъ своихъ извѣстія о небывалыхъ произшествіяхъ, и филантропическія нелѣпости, которыя никого уже не введутъ въ заблужденіе; его принуждаютъ не говорить о настоящемъ положеніи дѣлъ въ Италіи, Германіи и Франціи. Надѣемся однакожь, что наступитъ время, въ которое прежде бывшіе герои поведутъ за Рейнъ свои войска, прежде бывшія непобѣдимыми, и что *Гамбургскій Корреспондентъ*, прежде такъ называемый *безпристрастный*, опять воспріиметъ качество истины, за которое въ Европѣ отдавали ему справедливое преимущество передъ всѣми прочими листками.

(*Переводъ.*)

III.

Взглядъ на политическія отношенія между Россіею и Портою Оттоманскою.

Правительство Французское не пропускаетъ ни одного случая свидѣтельствовать искреннѣйшую преданность свою Портѣ, и выставлять поведеніе Россіи къ сей державѣ насильственнымъ, несправедливымъ, обнаруживающимъ склонность распространять свои владѣнія; скажемъ лучше, что оно весьма хотѣло бы поведеніемъ Россіи оправдать собственные поступки, въ разсужденіи своихъ сосѣдей.

Прежде нежели станемъ отвѣчать на оклеветанія Французскаго правительства, замѣтимъ, что Россія въ Царствованіе Императрицы Екатерины II два раза воевала съ Турціею, и что, одержавъ рѣшительныя побѣды, потребовала только устье рѣкъ, протекавшихъ въ ея областяхъ. Есть ли тутъ склонность къ завоеваніямъ? Притомъ же земли, приобрѣтенныя Россіею, были тогда дикія пустыни.

Между первою и второю войною Россія присоединила къ своей Имперіи полуостровъ Крымской, принадлежавшій не Портѣ Оттоманской, но начальнику безпокойныхъ

Татаръ, коихъ независимость препятствовала тогдашнему намѣренїю населить и устроить полуденный край Россїи.

Всякой согласится, что когда Имперїя — счастливо окончивши войну съ непрїятелемъ, обладающимъ прекраснѣйшею страною — беретъ себѣ только устье и берега рѣкъ, текущихъ внутри пространства ея; то она показываетъ не духъ властолюбїя, но совсѣмъ противное тому, а именно желанїе внутреннїя области свои привести въ лучшее состоянїе.

Число жителей весьма скоро увеличилось въ южной Россїи; успѣхи торговли были еще болѣе ощутительны. Естественно слѣдовало изъ того, что Россїйское Правительство, при столь благопрїятныхъ обстоятельствахъ, долженствовало взирать неусыпнымъ окомъ на всѣ свои отношенїя съ Турецкою Имперїею; вопервыхъ потому, что вся торговля отправляема была черезъ Константинополь; вовторыхъ потому, что страна, процвѣтающая отъ сей торговли, сопредѣльна крѣпостямъ на Днѣстрѣ, въ которыя Турки могли ввести многочисленныя войска, прежде нежели Русскїе имѣли бы случай узнать о томъ; слѣдственно Турки могли опустошить южный край, какъ они сдѣлали на Баннатскихъ границахъ, прежде

нежели Русскіе успѣли бы приготовиться къ защищенію. Сіи двѣ причины заставляли Россію имѣть неусыпное наблюденіе, безъ котораго южныя области не были бы въ безопасности. И такъ для блага народовъ южнаго края, Россійское Правительство необходимо долженствовало имѣть свѣденіе о всемъ происходящемъ на лѣвомъ берегу Дуная.

Французское правительство, находясь въ подобныхъ обстоятельствахъ, не замедлило бы учредить *внѣшнія судилища*. Но Россія захотѣла только правительство Валлахское и Молдавское сдѣлать прочнѣе и правильнѣе; захотѣла, чтобы въ сихъ Княжествахъ не вводили важныхъ перемѣнъ безъ ея вѣдома; въ семъ состоитъ постановленіе Порты, подписанное въ 24 день Сентября 1802 года.

Что касается до Кавказской границы, правительство Турецкое, которое обязалось удерживать Черкесъ отъ набѣговъ, и которое однакожь не исполняетъ сего обязательства, остается виновнымъ передъ Россіею. Все, сказанное Посланникомъ Себастіани въ нотѣ, поданной отъ него въ 16 день Сентября 1806 года, служитъ доводомъ, что онъ ничего не знаетъ о семъ дѣлѣ.

На Кавказской границѣ и на всѣхъ другихъ Россія употребляла самые кроткіе, самые умѣренные способы, соотвѣтствующіе

безопасности своихъ областей и торговли. Сихъ способовъ достаточно было до тѣхъ поръ, пока Франція, посредствомъ присоединенія Далматіи, не вздумала сдѣлаться государствомъ, сопредѣльнымъ съ Турціею. Съ той минуты опасность полуденныхъ областей Россіи стала ощутительнѣе; ибо она увеличилась отъ дѣятельности Французовъ, которыхъ сорокъ тысячь находилось въ Далматіи, между тѣмъ, какъ Посланникъ Себастіани старался преклонить Диванъ къ начатію войны.

Кто не видитъ, что благо народовъ побудило Россійское Правительство приступить къ дѣятельнѣйшимъ средствамъ предотвратить опасность? Никакому сомнѣнію не подвержено, что Порта низложила Господарей по наущенію, или, лучше сказать, по требованію Посланника Себастіани. Не скоро согласясь уничтожить опредѣленіе свое, она симъ поступкомъ не перемѣнила состоянія дѣлъ; ибо не одно только сіе оскорбленіе нанесла Россіи.

Плодоноснѣйшія Россійскія области были въ опасности. Французы, враги Россіи, были въ Далматіи. Войска ихъ, предводимыя спагами и янычарами, которые въ склонности къ разбоямъ и грабительствамъ не уступаютъ самымъ Французамъ, все превратили бы въ пустыню. Слѣдственно, столь

необходимо нужно было занять берега Дуная, что не употребивъ сей предосторожности, Россійское Правительство заслужило бы справедливые упреки — дерзну сказать, оно дало бы отвѣтъ предъ Богомъ и предъ людьми за слѣдствія, которыя могли бы произойти въ противномъ случаѣ.

Каждому извѣстно, что Французское правительство всячески старалось поселить въ ИМПЕРАТОРѢ АЛЕКСАНДРѢ духъ преобладанія; теперь оно увѣряетъ свѣтъ, что ОНЪ въ самомъ дѣлѣ захотѣлъ быть завоевателемъ, и ссылается на то, что Россійскія войска заняли берега Дуная. Но теперь оно никого уже не введетъ въ заблужденіе.

Россійскія войска находятся при Дунаѣ и при Вислѣ; войска непріятельскія не увидятъ ниже предѣловъ Имперіи.

(*Переводъ.*)

IV.

Письмо изъ Мадрита отъ 14 Января.

Князь мира пожалованъ въ достоинство Великаго Адмирала Кастиліи, отъ котораго будетъ получать доходу 2,000,000 піастровъ. Онъ теперь имѣетъ званіе Генералиссима морскихъ силъ и сухопутныхъ, и Покровителя торговли Испанской и Индійской.

Въ Мадритской газетѣ напечатано Королевское письмо къ нему слѣдующаго содержанія: „Служба моя и благо моихъ подданныхъ требуютъ, чтобы вы имѣли полномочіе дѣйствовать безъ отлагательства и безъ сопротивленія не только для защиты областей моихъ въ Европѣ и Индіяхъ, но и для ускоренія общаго мира, споспѣшествуя намѣреніямъ преславнаго моего союзника, Императора Французовъ и Короля Италіи; для того предоставляемъ вамъ всѣ права полномочія и преимущества, которыми пользовались пресвѣтлѣйшій Донъ Жуанъ Австрійскій, сынъ Карла Пятаго, также Донъ Жуанъ Австрійскій, сынъ Короля Филиппа IV, и наконецъ Инфантъ Донъ Филиппъ, мой вселюбезнѣйшій дядя и тесть. Я хочу, чтобъ вы представляли мою Особу, занимали бы мое мѣсто, и имѣли бы такую же власть, какую я имѣю.“

По силѣ сего письма Князь мира имѣетъ право на титло *пресвѣтлѣйшаго высочества.*

V.

Замѣтаніе о Пультускомъ сраженіи.

Смоленскъ, 13 Марта 1807.

Военноплѣнный Французскій Офицеръ сказывалъ, что наканунѣ сраженія подъ

Пультускомъ, Бонапарте произнесъ къ войску сіи *достопамятныя* слова: „Дѣти! „завтрешнимъ нападеніемъ удивимъ мы „Европу!“ Европа видѣла слѣдствія сего нападенія: при Пультускѣ узналъ Наполеонъ, готовы ли Русскіе защищать свои предѣлы.

Но Французъ словоохотенъ; онъ выдумываетъ новое возраженіе, и говоритъ: „Бонапарте не имѣлъ удачи отъ того, что „болота, черезъ которыя надлежало пере„ходить Французскимъ колоннамъ, дерзнули „его ослушаться, то есть, не крѣпко за„мерзли! . . . .“

Никогда не презирай своего врага, каковъ бы онъ ни былъ, сказалъ Суворовъ. Мы признаемся, что Французы проворны, отважны, въ умоизступленіи готовы проливать кровь свою (для чего и для кого? о томъ знаютъ Наполеонъ, Жеромъ, Люсьень; о томъ знаютъ вновь сотворенные герцоги, сенаторы, помѣщики и проч. и проч.); но для чего же они не отдаютъ намъ равной справедливости? для чего говорить, что еслибъ болота и вся природа также покорствовала Наполеону, какъ раболѣпствуетъ ему *великой народъ*; то нападеніе подъ Пультускомъ удивило бы Европу? — Въ отвѣтъ на это скажемъ простую Русскую пословицу: „не спросясь броду, не суйся „въ воду.“

Наполеонъ видитъ, и — не вѣритъ: но можноль безпристрастно судить тому, кто и слова и дѣла человѣческія толкуетъ по своимъ замысламъ? тому, кто, называя войну *язвою народовъ*, вопіетъ къ войску: „друзья! товарищи! не къ обыкновенной „войнѣ мы стремимся, но къ нашествіямъ, „къ завоеваніямъ!" кто — возглашая, что Вышній Промыслъ предопредѣлилъ его къ политическому *воскрешенію земныхъ племенъ* — грабитъ и разоряетъ царства?

Русскіе привыкли называть *бѣлое* бѣлымъ, *черное* чернымъ; на высокопарныя изреченія хвастовства они отвѣчаютъ твердостію души, силою оружія. Фридрихъ Великій воевалъ съ Россіянами и признавался, что „иногда можно разстроить Русскія войс„ка, но никогда не льзя побѣдить ихъ." Въ то время не было еще *великой націи*, покорной рабы Наполеоновой: слѣдственно не умѣли давать словамъ того выспренняго смысла, съ помощію котораго нынѣ оправдываютъ всѣ неистовства, всѣ злодѣйства, и которой покажетъ потомству, до какой степени философія и философы осьмагонадесять столѣтія разпространили предѣлы познаній человѣческихъ!

Сергѣй Глинка, служащій Бригадъ-Маіоромъ, по Милиціи Сычевскаго уѣзда.

---

24 Марта.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

АПРѢЛЬ, 1807.

№ 8.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Прогулка.

Часть третья.

Никогда не забуду пріятнѣйшаго времени, проведеннаго за обѣденнымъ столомъ въ Шатильйонѣ. Дружелюбіе, снисхожденіе, — сладкая увѣренность, что всѣ собрались единственно насладиться чистыми утѣхами разума, — удовольствіе, ощущаемое каждымъ отъ содѣйствія сему наслажденію, — общее отреченіе отъ самолюбія и тщеславія, — свободной токъ разговора, въ продолженіе котораго мысли, мнѣнія, чувствованія изливались изъ самаго источника, — наконецъ расположеніе къ веселости, къ искренности, къ изобрѣтенію новыхъ понятій, изобрѣтенію, которое, по моему мнѣнію, есть душа бесѣды, и которое становится день отъ дня рѣже, — все

сїе нашему обществу ученыхъ давало такое свойство, которое навсегда останется у меня въ свѣжей памяти. Прибавлю, что сїе свойство любезности и веселости имѣло прочное основанїе. Умъ острыми и замысловатыми своими выдумками можетъ развеселить общество на нѣкоторое время, но не можетъ сдѣлать его навсегда прїятнымъ; остроумїе доставляетъ прочныя удовольствїя только въ кругу честныхъ людей. Таковы были собесѣдники въ Шатильйонѣ; и такъ не удивительно, что мы очень весело провели тамъ свое время.

Не стану повторять всего, что говорено было за столомъ. Острое слово, сказанное къ етати, замысловатая шутка, живая мысль, которыя одушевляютъ бесѣду, теряютъ свою цѣну при холодномъ повторенїи. Я упомяну только о томъ, что подало случай къ разговору, происходившему въ тихой рощѣ, гдѣ мы наслаждались свѣжестїю воздуха.

Передъ окончанїемъ обѣда говорили о книгахъ, которыхъ названїя обѣщали много, и — обманули читателей. Спрашивали объ именахъ сочинителей; упоминали о *Зрѣлищѣ природы*, изъ котораго Фонтенель, творецъ Разговоровъ о мїрахъ, сдѣлалъ бы прекрасную книгу; упоминали о сочиненїи

Аббата Дюбо о стихотворствѣ и живописи; говорили, что для сего сравненія требовалось живое воображеніе, краснорѣчивое перо, нѣжное чувствованіе красотъ обоихъ искуствъ, и что холодной разумъ Аббата Дюбо занималъ остроту и вкусъ у какого-нибудь Вольтера или Винкельмана. Упоминали о *Ссылочныхъ* г-жи Вильдье; говорили, что изъ сей счастливой идеи она сдѣлала только любовную сказочку, и что искусный живописецъ, каковъ Гамильтонъ, сдѣлалъ бы изъ нее прекрасную картину двора Августова. Упоминали *о Трактатѣ о мнѣніяхъ*, за которой лучше было бы не приниматься Лежандру, и ждать, пока Вольтеръ что-нибудь легкое и забавное напишетъ о семъ предметѣ, или пока Монтескье сочинитъ глубокомысленное о немъ разсужденіе.

„Но самъ Монтескье — спросилъ нѣкто — развѣ удовлетворилъ названію одного изъ своихъ лучшихъ сочиненій? и не правда ли, что его *Разумъ законовъ*, скажу словами г-жи Д**, есть не что иное, какъ — *нѣсколько умныхъ сужденій о законахъ*?"

Только немногіе согласны были съ симъ мнѣніемъ. Нѣкоторые изъ недовольныхъ говорили, что въ книгѣ президента Монтескье много блеску, но что блескъ сей въ разныхъ мѣстахъ свѣтится, подобно мол-

нїи, и не даетъ отъ себя лучей постоянныхъ; другїе — что *Разумъ законовъ* есть большая груда обтесаннаго камня, котораго однакожь недостало бы для сооруженїя зданїя, которой сложенъ не на своемъ мѣстѣ, и изъ котораго зодчїй ничего не сдѣлалъ. Нѣкто сказалъ даже, что если Монтескье работалъ по плану, то мы никогда не откроемъ его, и что *Разумъ законовъ* столь же далекъ отъ совершенства, какъ и Паскалевы мысли.

Графъ С. вмѣшался въ разговоръ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые, имѣя умъ просвѣщенный, основательный, зрѣлый, просто и смиренно преподаютъ свои наставленїя. Никто не получалъ столько пользы отъ путешествїй, отъ чтенїя, отъ обращенїя въ свѣтѣ; никто лучше не видѣлъ въ природѣ и въ книгахъ того, что достойно оставаться въ памяти. Обширныя знанїя свои онъ сообщалъ всегда къ стати; не былъ скупъ на нихъ, но не былъ и расточителенъ; можно бы подумать, что онъ знаетъ только то, о чемъ спрашиваютъ его — не болѣе. За обѣдомъ Графъ говорилъ мало: всякой радъ былъ слушать его.

„Расположенїе Паскалева сочиненїя — сказалъ Графъ — зависѣло отъ самаго содержанїя; ясно, что сочинителю недостава-

ло только времени окончить оное. Но можно ли тоже сказать о книгѣ президента Монтескье? Справедливо ли было бы хотѣть, чтобы онъ содержанїе столь многоразличное, столь несвязное, столь многообразное, каково *Разума законовъ*, привелъ въ единство, полное и правильное? Въ семъ превосходномъ творенїи надлежитъ удивляться быстрому взору отличнаго ума, а не требовать, чтобы тотъ поработилъ себя строгимъ правиламъ обыкновеннаго порядка, кто паритъ надъ обширнѣйшимъ пространствомъ, и окомъ своимъ часто досягаетъ до отдаленности невѣроятной. Что касается до насмѣшки, произнесенной Вольтеромъ, то я вопреки напомню похвалу, которую онъ же сдѣлалъ книгѣ *О разумѣ законовъ*; вотъ слова его: *Родъ человѣческїй потерялъ свои отличїя; Монтескье отыскалъ ихъ, и возвратилъ человѣческому роду.*"

Въ похвальномъ словѣ была бы у мѣста сїя пышная фраза, которой однакожь я право не понимаю — сказала г-жа Ф**. — „Что тутъ кажется вамъ непонятнымъ?" — спросилъ Графъ. — Я не разумѣю, что значатъ отличїя, которыя потерялъ родъ человѣческїй. — „Отличїя правъ." — Очень хорошо; но какихъ правъ? Что такое отличїя правъ? Какъ онѣ потеряны? Какъ Монтескье нашелъ ихъ? — „Вы сами, суда-

рыня, легко узнаете все, если только подумаете о томъ прилѣжно." — На сей разъ просимъ васъ доставить намъ выгоду, которую доставляютъ хорошія книги; разгоните мракъ нашего невѣденія; изъясните намъ то, что мы хотя и понимаемъ, но весьма неясно.

„Извольте; попытаюсь удовлетворить желаніе ваше — сказалъ Графъ съ видомъ скромности. Подъ правами человѣка разумѣю вообще права, данныя ему закономъ природы; а отличія правъ есть то, что особенно къ нему относится въ семъ законѣ всеобщемъ, котораго свойство является въ *добрѣ* и въ *справедливости*." — Такъ вы вѣрите, что всеобщій законъ существуетъ? — „Вѣрю такъ точно, какъ и бытію всеобщаго порядка; все внутри и внѣ меня находящееся увѣряетъ меня, что порядокъ сей учрежденъ по намѣренію первой причины, всемогущаго разума, провидящей воли, которая всегда согласна сама съ собою, и которой все повинуется. Кто не признаетъ всеобщаго порядка; кто сомнѣвается, что око сотворено для воспріятія лучей, легкое для дыханія воздухомъ, сердце для перелитія крови, жилы для теченія той же крови; кто думаетъ, что чудесное составленіе тѣлъ, непостижимое возрожденіе животныхъ и растѣній производятся по слѣ-

пому случаю, безъ намѣренія; кто думаетъ, что свѣтила, въ пространствахъ небесныхъ вращающіяся, поддерживаются взаимнымъ притяженіемъ, и постоянно совершаютъ пути свои, не будучи управляемы первою движущею силою, первымъ закономъ: для того я и словъ не хочу тратить. Требую совершенной увѣренности въ истинѣ сказаннаго мною; если вы сомнѣваетесь, я долженъ остановиться." — Не только не сомнѣваемся, но твердо увѣрены.

„Очень хорошо. И такъ намѣреніе природы есть законъ ея, а всеобщій порядокъ есть не что иное, какъ исполненіе сего закона. Ему повинуются небесныя свѣтила, растѣнія, животныя; человѣкъ, какъ существо, одаренное жизнію на-равнѣ съ прочими животными, исполняетъ волю его по врожденному побужденію. Наконецъ, повторяю, законъ первый, всеобщій, есть намѣреніе высочайшаго Художника, явственно напечатлѣнное на твореніи рукъ его. Теперь остается разсмотрѣть различныя отношенія перваго намѣренія ко всѣмъ частямъ всеобщаго порядка, и отношенія того же намѣренія къ родамъ существъ. Надѣюсь, что это будетъ для васъ понятно.

„Природа захотѣла, чтобы свѣтила небесныя, движущіяся въ пространствѣ, въ

теченіи своемъ были поддерживаемы одно другимъ; она взвѣсила тяжесть ихъ, измѣрила разстояніе между ними, и для каждаго изъ нихъ назначила скорость, для одного большую, для другаго меньшую: вотъ законъ притяженія. Природа захотѣла, чтобы стихіи помѣщались въ разныхъ областяхъ по мѣрѣ плотности своей, и чтобы по смѣшеніи каждая опять стремилась къ своему мѣсту: вотъ законъ тяготѣнія, вотъ законы равновѣсія. Природа захотѣла, чтобы неизчислимое множество на землѣ живущихъ существъ находило въ себѣ и въ нѣдрѣ общей матери своей средства къ сохраненію себя и къ произведенію себѣ подобныхъ: вотъ законы прозябенія для растѣній, — законы врожденнаго побужденія, или инстинкта, для животныхъ, — законы тогоже инстинкта и разума для человѣка.

„Прошу замѣтить, милостивыя государыни, что касательно живыхъ существъ природа ясно обнаружила намѣреніе свое сохранять бытіе ихъ, возраждать ихъ, и пещись о продолженіи породы ихъ; ибо сколько она, повидимому, нерадитъ объ одномъ животномъ, объ одномъ стеблѣ, столько печется о сохраненіи цѣлыхъ породъ. Растѣніямъ, напримѣръ, даны способы прозябать и размножаться, не взирая на то, что онѣ служатъ пищею животнымъ; трава

ежедневно пожирается, но цѣлыя породы травъ никогда не погибаютъ. Назначивъ животныхъ въ пищу животнымъ же другой породы, она распоряжаетъ столь бережливо, что при ежедневномъ уменьшенїи числа гусей, родъ гусиный не уменьшается. Есть животныя, которыя, кажется, сотворены быть жертвами хищничества; есть и такїя, которыя родясь тотчасъ умираютъ: за то онѣ плодородїемъ своимъ безпрестанно дополняютъ число, уменьшаемое опустошенїями и смертїю. Сельди, пожираемыя аккулою, плодятся до безконечности; насѣкомое, живущее только одинъ день, производитъ множество себѣ подобныхъ; слабая бабочка не умираетъ безъ потомства; она не видитъ своихъ малютокъ, но оставляетъ яица, которыя зрѣютъ и оживляются воздухомъ и свѣтомъ; гнѣздо гусеницы препоручается попеченїю солнца.

„Изъ всѣхъ предосторожностей, которыя употребила природа для сохраненїя царства животныхъ, очевиднѣйшее, достойнѣйшее удивленїя есть то, что она запретила имъ посягать на жизнь подобныхъ себѣ. Самые ненасытные звѣри повинуются сему закону, и никогда безъ крайней нужды не нарушаютъ онаго; медвѣдь и тигръ не смѣютъ терзать подобныхъ себѣ животныхъ, ежели только чрезвычайной голодъ не доводитъ ихъ до бѣшенства. Природа сдѣлала

еще болѣе: самые лютые звѣри забываютъ обыкновенную жестокость, когда производятъ на свѣтъ, или воспитываютъ дѣтей своихъ. Львица и барсиха въ материнской нѣжности не уступаютъ ни козѣ, ни кроткой лани. Вамъ извѣстно, какъ осторожно боязливая птичка сидитъ на гнѣздѣ своемъ, какъ отважно защищаетъ своихъ малютокъ. Извините, милостивыя государыни, что упоминаю обстоятельства всѣмъ извѣстныя; онѣ важны въ нашемъ разговорѣ; сїе чудесное побужденїе, какъ я думаю, есть столь ясное доказательство намѣренїя природы, что всякъ, обративъ на него свое вниманїе, непремѣнно увѣрится въ истинѣ моего мнѣнїя." — Она очевидна — сказали собесѣдницы: мы всѣ увѣрены.

„Очень хорошо! — продолжалъ Графъ: я доволенъ. И такъ не стану говорить о преимуществахъ, которыми природа надѣлила человѣка; не стану доказывать, что человѣкъ, болѣе нежели всѣ прочїя животныя, облагодѣтельствованъ ею; но только предложу за правило простую истину, которую вы уже одобрили, а именно, что природа хотѣла сдѣлать и для человѣка то, что сдѣлала для насѣкомаго, и что ея намѣренїе, хранить и продолжать бытїе породъ животныхъ вообще, не менѣе относится и до человѣческаго рода.

„ Изъ сего неоспоримаго правила вывожу заключенїе, что законъ естественный существуетъ для человѣка; ибо природа, захотѣвъ, чтобы родъ человѣческїй продолжался, необходимо долженствовала предписать человѣку способы сохранять родъ его, и удаляться всего, что могло бы уничтожить оной. И такъ законъ естественный для человѣка есть то, что врожденное побужденїе для прочихъ животныхъ; въ томъ и другомъ открывается первобытное намѣренїе, относящееся ко всѣмъ животнымъ, ко всѣмъ породамъ. Теперь, милостивыя государыни, вамъ не трудно понять, какїя отличїя правъ были потеряны и отысканы г-мъ Монтескье.

„ Нѣкто сказалъ: *право не есть возможность* — и сказалъ справедливо. Не льзя утверждать, что гдѣ нѣтъ силы, тамъ нѣтъ и права. Въ чемъ же состоитъ оно? Во всемъ томъ, что природа дозволила человѣку дѣлать въ отношенїи къ подобному себѣ, къ прочимъ животнымъ и ко всѣмъ живущимъ созданїямъ. Въ разсужденїи сихъ послѣднихъ, право человѣка ограничивается его силою, потребностями, выгодами; но во взаимныхъ отношенїяхъ между людьми и право должно быть взаимное. Оно должно быть подчинено закону, которой опредѣляетъ каждому свое. Уничтожьте сей

законъ, и увидите, что не только право естественное, но и права человѣческія должны исчезнуть; тогда воля каждаго, самолюбіе, сила, личная польза сдѣлались бы единственнымъ закономъ человѣческихъ поступковъ; каждой почиталъ бы добромъ только то, что самому полезно; никто не имѣлъ бы понятія о справедливости. Слѣдственно законъ, одинъ законъ опредѣляетъ, что справедливо въ поступкахъ людей и что несправедливо; онъ самъ имѣетъ свойство справедливости только тогда, когда проистекаетъ отъ перваго намѣренія, отъ того верховнаго разума, отъ котораго всеобщій порядокъ получилъ свое начало. И такъ естественныя и взаимныя права существуютъ для людей, потому что законъ естественный существуетъ. Сіе-то правило г-ну Монтескье подало причину, какъ бы съ нѣкоторой высоты, наблюдать, каковы должны быть разумъ и цѣль человѣческихъ установленій, и каково должно быть намѣреніе хорошихъ законовъ (*).“

Какимъ образомъ — сказали Графу — отъ сего неопредѣленнаго, общаго правила, отъ сего перваго намѣренія хранить и про-

(*) Есть первобытный разумъ — сказалъ Монтескье: законы суть отношенія между симъ разумомъ и тварями.

должать бытїе породъ животныхъ, ты хотите вывести всѣ столь многоразличные законы, столь многосложную систему, столь несходственныя между собою общественныя установленїя? Взаимныя отношенїя людей, безпрестанно умножаясь, не должны ли произвести тысячи новыхъ случаевъ, совершенно противныхъ первому намѣренїю природы? Раздѣленїе племенъ, соперничество, ссоры, любовь къ отечеству, завидованїе могуществу сосѣдей, торговля, война, внутреннїя несогласїя, дѣлежь, собственность, неравенство въ имѣнїи и состоянїяхъ, всѣ сїи причины и множество другихъ не должны ли заставить нашихъ законодателей забыть о правѣ первобытномъ и общемъ, правѣ, которое могло существовать въ естественномъ состоянїи человѣка, но которое въ состоянїи гражданскомъ совершенно измѣнилось?

„Вопервыхъ надобно знать — отвѣчалъ Графъ безъ малѣйшаго замѣшательства на сдѣланныя возраженїя — что, такъ называемое, естественное состоянїе никогда не существовало для человѣка.“ — Какъ, сударь! а дикїе? — „Совершенно дикихъ людей нѣтъ, и никогда не бывало. Изъ всѣхъ обществъ человѣческихъ семейство есть самое меньшее, и весьма рѣдко случается, чтобы оно оставалось долгое время уединен-

нымъ, не имѣя съ другими никакого сообщенія. Вездѣ, во всѣ времена люди составляли общества по нуждѣ, для общей безопасности, для защиты, для пропитанія. Сіе первое попеченіе, первое желаніе природы во всѣ времена было основаніемъ законовъ. Какимъ образомъ люди, которыхъ продолжительное и слабое младенчество подвержено многимъ опасностямъ и бѣдствіямъ, какимъ образомъ могли бы сохранить родъ свой, скитаясь въ одиночествѣ?

„ Плиній сказалъ справедливо: *Изъ всѣхъ животныхъ одинъ только человѣкъ не получилъ одежды отъ природы . . . . ; она въ самой день рожденія бросаетъ нагаго человѣка на голую землю, и ничего не оставляетъ ему, кромѣ слезъ и вопля . . . . Прочія животныя, движимыя внутреннимъ побужденіемъ, бѣгаютъ, летаютъ, плаваютъ. Человѣкъ, не успѣвшись, не умѣетъ ни говорить, ни ходить, ни питать себя; словомъ, природа научила его только плакать.* Но предположимъ, что человѣкъ отъ природы былъ бы одаренъ превосходнѣйшимъ внутреннимъ побужденіемъ, и что родясь на свѣтъ тотчасъ получилъ бы разумъ зрѣлаго возраста: не ужели онъ болѣе ни въ чемъ не имѣлъ бы надобности? Нѣтъ, милостивыя государыни; боязливость, слабость, медленность — совершенно прошиву-

положныя смѣлости, силѣ, быстротѣ непріятелей, отъ которыхъ ему надлежитъ убѣгать или защищаться — неминуемо сдѣлали бы его добычею животныхъ, близь коихъ онъ родился. Природа вдохнула въ тигра и волка спасительное отвращеніе отъ крови животныхъ одной съ ними породы, но не вдохнула въ нихъ того же отвращенія отъ крови человѣческой; она обрекла человѣка быть жертвою звѣрей плотоядныхъ, какъ овцу и козу; она предала имъ человѣка нагаго, слабаго, безоружнаго.

„Какую же предосторожность употребила природа для сохраненія и продолженія рода человѣческаго? Сдѣлала его общественнымъ, то есть дала ему склонность и охоту дѣлить съ другими бѣдствія, труды, силы, помощь, должности и добровольныя услуги. Такое общежитіе видимъ сперва между человѣкомъ и матерью дѣтей его; потомъ между имъ и дѣтьми его; наконецъ между имъ и прочими людьми, которые, движимы будучи внутреннимъ побужденіемъ, составляютъ съ нимъ одно общество. Такимъ образомъ, посредствомъ супружества, какъ союза неразрѣшимаго, домашнее общество, постепенно возрастая, было ядромъ общества гражданскаго.“

Позвольте остановить васъ — прервала г-жа Д * *: вы упомянули одну статью,

статью закона естественнаго, которая требуетъ разсмотрѣнія. Вы назвали супружество *неразрѣшимымъ союзомъ*! — „Точно, милостивая государыня! Какъ бы ни думали о семъ союзѣ; однакожь природа хотѣла сдѣлать его неразрѣшимымъ. Нарушая законъ сей, общество дозволяетъ себѣ излишнюю вольность. Посмотрите на рожденіе человѣка въ лѣсу, первобытномъ жилищѣ его: не правда ли, что онъ имѣетъ нужду въ матери, которая питала бы его молокомъ своимъ, въ отцѣ, которой охранялъ бы, защищалъ его, и доставалъ бы пищу матери младенца? Переставши сосать грудь, не бываетъ ли онъ долго еще слабымъ, и можетъ ли обойтись безъ помощи своихъ родителей? Еслибъ во время продолжительнаго своего младенчества онъ остался безъ призрѣнія, не былъ ли бы несчастнѣе всѣхъ тварей, и не подвергся ли бы неминуемой погибели? Человѣкъ принадлежитъ къ числу тѣхъ животныхъ, которыхъ природа назначила быть долговѣчными; ибо онъ раждаетъ — какъ быкъ, левъ, слонъ — по одному, рѣдко по два; промежутокъ времени довольно великъ между эпохою рожденія двухъ младенцевъ отъ одной матери; человѣкъ медленнѣе всѣхъ другихъ животныхъ достигаетъ того возраста, въ которомъ самъ можетъ раждать дѣтей. Теперь какъ согласить природу съ нею самою? почему она,

желая продолжать бытіе рода человѣческаго, не дала человѣку силы для сохраненія себя? почему не дала ему способовъ поспѣшнѣе размножать себѣ подобныхъ? Здѣсь, милостивыя государыни, съ благоговѣніемъ признаемъ Творческую премудрость: продолжительное младенчество человѣка, долговременная слабость его, страхъ грозящей погибели, такъ, сей самой страхъ, сіе опасеніе отдаляютъ погибель человѣческаго рода, и даютъ человѣку высочайшее превосходство передъ всѣми животными.

„Человѣкъ долго имѣетъ нужду въ помощи родителей: вотъ источникъ тихихъ удовольствій, семейственной жизни, продолжительной любви отца и матери къ дѣтямъ, дѣтей къ отцу и матери; вотъ источникъ наученія словами и примѣрами наслѣдственной опытности, совершенствуемой промышленности, изобрѣтенія знаковъ для взаимнаго сообщенія мыслей, составленія человѣческаго слова, успѣховъ просвѣщенія, наукъ, художествъ; вотъ источникъ тѣхъ безчисленныхъ способовъ къ усовершенствованію человѣчества, которые произвели Платоновъ и Архимедовъ, Гиппократовъ и Ньютоновъ!

„Если бы младенчество человѣка продолжалось нѣсколько мѣсяцовъ; если бы чело-

вѣкъ, вышедши изъ краткаго своего младенчества, могъ обойтись безъ посторонней помощи, подобно коню, быку, льву: ни къ чему не служили бы ему гибкой языкъ, звонкой голосъ, чудесное орудїе рукъ, и еще болѣе чудесный даръ памяти и предусмотрительности. Человѣкъ, отдѣленный отъ другихъ почти со времени рожденїя своего, страшась одиночества, одичавъ, вездѣ встрѣчая опасности, во всю жизнь заботясь только о безопасности своей и оборонѣ, ни чѣмъ не отличался бы отъ безсловесныхъ тварей. Природа, желая научить человѣка пользоваться данными ему способностями, весьма благоразумно поступила, вдохнувши въ отца и мать нѣжнѣйшую любовь къ дѣтямъ, а дѣтей привязавъ къ родителямъ чувствомъ нужды и узами благодарности.

„Тѣ очень грубо обманываются, которые, желая оправдать разводъ, ссылаются на природу, и говорятъ о первобытномъ супружествѣ. Пусть знаютъ они, что первое супружество было продолжительное и крѣпкое; пусть знаютъ, что, по намѣренїю природы, продолжительность брака была защитою человѣческаго рода, основою могущества его, единственнымъ для человѣка способомъ приобрѣсть господство надъ всѣми живыми существами.“

По крайней мѣрѣ — возразила г-жа Д** — когда дитя достигнетъ до совершеннаго возраста, дозволяетъ ли законъ природы разрѣшить брачныя узы, и могутъ ли мужъ и жена заключить новыя обязательства? — „Не могутъ, сударыня! младенчество человѣка продолжается до десяти, и до двенадцати лѣтъ. Между тѣмъ какъ отецъ и мать пекутся о первомъ своемъ младенцѣ, раждается другой, потомъ третій, а тамъ — по благодѣтельности врожденнаго побужденія къ любви — и четвертой, и пятой, и шестой; слѣдственно каждое рожденіе дитяти становится для супруговъ, такъ сказать, новою цѣпью, и возлагаетъ на нихъ новыя обязанности, равныя первымъ: ибо законъ природы одинаковъ и непремѣненъ; онъ никого не лишаетъ правъ родства и крови. И такъ видите, что союзъ супружескій необходимо долженъ быть неразрѣшимымъ, по крайней мѣрѣ до того времени, пока чета не сдѣлается безплодною, и не воспитаетъ послѣдняго ребенка. Какая же польза супругамъ въ старости разводиться, и расторгать союзъ, которой обязываетъ ихъ взаимно помогать другъ другу? Какая польза родителямъ противиться закону природы въ то самое время, когда имъ осталось въ свою очередь наслаждаться любовію и благодарностію дѣтей своихъ?“

Графъ! — сказали наши собесѣдницы: ученіе ваше ясно для ума и сладостно для сердца; мы не можемъ не согласиться съ вами. — „Увѣрившись въ истинѣ намѣренія природы и святѣйшаго изъ ея законовъ въ первобытномъ обществѣ — продолжалъ Графъ — разсмотримъ теперь тѣ многочисленнѣйшія, многосложнѣйшія отношенія, отъ которыхъ постепенно составились народы, республики, имперіи; вездѣ увидимъ то же намѣреніе и ту же цѣль; увидимъ, что между сими двумя точками самая прямая черта есть самой лучшій образъ правленія, установленій и законовъ.“

Тутъ наши собесѣдницы сказали, что имѣютъ нужду въ отдыхѣ.

Часть четвертая.

Походивши молча нѣсколько минутъ, Графъ С. опять началъ говорить. „Вы видѣли, милостивыя государыни, что общежитіе было необходимостію для человѣка, и что по изволенію самой природы первая потребность человѣка есть общежитіе; вы видѣли также, что во всѣхъ живыхъ существахъ ясно обнаруживается намѣреніе природы сохранять и продолжать бытіе породъ животныхъ. Изъ сихъ двухъ истинъ непосредственно слѣдуетъ, что существуетъ для человѣка законъ естественный, кото-

рой содержитъ въ себѣ самую силу законовъ гражданскихъ, и которой полагаетъ врожденное побужденіе за основу, за правило нравственности.

„Законъ врожденнаго побужденія запрещаетъ животнымъ истреблять себѣ подобныхъ, то есть животныхъ одной породы; причина тому очевидна: будучи побуждены потребностію раждать дѣтей и кормить ихъ по крайней мѣрѣ до нѣкотораго времени, живучи въ одной пещерѣ, въ одномъ гнѣздѣ, онѣ имѣютъ весьма частые и опасные случаи вредить одно другому; терзая другъ друга, онѣ истребили бы родъ свой. Что было бы и съ человѣкомъ, еслибъ онъ, будучи отъ природы созданъ для общежитія, не имѣлъ внутренняго побужденія щадить себѣ подобныхъ? Человѣкъ, будучи кровожаднымъ врагомъ человѣка же, сдѣлался бы злѣе тигра и коршуна: ибо ежечасно имѣлъ бы случай, средства, даже охоту губить свою братію.

„Человѣкъ по природѣ своей хитръ, лукавъ, способенъ выдумать тысячу средствъ дѣйствовать и вредить; онъ гордъ, сердитъ, самолюбивъ, безпокоенъ, склоненъ къ обидѣ; наконецъ, страсти и пороки человѣческаго сердца болѣе всего неблагопріятствовали бы общежитію, еслибъ внутреннее побуж-

денїе не укрощало ихъ. Человѣкъ, будучи самолюбивъ, завистливъ, гнѣвливъ, наглъ, бѣшенъ въ ревнивости, въ злобѣ, во мщенїи, превосходитъ самыхъ лютыхъ звѣрей глубокою своею скрытностїю, коварнымъ вѣроломствомъ, и ужасною продолжительностїю памятозлобїя.

„И такъ — скажетъ кто-нибудь — гдѣ же благоразумїе природы, если она соединила существа, столь страшныя одно для другаго, и сдѣлала для нихъ общежитїе необходимымъ? Не значитъ ли это дать животнымъ вѣрнѣйшїе способы истребить свою породу? — Знайте же, милостивыя государыни, что отъ смѣшенїя сихъ несходныхъ, противуположныхъ началъ, проистекаетъ общественной порядокъ, посредствомъ коего сохраняется родъ человѣческїй; но чтобы поддержать сей порядокъ, надлежало для началъ нравственнаго мїра, такъ точно какъ для стихїй мїра вещественнаго, установить законъ согласїя, законъ, которой удерживая порывы ихъ, никакъ не дозволялъ бы имъ разрушить всеобщїй порядокъ. Законъ сей есть врожденное нравственное побужденїе; съ нимъ то должны быть согласны всѣ законы человѣческїе. Единственное намѣренїе, единственное назначенїе сихъ законовъ состояло и всегда будетъ состоять въ томъ, чтобъ удерживать волю человѣка, свободу и вообще

всѣ способности вредить подобнымъ себѣ, — въ томъ, чтобы всячески склонять его быть справедливымъ, миролюбивымъ, услужливымъ, сострадательнымъ, вѣрнымъ договору общежитія, для собственнаго спокойствія, блага, безопасности, — наконецъ въ томъ, чтобы его самолюбіе наклонять къ общей пользѣ, и дать ему возможность только наслаждаться своимъ, ничего у другихъ не отнимая.

„ Такова была сперва цѣль закона естественнаго; такова же была должность и законовъ гражданскихъ: ибо, еще повторяю, никакъ невозможно, чтобы природа хотѣла сдѣлать гражданское состояніе необходимымъ для человѣка, и въ тоже время не хотѣла, чтобы человѣкъ спокойно, безопасно и невинно наслаждался своими способностями, плодами трудовъ своихъ. Слѣдственно все сообразное съ сею первобытною волею есть законно и справедливо, и на семъ-то естественномъ правѣ основаны всѣ права человѣческія.

„ Предположимъ на часъ, что въ порядкѣ общественномъ все споспѣшествовало бы сему первому намѣренію: что иное были бы права народовъ и взаимныя отношенія государствъ, какъ не право естественное, какъ не взаимныя отношенія одного человѣка къ другому;

то есть безопасность, собственность, безвредная свобода, употребленіе силы для отраженія насильства, сопротивленіе обидѣ и угнетенію? Права отечества не сходствовалиль бы съ правами отцовъ и матерей въ отношеніи къ дѣтямъ, а права дѣтей не тоже ли были бы, что права гражданъ, покровительствуемыхъ и защищаемыхъ отечествомъ? Скажите, можно ли статься, чтобы хорошій законъ гражданскій, или благоразумное, справедливое учрежденіе политическое было несообразно съ намѣреніемъ природы, съ разумомъ ея законовъ?"

Я не вижу — возразилъ Докторъ Г. — для чего бы право естественное, напримѣръ право собственности, личной безопасности, свободы, имѣло надобность въ предшествующемъ ему законѣ, отъ котораго оно зависѣло бы: сіи выгоды, какъ для меня, такъ и для всѣхъ людей, суть принадлежности бытія, коими я, какъ человѣкъ, имѣю право пользоваться.

„А ежели — отвѣчалъ Графъ — чтобы удобнѣе наслаждаться своими выгодами, признаете нужнымъ лишить меня жизни или свободы; ежели, имѣя въ рукахъ своихъ способы вредить и насильствовать, имѣете къ тому и желаніе: что удержитъ васъ? Ежели ни что не препятствуетъ вамъ налагать

ярем на быка и узду на лошадь; то по какой причинѣ станете думать, что не дозволяется возложить оковы на человѣка, которой слабѣе вас? Что заставит вас думать, будто можно убить медвѣдя, чтоб одѣться его кожею, и не льзя умертвить человѣка, чтобы присвоить его хижину? Чѣм защитите вы себя пред человѣком, которой начнет притѣснять вас, и с жестокою гордостїю скажет: я тебя не знаю; природа сотворила тебя для меня; ибо ты слаб, я силен?

„Создавши человѣка способным питаться и растенїями и мясом; назначивши ему в пищу зерна, огородные овощи, плоды, молоко, плоть и кровь животных; предоставивши ему и птиц воздушных и рыб живущих в морях, рѣках и озерах, природа ясно показала, что сдѣлала его прожорливѣйшим истребителем из всѣх обитателей земнаго шара. И так что будет с правом слабаго, с сею защитою бытїя его, если человѣк пренебрежет закон, запрещающїй ему, равно как и льву, терзать и пожирать себѣ подобных? Каннибалы не исполняют сего врожденнаго закона; тиранны, тѣже людоѣды, равно небрегут о нем. Нѣт, сударь! если бы природа, созидая существо столь кровожадное и ненасытное, каков человѣк, не дала

ему закона; тогда не было бы предѣловъ хищничеству и жестокости."

Развѣ не довольно — опять возразилъ Докторъ Г. — что человѣкъ чувствуетъ потребность быть добрымъ и сострадательнымъ къ подобнымъ ему существамъ? Слабость напоминаетъ ему о томъ; бѣдность возлагаетъ на него долгъ быть добрымъ. Самая безопасность его зависитъ отъ сей должности. И такъ собственная польза служила ему вмѣсто закона; ибо онъ долженствовалъ предвидѣть, что если станетъ вредить другимъ, то будетъ изгнанъ или убитъ, и что не иначе можетъ надѣяться помощи отъ ближняго, какъ съ условіемъ, ежели самъ будетъ помогать ближнему.

„Это разсчетъ выгоды — отвѣчалъ Графъ: но гдѣ справедливость? Ежели заставите людей заботиться только о частной пользѣ; что будетъ съ общею? Когда потеряемъ изъ виду сіе первое намѣреніе, которое всѣмъ распоряжаетъ въ мірѣ, какъ нравственномъ, такъ и вещественномъ; тогда права, должности, взаимныя отношенія между людьми, всѣ понятія о справедливости и несправедливости будутъ примѣняемы только къ частной пользѣ. Но сіе то самое и доказываетъ необходимость пер-

ваго закона, свыше даннаго человѣку: ибо разсчеты выгоды бываютъ непостоянны, и зависятъ отъ прихоти, отъ самолюбія, которое хочетъ все подчинить себѣ, хочетъ все принести себѣ на жертву; напротивъ того законъ справедливости, направляемый къ цѣли самою природою предназначенной, вездѣ одинаковъ и неизмѣняемъ, какъ сама природа. И такъ сія цѣль намѣренія природы въ отношеніяхъ ея къ обстоятельствамъ мѣстъ, людей и времени, всегда долженствовала быть правиломъ для законовъ. Оттуда произошли обязанности человѣка въ отношеніи ко всему роду человѣческому; оттуда предпочтеніе общей пользы выгодамъ частнымъ; оттуда стѣсненіе, ограниченія, исключенія, которыя сдѣланы законами гражданскими первобытному равенству, личной свободѣ, употребленію даровъ природы и плодовъ трудолюбія; наконецъ, оттуда система законовъ, споспѣшествующихъ намѣренію природы и первому ея закону. Сему-то закону всѣ прочіе соотвѣтствуютъ; онъ-то долженъ озарять пути законодателей; онъ-то долженъ быть ихъ звѣздою полярною; всѣ правительства должны совѣтоваться съ симъ всеобщимъ руководителемъ, когда хотятъ быть добрыми и благоразумными."

Ежели правило столь просто — спросила г-жа Т*. — ежели цѣль очевидна; то

отъ чего случается, что часто не понимаютъ намѣренія природы? отъ чего столько противуположныхъ законовъ, столько различныхъ образовъ правленія, отъ чего такое непостоянство? — „Объ этомъ, сударыня, больше меня знаетъ Монтескье — отвѣчалъ Графъ. Пусть онъ вамъ скажетъ; я только замѣчу, что общество есть бурное море, гдѣ частныя выгоды и страсти взаимно ударяются; что быстрые токи мнѣній и привычекъ стремятся въ разныя стороны и пересѣкаются одни другими, и что благоразумнѣйшій кормчій долженъ иногда уклониться отъ пути своего, и плыть на парусахъ не прямо туда, откуда дуетъ вѣтеръ. Неудобства велики, однакожь корабль плаваетъ по морю; законы борются со страстями; но корабль не боится погибели, которая конечно постигла бы его, еслибъ не было законовъ.“

Тутъ Меранъ, обратясь къ Барону Флоцену, сказалъ: вы что думаете о сей системѣ, о семъ единомъ и простомъ началѣ, отъ котораго произтекаютъ всѣ права человѣческія? Что думаете о семъ первомъ намѣреніи, о семъ законѣ всеобщемъ, источникѣ всѣхъ законовъ?

„Я хотѣлъ бы — отвѣчалъ Флоценъ — чтобъ не оставалось никакого сомнѣнія; но въ системѣ сей, благовидной по простотѣ

своей, содержится много непонятнаго для меня; весьма желалъ бы я, чтобы изъяснили мнѣ одно главное затрудненіе."

Всѣ приготовились слушать еще съ большимъ вниманіемъ. Графъ С. просилъ молодаго человѣка изъясниться; женщины, благороднымъ и кроткимъ видомъ предупрежденныя въ пользу чужестранца, знаками одна другую ободряли ко внимательности. Флоценъ, потупивши взоры и закраснѣвшись, предложилъ сомнѣніе свое въ слѣдующихъ словахъ: Врожденное побужденіе никогда не измѣняется въ животномъ, и всегда точно соотвѣтствуетъ первому намѣренію природы; тутъ я не могу не видѣть, что законъ дѣйствуетъ, и ему во всемъ повинуются. Не менѣе увѣренъ я, что человѣкъ вещественный, управляемый внутреннимъ побужденіемъ, въ точности повинуется тому же закону; но обративши вниманіе на человѣка духовнаго, живущаго въ просвѣщенномъ обществѣ, не вижу ниже слѣдовъ закона, соотвѣтствующаго намѣренію природы хранить и продолжать бытіе рода человѣческаго: каждой печется о себѣ самомъ, о своей пользѣ; никто не думаетъ о всемъ человѣчествѣ.

„И въ животныхъ видимъ тоже — отвѣчалъ Графъ С. — однакожь нравы ихъ, склонности, даже забавы соотвѣтствуютъ

намѣренію природы, и содѣйствуютъ первому ея закону. Ежели птица или пчела думаетъ; то вѣроятно каждая думаетъ о себѣ самой, одна складывая гнѣздышко, другая дѣлая соты. Такимъ образомъ и между людьми, личная выгода заставляетъ дѣйствовать художника, землепашца, купца, отплывающаго въ далекія страны, работника, которой дѣлаетъ корабль для купца; между тѣмъ все общество, весь родъ человѣческій пользуется плодами землепашества, произведеніями торговли, издѣліями промышленности. И такъ самолюбіе каждаго человѣка въ особенности очень можетъ споспѣшествовать намѣренію природы, клонящемуся къ сохраненію всего рода человѣческаго. Оно можетъ дѣйствовать свободно, ежели не вредитъ ближнему; въ противномъ случаѣ надобно удерживать его. Вотъ почему законы гражданскіе суть помощники закона естественнаго и охранители общаго блага отъ покушеній выгодъ частныхъ."

Къ чему же служатъ помощники сіи, общаго, перваго закона? — спросилъ молодой человѣкъ: имѣетъ ли онъ нужду въ помощникахъ, запретивъ тигру терзать тигра, и повелѣвъ коршуну щадить гнѣздо коршуна? Былиль бы надобны другіе законы, еслибъ человѣкъ имѣлъ рѣшительное побужденіе нравственное, столь же постоянное, каково побужденіе плотское? Ежели прав-

да, что законы человѣческіе суть дополненіе къ закону естественному, то для чего сей послѣдній такъ неясенъ, такъ недостаточенъ, что имѣетъ нужду въ дополненіи?

„Лучше спросите — отвѣчалъ Графъ — для чего въ безчисленномъ множествѣ существъ природа сотворила человѣка; для чего она одарила его способностями разума, способностями внимать, различать, разсуждать о себѣ, наблюдать, изобрѣтать? Спросите лучше, для чего изъ всѣхъ существъ одушевленныхъ только человѣку даны память и предусмотрительность, какъ спутницы разума и наставницы воли? Все сіе было бы для него безполезно, когдабъ одно врожденное побужденіе управляло имъ, какъ управляетъ животными. Выбору должно предшествовать разсужденіе. Не мое дѣло доискиваться тайны, къ чему человѣкъ предназначенъ; однако же мнѣ кажется, что природа знала, для чего предоставила на его собственной произволъ исполненіе своего закона. И для животныхъ природа не все сдѣлала; она дала работу ихъ промышленности, догадливости, потребности дѣйствовать; она же дала работу и человѣческому разуму, смыслу, волѣ. Какое прекрасное явленіе представляетъ разумъ человѣческій, трудящійся надъ усовершенствованіемъ даровъ, получен-

ныхъ отъ природы! Воспоминая о Миносахъ, Солонахъ, Нумахъ, Конфуціяхъ, можно подумать, что она сама просила совѣтовъ у людей при сочиненіи безсмертнаго своего закона!

„Изъ всѣхъ животныхъ одинъ только человѣкъ имѣетъ власть самъ надъ собою; онъ одинъ имѣетъ свободной произволъ надъ разумомъ своимъ и сердцемъ; можетъ или приобрѣсти знанія и добрыя качества, или впасть въ заблужденія и заразиться порками. Возвысившись добродѣтелями, унизивъ себя пороками, онъ равняется или съ небожителями, или съ презрѣнными животными: какое чрезвычайное пространство для свободной воли человѣка! Не предпринимая измѣрять сіе пространство, ни изъяснять сіе чудо, разсмотримъ среднюю степень, на которой стоитъ большая часть людей. Разумъ подверженъ ошибкамъ; онъ часто погрѣшаетъ, обольщается мечтами; нравственное побужденіе, отъ котораго зависитъ разумъ, измѣняется и порабощается плотскому побужденію: при всемъ томъ не обнаруживаются ли намѣреніе природы и главныя статьи ея закона въ семъ нравственномъ побужденіи? Что такое давитъ наше сердце, когда видимъ страдающаго человѣка? что безпокоитъ насъ, когда сдѣлаемъ дурной поступокъ? что заставляетъ насъ по-

помочь находящемуся въ опасности, утѣшить печальнаго, любить благодѣтеля? Между самыми грубыми народами не видимъ ли слѣдовъ человѣколюбія, искренности, справедливости, благотворительности; не видимъ ли примѣровъ великодушія? Какой же другой законодатель, ежели не сама природа, предписалъ человѣку сіи должности, сіи добродѣтели въ тѣхъ странахъ, гдѣ не знаютъ даже названій *добродѣтели*, *должностей*, *законовъ*?

„Ахъ, любезной чужестранецъ! не въ вашей душѣ буду искать я напечатлѣнія закона естественнаго и слѣдовъ нравственнаго побужденія; воспитаніе, примѣръ, навыкъ способствовали сдѣлать васъ добрымъ; вы можете оспоривать у природы тѣ хорошія качества, которыя она сама влила въ нравы ваши. Но дикой гостепріимецъ, проведшій три дни безъ пищи, охотно дѣлится добычею своею съ голоднымъ чужестранцемъ! Когда незнакомой приходитъ въ хижину къ нему и говоритъ: *братъ, я голоденъ*! когда дикой отвѣчаетъ ему: *братъ! возми это и кушай; и я голоденъ, но я могу потерпѣть, а ты не можешь*. Скажите, въ какой книгѣ, въ какомъ училищѣ Міямисъ, Иллиноецъ, Гуронъ, нашли высокія правила человѣколюбія, весьма обыкновеннаго между ними? На льдистыхъ берегахъ озеръ Амери-

канскихъ, тамъ природа положила печать своего закона, желая показать, что она одна только умѣетъ творить добродѣтели, какъ творитъ золото, жемчугъ, алмазы.“

Можетъ быть Флоценъ предложилъ бы еще новое сомнѣніе, ибо молодые люди обыкновенно любятъ, чтобъ имъ все изъясняли; но г-жа Жоффрень прекратила разговоръ нашъ. Сѣвши въ коляску, мы нечувствительно опять завели рѣчь о томъ, что слышали.

(Окончаніе въ слѣдующемъ Нумерѣ.)

II.

СТИХИ

на случай вызова отставныхъ солдатъ для служенія отечеству.

Февраля 6, 1807.

Какой я вижу сонмъ героевъ,
Дива, средь неизсчетныхъ боевъ,
Перунъ метавшихъ на враговъ?
Сіяющи на нихъ медали,
Ихъ видъ, ихъ лѣта мнѣ вѣщали:
„Земли ты Руской зришь сыновъ!“
Но что? какой вдругъ лучь блистаетъ
Отъ свѣтозарныхъ облаковъ?

Тамъ громъ въ слѣдъ грома ударяетъ;
Ниспалъ съ ефирныхъ странъ покровъ:
Свѣтила новы возсіяли. . . .
О вы, чьи громы поражали
Предѣлы дальныхъ, многихъ странъ!
Кѣмъ Персъ сраженъ, кѣмъ Галлъ попранъ,
Предъ кѣмъ смирялась Византія,
Орлы, паривши къ небесамъ,
Кѣмъ украшалася Россія,
Кому вселенна — славы храмъ!
О вы, чьи имена священны
Съ Дуная были пренесенны
Во мѣстно звучною молвой;
Вы! совершившіе то днями,
Что Карѳагенскій вождь годами
Едва свершилъ . . . вы здѣсь, съ душой
Героевъ - старцевъ, блескъ вашъ зрѣвшихъ,
За вами къ торжествамъ летѣвшихъ;
Вашъ гласъ вѣщаетъ ихъ сердцамъ:
Они — покорны будутъ вамъ.
Изшедъ, какъ вихрь, изъ нѣдръ могилы,
Въ обычны облачася силы,
Суворовъ къ вамъ возноситъ гласъ;
Онъ живъ, не умиралъ для васъ;
Живъ для Россіи, для вселенной;
Его гремитъ къ вамъ гласъ священной:
„О чудо! вы богатыри! (*)
„Среди кровопролитной при
„Вамъ Богъ, самъ Богъ путеводитель;

(*) Слова Суворовы, изъ Науки побѣждать.

„ Онъ нашихъ воинствъ Повелитель,
„ Богатырей — Онъ Генералъ!
„ Онъ вамъ для ходу вѣтры далъ. . . .
„ Еще безпечно врагъ коснѣетъ;
„ А грозна Росска буря вѣетъ:
„ Настигла, дунула: гдѣ врагъ?
„ Все штыкъ низвергъ, пронырства страхъ (*).
„ Кровь богатырская не стынетъ;
„ Штыкомъ длань ваша грозно двинетъ!
„ Ступайте! съ вами буду я!"

Герой! ты правъ! душа твоя
И днесь средь насъ еще блистаетъ:
Врагамъ о томъ *Пультускъ* вѣщаетъ,
И *Прейсшъ - Ейлавъ* то повторилъ:
Ты впереди, врагъ отступилъ! . . .

Вождь Галловъ дерзкій, вѣроломный,
Коварствомъ побѣждать способный,
Въ чемъ убѣдиться ты хотѣлъ?
Мы любимъ ли родной предѣлъ?
Узналъ! . . . и ты предашь въ потомство,
Что тамъ не можетъ вѣроломство

(*) Туланжонъ, членъ Парижскаго Института и старый военослужащій, говоритъ въ исторіи своей о Французской революціи, что „ Французской солдатъ бѣжитъ отъ „ штыка, сберегая себя для пользы отечества и что сіе бѣгство есть плодъ „ просвѣщенія! . . . ." *Часть III.*

Сердца корыстью обольстить,
Гдѣ слово стыдъ, въ законъ вмѣняли;
Гдѣ имъ условія скрѣпляли,
Страшась невѣрнымъ слову быть!
И сильный Персовъ побѣдитель,
Державъ обширнѣйшихъ рушитель,
Страшился въ Скиѳскій край войти. . . .
Воспомни! что ему пути
Въ селенья Скиѳовъ преграждало?
Ихъ твердыхъ нравовъ чистота.
Не тѣ ли самыя мѣста,
Гдѣ Скиѳовъ мужество блистало,
Гдѣ дивный духъ сіялъ Славянъ,
Теперь — жилище Россіянъ? . . . .

Нашъ край, обитель бурь и хлада,
Намъ кажетъ райскихъ видъ долинъ;
Для Росса первая отрада,
Внимать: „и онъ Россіи сынъ!“

7 Марта 1807.

Городъ Сычевка, село Суботники.

Сергѣй Глинка.

Почтенный г. Сочинитель сихъ стиховъ сообщилъ Издателю Вѣстника слышанныя имъ изреченія вѣрныхъ сыновъ Отечества. Онѣ достойны вниманія благосклонныхъ нашихъ читателей:

Захаръ Мухинъ: „Недавно представилъ я въ службу сына моего; готовъ самъ идти за нимъ.“

Сержантъ Егоръ Балахинъ: „Я служилъ четыремъ Государямъ; радъ служить пятому.“

Третій: „Русскому солдату одна мать сырая земля отставка.“

Четвертый: „Глаза худо видятъ; зубами пойду на врага!“

III.

БАСНИ.

1.

Мартышки и Левъ.

Мартышки тѣшились лаптой.
Вотъ какъ: одна изъ нихъ, сидя на пнѣ, держала
Въ колѣняхъ голову другой;
Та, лапки на спину, зажмурясь, узнавала
Кто билъ. — Хлопъ! хлопъ! — „Патапъ,
проворнѣй! кто?“ — Мирошка!
„Сорвалъ!“ — и всѣ, какъ бѣсы, врозь!
Прыжки, кувырканье впередъ и взадъ и вкось;
Крикъ, хохотъ, пискъ! Одна мяукаетъ какъ кошка,
Другая, ноги вверхъ, повисла на суку,
А третья ну скакать сорокой по песку!

Такого поискать веселья!
Вдругъ изъ лѣсу на шумъ выходитъ Левъ,
Ученый, смирный принцъ, братъ внучатный царевъ:
Ботанизировалъ по рощѣ отъ бездѣлья.
Мартышкамъ матъ;
Ни пикнутъ, струсили, дрожатъ!
Здѣсь праздникъ! Левъ сказалъ: чтожъ тихо? забавляйтесь.
Играйте, дѣтушки, не опасайтесь!
Я добръ! хотите ли и самъ въ игру войду! —
„Ахъ! милостивый князь, какое снисхожденье!
Какъ вашей свѣтлости быть съ нами на ряду!
Съ Мартышками играть! вашъ санъ! нашъ долгъ! почтенье . . . “ —
Пустое! что за долгъ! я такъ хочу; смѣлѣй!
Не всѣ ли мы равны! выбъ сами тожь сказали,
Когда бы, такъ какъ я, философовъ читали!
Я, дѣтушки, не чванъ! вы знатности моей
Не трусьте! ну начнемъ! — Мартышки верть глазами,
И вѣря (какъ и всѣ) привѣтника словамъ,
Опять играть; гвоздятъ другъ друга по рукамъ.
Братъ царскій хлопъ! и вдругъ подъ царскими когтями

Изъ лапки брызжетъ кровь ключомъ!
Мартышка ой! и прочь, трясь хвостомъ,
Кто билъ, не думавъ, отгадала;
Однако промолчала.
Хохочетъ князь; другія ротъ скривя,
Тудажь за бариномъ смѣются,
Хотя отъ смѣха слезы льются,
И задомъ, задомъ, въ лѣсъ! Бѣгутъ, и про себя
Бормочутъ: не играй съ большими господами!
Добрѣйшіе изъ нихъ съ когтями!

В. Ж — ій.

2.

Котъ и Мышь.

Случилось такъ, что Котъ Федотка-сыроѣдъ,
Сова Трофимовна - сопунья
И Мышка - хлѣбница и Ласточка - прыгунья,
Всѣ плуты, сколько-то не помню лѣтъ,
Не вмѣстѣ, но въ одной дуплистой, дряхлой ели
Пристанище имѣли.
Подмѣнилъ ихъ стрѣлокъ, и сѣтку на дупло.
Лишь только ночь отъ дня свой сумракъ отдѣлила
(Въ тотъ часъ, какъ на поляхъ ни тёмно, ни свѣтло,

Когда не видя ждешь небеснаго свѣтила),
Нашъ Котъ изъ норки шасть, и прямо брякъ подъ сѣть.
Бѣда Федотушкѣ! приходитъ умереть:
Копышется, хлопочетъ;
Взмяукался мой Котъ;
А Мышка воръ какъ тутъ! ей пиръ; въ ладоши бьётъ,
Хохочетъ.
Сосѣдушка, не льзяль помочь мнѣ? — изъ сѣтей
Сказалъ умильно узникъ ей:
Богъ добрымъ воздаянье!
Тыжь, нещичко мое, душа моя, была,
Не знаю почему, всегда мнѣ такъ мила,
Какъ свѣтъ моихъ очей! какъ дневное сіянье!
Я нынче къ завтренѣ спѣшилъ —
(Всѣхъ набожныхъ Котовъ обыкновенье) —
Но знать невѣденьемъ предъ Богомъ погрѣшилъ,
Знать окаянному за дѣло искушенье!
По волѣ Вышняго подъ сѣть попалъ!
Но гнѣвный милуетъ: несчастному въ спасенье,
Тебя мой Богъ сюда послалъ!
Сосѣдка, помоги! — „Помочь тебѣ! злодѣю!
Мышатнику! Коту! съ ума ли я сошла!
Избавь его, себѣ на шею!“ —
Ахъ, Мышка! — молвилъ Котъ — тебѣль хочу я зла?
Напротивъ я съ тобой сей часъ въ союзъ вступаю!

Сова и Ласточка твои враги:
Прикажешь? въ мигъ ихъ уберу! — „Я знаю,
Что ты сластена-котъ! но словъ поберегі,
Меня не обмануть такимъ красивымъ слогомъ!
Глуха я! оставайся съ Богомъ!" —
Лишь хлѣбница домой,
А Ласточка ужь тамъ: назадъ! на ель взбираться!
Тутъ новая бѣда: столкнулася съ Совой,
Куда дѣваться?
Опять къ Коту; грызть, грызть тенета! удалось!
Благочестивый разпутялся;
Вдругъ ловчій изъ лѣсу съ дубиной показался,
Союзники скорѣй давай Богъ ноги, врозь!
И тѣмъ все дѣло заключилось.
Потомъ опять Коту увидѣть Мышь случилось.
Ахъ! другъ мой, дай себя обнять!
Боишься? постыдись; твой страхъ мнѣ оскорбленье!
Грѣшно союзника врагомъ своимъ считать!
Могу ли позабыть, что ты мое спасенье,
Что ты моя вторая мать?
„А я могуль не знать,
Что ты котище-объѣдало?
Что Кошка съ Мышкою не ладятъ никогда!
Что благодарности въ васъ духу не бывало!
И что по нуждѣ связь не можетъ быть тверда?"

В. Ж — ій.

IV.

Письмо города N. N. въ столицу.

Благодарю за присылку хорошихъ книгъ. Нашедши въ *Сочиненіяхъ и переводахъ Петра Макарова* статьи, которыя печатаны были въ Московскомъ Меркуріѣ, я вспомнилъ пріятные вечера, проведенные мною въ маленькомъ нашемъ обществѣ любителей чтенія. Вы знаете, что въ N. N. нѣтъ ни лицеевъ, ни музеевъ, ни клубовъ, ни театра. Нужда, виновница общежитія, шепнула на ухо пяти или шести изъ числа здѣшнихъ почтеннѣйшихъ гражданъ, чтобъ согласились составить временную библіотеку, выписать новыя книги и журналы, и проводить по нѣскольку вечеровъ каждую недѣлю, занимаясь чтеніемъ и разговорами — только не о погодѣ, но о словесности и наукахъ. Въ доказательство, что вечернія наши засѣданія ни мало не походили на собранія Квакеровъ, скажу, что и женщины иногда удостоивали насъ своею бесѣдою. Несходство душевныхъ свойствъ, образа жизни, воспитанія, часто подавало случай къ спорамъ; такъ напримѣръ, пожилой нашъ Ассессоръ — которой долго учился въ Кіевской Академіи, и котораго здѣсь называютъ любезнымъ педантомъ, за то что иногда мѣшаетъ въ разговорѣ Латинскія пословицы, и часто ссылается на Аристотеля и Цицерона — нашъ,

говорю, Ассессоръ обыкновенно морщился, когда почти всѣ смѣялись, читая критическія замѣчанія въ Меркуріѣ на новыя книги. Онъ хладнокровно доказывалъ, что разсматриватель книгъ долженъ говорить дѣло, и основывать свои сужденія на правилахъ, преподанныхъ великими писателями; что книги издаются или для наученія людей несвѣдущихъ, или чтобы доставить просвѣщеннымъ удовольствіе, — слѣдственно хорошій вкусъ отнюдь не можетъ оскорбляться языкомъ Грамматики (*); что по той же самой причинѣ о мѣстоименіяхъ, гдѣ требуетъ надобность, можно упоминать безъ зазрѣнія совѣсти. Помню, какъ наши собесѣдницы сердились на грубаго критика Французскаго, которой безжалостно шутилъ надъ милымъ Александромъ Сегюромъ (**), вздумалъ проповѣдывать, будто *кокетка не даетъ никакого понятія о женщинѣ, равно какъ летиметръ не даетъ понятія о человѣкѣ*, и будто *слабость силъ налагаетъ на женщину обязанности повиноваться мужу, нянчить дѣтей, смотрѣть за домомъ*; помню, какъ онѣ благодарили Издателя, которой въ умныхъ примѣчаніяхъ своихъ опровергалъ пустословіе Зоила, и утверждалъ, что *слабость женщинъ не доказываетъ власти мущинъ*, —

(*) См. *Моск. Мерк. Май*, стран. 124.
(**) Тамъ же Іюль стран. 53.

что *слонъ сильнѣе человѣка, однакожъ повинуется ему*, — что *прекрасная женщина повелѣваетъ вездѣ, а не только въ супружескомъ домѣ*, и что *прекрасная женщина видитъ міръ у ногъ своихъ.* Строгой нашъ Ассессоръ, качая головою, говорилъ: „намъ твердили, что *мужъ глава женѣ*, и что *жена да боится своего мужа*! Настали другія времена . . . . О модное воспитаніе!"

Не извѣстно мнѣ, какъ вы думаете, о критикѣ г-на Макарова на книгу подъ названіемъ: *Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ Россійскаго языка.* У насъ много было говорено о критикѣ и о самой книгѣ. Почтенной сочинитель Разсужденія о слогѣ имѣлъ намѣреніе показать, и показалъ, своимъ соотечественникамъ, какія слѣдствія для нашего языка, даже для нравовъ, произошли отъ нерадѣнія о чтеніи книгъ Славенскихъ, отъ моднаго воспитанія, и отъ слѣпой привязанности къ языку и обычаямъ чужеземнымъ. Слѣдствія сіи извѣстны всѣмъ благомыслящимъ. — (*) . . . . Когда сообщеніемъ своимъ сближились мы съ чужестранными народами, а особливо Французами; тогда, вмѣсто занятія отъ нихъ единыхъ токмо полезныхъ наукъ и художествъ, стали перенимать мѣлочные ихъ обычаи, наружные

(*) Разсужд. о стар. и нов. слогѣ стр. 351.

виды, тѣлесныя украшенія, и часъ отъ часу болѣе дѣлаться совершенными ихъ обезьянами. Все то, что собственное наше, стало становиться въ глазахъ нашихъ худо и презрѣнно. Они учатъ насъ всему: какъ одѣваться, какъ ходить, какъ стоять, какъ пѣть, какъ говорить, какъ кланяться, и даже какъ сморкать и кашлять. Мы безъ знанія языка ихъ почитаемъ себя невѣждами и дураками. Пишемъ другъ къ другу пофранцузски. Благородныя дѣвицы наши стыдятся спѣть Русскую пѣсню. Мы *кликнули клич*ъ, кто изъ Французовъ, какова бы роду, званія и состоянія онъ ни былъ, хочетъ за дорогую плату, сопряженную съ великимъ уваженіемъ и довѣренностію, принять на себя попеченіе о воспитаніи нашихъ дѣтей. Явились ихъ престрашныя толпы; стали насъ брить, стричь, чесать. Научили насъ удивляться всему тому, что они дѣлаютъ; презирать благочестивые нравы предковъ нашихъ, и насмѣхаться надъ всѣми ихъ мнѣніями и дѣлами. Однимъ словомъ, они запрягли насъ въ колесницу, сѣли на оную торжественно, и управляютъ нами, — а мы ихъ возимъ съ гордостію, и тѣ у насъ въ посмѣяніи, которые не спѣшатъ отличать себя честію возить ихъ! Не могли они истребить въ насъ свойственнаго намъ духа храбрости; но и тотъ не защищаетъ насъ отъ нихъ: мы учителей своихъ поѣждаемъ

оружїемъ, а они побѣдителей своихъ побѣждаютъ комедїями, пудрою, гребенками. Отъ сего-то между прочими вещами родилось въ насъ и презрѣнїе къ Славенскому языку."

Напередъ можно было угадать, что Издателю Московскаго Меркурїя книга сїя не полюбится. Читая съ великимъ удовольствїемъ журналъ его, и одобряя хорошїй слогъ, мы не могли однакожь понять, какую цѣль предположилъ себѣ Издатель Меркурїя. Любезной нашъ педантъ, готовъ былъ удариться объ закладъ, что все помѣщаемое въ Меркурїѣ вытекаетъ изъ пера какого-нибудь хитраго Француза, которой умышленно взялся кормить насъ сладкою отравою. „Какъ можно статься — говорилъ онъ — чтобы Русской написалъ о развратной женщинѣ: *Славная Француженка Ланкло почитается такою женщиною, какой не было — и можетъ быть не будетъ — другой! Не сдѣлавъ ничего героическаго, блестящаго, она предала имя свое безсмертїю одною только любезностїю! . . . И нѣтъ еще ста лѣтъ, какъ сїе солнце угасло, какъ сей феноменъ — единственный въ мїрѣ — скрылся* (*)! — Французы дѣйствительно почитаютъ ее *безсмертною*, *единственною*; но мы,

(*) Моск. Мерк. Іюнь стран. 160.

слава Богу, не Французы! Женщина, которая почти столѣтнюю жизнь свою провела въ постыднѣйшемъ распутствѣ, соблазняла стариковъ и юношей, отцовъ и сыновей, свѣтскихъ людей и духовныхъ, — женщина, которая собственнаго сына своего едва не довела до ужаснѣйшаго преступленія, у насъ не можетъ прославиться сими великими дѣяніями. Я люблю хорошій слогъ; но пользу общую, но истину люблю еще больше. Въ то время, когда еще у всѣхъ въ свѣжей памяти ужасы революціи, когда на губахъ цареубійцъ еще не засохла кровь добраго Короля, которую торжественно пили злодѣи; когда Европа взираетъ на Францію, какъ на гнѣздилище разврата, пріятно ли находить въ Русской книгѣ самое набожное уваженіе ко Французскимъ нелѣпостямъ!" Думаю, не нужно увѣрять васъ, что я почти во всемъ соглашался съ нашимъ Ассесоромъ.

Одинъ благомыслящій Французъ, по имени Мессальеръ, бывшій въ Петербургѣ съ Посломъ Французскимъ Опиталемъ, въ царствованіе Императрицы Елисаветы, въ запискахъ своихъ о Россіи говоритъ: Nous fumes assaillis par une nuée de Français de toutes les couleurs, dont la plupart après avoir eu des demêlés avec la police de Paris, sont venus infester les régions

ſeptentrionales. Nous fumes étonnés et affigés de trouver chez beaucoup de grands ſeigneurs des déſerteurs, de banquerutiers, des libertins, et beaucoup de femmes du même genre, qui par la prévention que l'on a en faveur des Français, étoient chargés de l'éducation des enfans de la plus grande importance. То есть: „Мы обступлены были шучею всякаго рода Французовъ, изъ коихъ главная часть, поссорясь съ Парижскою Полицїею, пришли заражать сѣверныя страны. Мы поражены были удивленїемъ и сожалѣнїемъ, нашедъ у многихъ знатныхъ господъ, бѣглецовъ, промотавшихся, распутныхъ людей, и множество такогожь рода женщинъ, которымъ по предубѣжденїю къ Французамъ поручено было воспитанїе дѣтей, самыхъ знаменитѣйшихъ.“ Г. Сочинитель Разсужденїя о слогѣ, сославшись на свидѣтельство Француза — которой конечно писалъ, что видѣлъ своими глазами — прибавляетъ слѣдующее замѣчанїе (*): „Вообразимъ себѣ успѣхи сей заразы, толь издавна водворившейся между нами, и отчачасу болѣе распространяющейся! Когда и самый благоразумный и честный чужестранецъ не можетъ безъ нѣкотораго вреда воспитать чужой земли юношу; то какой же произведутъ вредъ множество таковыхъ вос-

(*) Стр. 353.

питателей, изъ коихъ главная часть состоитъ изъ невѣждъ и развращенныхъ правилъ людей? . . . Русской, воспитанной Французомъ, всегда будетъ больше Французъ, нежели Русской." — Въ критикѣ ни слова не упомянуто о свидѣтельствѣ Месальера; ни чѣмъ не опровергнуто мнѣнїе Г-на Сочинителя; сказано только, что Русской Грамматикѣ надобно учиться у Русскаго, а всему прочему у иностранцевъ, и что не надобно оскорблять Французскихъ учителей, которыхъ будто бы мы сами вызвали. „Если Издатель Меркурїя — отвѣчаетъ господинъ Сочинитель Разсужденїя о слогѣ въ отвѣтѣ своемъ на критику (*) — подъ словомъ *вызвали* разумѣетъ времена Петра Великаго, когда иностранцы приглашаемы были въ Россїю; то и тогда вызывались корабельные мастера, хлѣбопашцы, художники, а не учители для воспитанїя нашихъ дѣтей. Наконецъ скажу и то, что еслибъ, вѣря чудесамъ, и положить, что изъ приѣзжающихъ сюда Французовъ, обирающихъ насъ, и послѣ ругающихъ въ книгахъ своихъ, всѣ безъ изъятїя суть люди добропорядочные и разумные; то и тогда не желалъ бы я, чтобъ тотъ народъ, въ которомъ толикое растлѣнїе всѣхъ нравовъ и разрушенїе всѣхъ добродѣтелей оказалось, былъ воспитателемъ и наставникомъ нашимъ."

(*) См. Прибавленїе стр. 157.

Еще прежде Издателя Московскаго Меркурія Лжеисторикъ Леклеркъ написалъ, что Русской языкъ бѣденъ, и что по крайней нуждѣ принято великое множество словъ чужестранныхъ. „Если бы сіе было правда — отвѣчаетъ Болтинъ въ своихъ Примѣчаніяхъ — то бы не могли быть переведены съ Греческаго языка на Славенскій столько твореній знаменитѣйшихъ Отцевъ Восточныя Церкви, изъ коихъ вся красота, пышность, чистота и великолѣпіе Еллинскаго витійства, безъ заимства словъ чуждыхъ, перенесены въ языкъ Славенскій . . . . . Правда и то, что въ Русскомъ языкѣ недостаетъ многихъ словъ относительныхъ до наукъ и художествъ, коихъ въ Россіи не было прежде; но какой же языкъ можетъ тѣмъ похвалиться, чтобы вводя новую науку или художество, не заимствовалъ или не вводилъ и новыхъ реченій, употребляемыхъ въ той наукѣ или художествѣ? . . . . Не взирая однакожь на всеобщее осмѣяніе и укоризну, довольно еще осталось такихъ, кои, будучи воспитаны въ рукахъ Французскихъ, и научась у нихъ отъ юности все Русское презирать, не стараются или не хотятъ узнать природнаго своего языка, и по необходимости, не умѣя на немъ объясниться, мѣшаютъ въ разговорѣ своемъ половину словъ Французскихъ. Знающіежь природной свой языкъ, кромѣ необходимости, ино-

странныхъ словъ въ разговорахъ не употребляютъ, а на письмѣ и того меньше."

О мнимой бѣдности Русскаго языка господинъ Сочинитель Разсужденія о слогѣ пишетъ слѣдующее: „(*) Мнѣніе, что языкъ нашъ бѣденъ, и что недостаетъ въ немъ словъ для выраженія *утонченныхъ понятій*, есть ложное. Оно поселилось въ насъ отъ пристрастія нашего къ Французскому языку, и отъ незнанія чрезъ то своего собственнаго. Доколѣ дѣтямъ нашимъ настоящіе *батюшки* будутъ Французы (**); доколѣ не перестанемъ мы утѣшаться, что маленькой сынъ нашъ, не зная Русской азбуки, умѣетъ уже наизусть читать цѣлые монологи изъ Французскихъ трагедій; доколѣ дочери наши будутъ думать, что скорѣе могутъ онѣ выдти за мужъ безъ приданаго,

(*) См. Прибав. стран. 67.

(**) Между учителемъ и воспитателемъ есть великое различіе: одинъ обогащаетъ умъ нашъ науками, а другой влияетъ въ сердце наше свои страсти, свои мнѣнія, свои понятія, свои склонности, однимъ словомъ, созидаетъ въ насъ душу и нравъ. Между правами учителя и правами отца есть превеликая разность; но между правами воспитателя и правами отца почти нѣтъ никакой. *Примѣч. Сочин. Разсужд.*

чемъ безъ Французскаго языка; доколѣ племянники и внуки, племянницы и внучки наши, говоря со стариками дѣдушками своими, вмѣсто: *позвольте мнѣ, дѣдушка сударь, съѣздить къ сестрицѣ*, говорить станутъ: *пустите меня монъ гранъ перо къ моей кузинѣ*; доколѣ писатели наши такимъ же, или подобнымъ сему полурусскимъ складомъ писать будутъ: до тѣхъ поръ коренной и богатой языкъ нашъ отчасу болѣе будетъ оскудѣвать или дѣлаться мертвымъ, а новая непонятная гиль на мѣсто онаго возрастать и умножаться. . . . . Читайте больше собственныя свои книги, нежели чужестранныя, привыкните объясняться своимъ языкомъ, и тогда вы увидите, что онъ изобиленъ и богатъ. Познавъ красоту его и силу, вы бросите Французской языкъ, такъ какъ дитя бросаетъ любимую свою деревянную игрушку, когда покажутъ ему такую же золотую. Напримѣръ: вы говорите, въ нашемъ языкѣ нѣтъ слова patriote; но скажите, есть ли во Французскомъ языкѣ понятіе равносильное тому, какое заключается въ нашемъ выраженіи: *сынъ отечества*? Мы не можемъ выразить ихъ слова héroïsme (*); но могутъ ли они выразить наше

(*) Надлежалобы еще прибавить, что и patriote, и héroiſme суть слова Греческія, и что Французы ни того, ни другаго

слово *добледушіе*? У насъ нѣтъ слова ſaiſon; но есть ли у нихъ слово *погода*? Подобныхъ примѣровъ найдемъ мы тысячи. Чтожь изъ сего заключить должно? То, что мы отъ того токмо чувствуемъ бѣдность языка своего, что не вникаемъ въ него, не знаемъ богатства онаго, точно такъ, какъ бы кто, имѣя у себя тысячу имперіаловъ, считалъ себя нищимъ для того, что у него нѣтъ ни одного луйдора.“

Мое письмо покажется вамъ длиннымъ; сердитесь, или нѣтъ, но я еще выпишу нѣсколько страницъ, которыя должно выучить наизусть. „Сія ненависть (*) къ языку своему (а съ нимъ по немногу, постепенно, и къ сродству, и къ обычаямъ, и къ вѣрѣ, и къ отечеству) уже такъ сильно вкоренилась въ насъ, что мы видимъ множество отцовъ и матерей радующихся и упѣщающихся, когда дѣти ихъ, не умѣя порядочно граматѣ, лепечутъ полурусскимъ языкомъ; когда они, вмѣсто зданіе, говорятъ *эдефисъ*; вмѣсто меня удивило, меня *фрапировало* и проч. Я самъ слышалъ одного дядю, которой племянника своего, называв-

---

не умѣютъ сказать на своемъ языкѣ. *Изд.*

(*) Разсужд. о слогѣ стр. 315.

шаго людей его слугами, училъ, чтобъ онъ впредь отъ этаго простонароднаго названія отвыкалъ, утверждая, что между знающими свѣтское обращеніе людьми не говорится *слуга*, но *лакей*. Какъ нынѣ смѣшонъ и страненъ покажется тотъ приѣзжій, развѣ изъ глухой деревни, отецъ, которой съ неосторожностію молвитъ: *у меня дѣтей моихъ обучаетъ Русской полъ, а воспитываю ихъ я самъ!* Напротивъ того какъ благороденъ и просвѣщенъ тотъ, которой съ остроуміемъ скажетъ: *какъ я счастливъ! я отдалъ сего дня дѣтей моихъ на воспитаніе Французскому аббату!* — Я чувствую, что здѣсь въ тысячу голосовъ возопіютъ на меня: сумасшедшій! что ты бредишь? да есть ли у насъ такіе учители, которымъ бы воспитаніе дѣтей поручить можно было? — Изъ сихъ тысячи голосовъ я отвѣчаю токмо нѣкоторымъ: вопервыхъ, я подъ именемъ воспитанія разумѣю больше *полезный отечеству духъ*, нежели *ловкое тѣлодвиженіе*; вовторыхъ, доколѣ не перестанемъ мы ненавидѣть свое и любить чужое, до тѣхъ поръ ничего у насъ не будетъ. Англичанинъ не гоняется за Французскимъ воспитаніемъ и за языкомъ ихъ, не нанимаетъ кучеровъ ихъ учить себя, но онъ Англичанинъ: дѣлами искусенъ, словами краснорѣчивъ, нравомъ добръ, и свѣтскимъ обращеніемъ пріа-

ятенъ по своему. Народъ, которой все перенимаетъ у другаго, его воспитанію, его одеждѣ, его обычаямъ послѣдуетъ, такой народъ уничижаетъ себя, и теряетъ собственное свое достоинство; онъ не смѣетъ быть господиномъ, онъ рабствуетъ, онъ носитъ оковы его, и оковы тѣмъ крѣпчайшія, что не гнушается ими, но почитаетъ ихъ своимъ украшеніемъ."

Издатель Меркурія, которой, какъ послѣ оказалось, умышленно давалъ другой толкъ мнѣніямъ господина Сочинителя о слогѣ, приписываетъ ему то, чего онъ не говорилъ, и не хотѣлъ говорить. Г. Сочинитель въ Разсужденіи своемъ на многихъ мѣстахъ совѣтуетъ и желаетъ, чтобы мы гордились именемъ Россіянъ, любили бы свое отечество, занимали бы у другихъ народовъ только доброе и полезное; а Издатель Меркурія выводитъ заключеніе, будто онъ презираетъ науки, и хочетъ просвѣщеніе превратить въ невѣжество; ибо что другое значитъ вопросъ: *не уже ли Сочинитель, для удобнѣйшаго возстановленія стариннаго языка, хочетъ возвратить насъ и къ обычаямъ и къ понятіямъ старинныимъ?* — „Почему — отвѣчаетъ между прочимъ господинъ Сочинитель Разсужденія о слогѣ (*) — обычаи

(*) См. Прибавл. стр. 159.

и понятія предковъ нашихъ кажутся вамъ достойными такого презрѣнія, что вы не можете и подумать объ нихъ безъ крайняго отвращенія? Нравы и обычаи во всякомъ народѣ бываютъ троякаго рода: добрые, худые и невинные, то есть ни худа ни добра въ себѣ не заключающіе. Мы видимъ въ предкахъ нашихъ примѣры многихъ добродѣтелей: они любили отечество свое, тверды были въ вѣрѣ, почитали Царей и законы; свидѣтельствуютъ въ томъ Гермогены, Филареты, Пожарскіе, Трубецкіе, Палицыны, Мнинины, Долгорукіе и множество другихъ. Храбрость, твердость духа, терпѣливое повиновеніе законной власти, любовь къ ближнему, родственная связь, безкорыстіе, вѣрность, гостепріимство, и иныя многія достоинства ихъ украшали. Одно сіе изреченіе: *а кто измѣнитъ, или нарушитъ данное слово, тому да будетъ стыдно*, показываетъ уже, каковы были ихъ нравы. А гдѣ нравы честны, тамъ и обычаи добры. Чтожь въ предкахъ нашихъ было худаго, и чемъ докажете вы, что другіе народы были ихъ лучше? Буде же мы за худость обычаевъ ихъ возмемъ, что они не все то знали, что мы нынѣ знаемъ, такъ вопервыхъ эта не ихъ вина: время на время не походитъ; а вовторыхъ, просвѣщеніе не въ томъ состоитъ, чтобы напудренной сынъ смѣялся надъ отцемъ своимъ ненапудреннымъ. Мы

не для того обрили бороды, чтобъ презирать тѣхъ, которые ходили прежде, или ходятъ еще и нынѣ съ бородами; не для того надѣли короткое Нѣмецкое платье, дабы гнушаться тѣми, у которыхъ долгіе зипуны. Мы выучились танцовать миноветы; но за что же насмѣхаться намъ надъ сельскою пляскою бодрыхъ и веселыхъ юношей, питающихъ насъ своими трудами? Они такъ точно пляшутъ, какъ бывало плясывали наши дѣды и бабки. Должны ли мы, выучась пѣть Италіянскія аріи, возненавидѣть подблюдныя пѣсни? Должны ли о Святой недѣлѣ изломать всѣ лубки для того только, что въ Парижѣ не катаютъ яйцами? Просвѣщеніе велитъ избѣгать пороковъ, какъ старинныхъ, такъ и новыхъ; но просвѣщеніе не велитъ ѣдучи въ каретѣ гнушаться телегою. Напротивъ, оно соглашаясь съ естествомъ, раждаетъ въ душахъ нашихъ чувство любви даже и къ бездушнымъ вещамъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ родились предки наши и мы сами. Послушаемъ въ Метастазіевой оперѣ Ѳемистоклова отвѣта на сей вопросъ. Ѳемистоклъ, полководецъ Аѳинскій, рашуя противъ Персидскаго Царя Ксеркса, оказалъ великія отечеству заслуги; наслаждался въ немъ славою; но напослѣдокъ, коварствами злодѣевъ своихъ изгнанъ былъ изъ онаго Скитающійся и не имѣющій никакого пристаница, прибѣгаетъ онъ къ непріяте-

лю своему Царю Персидскому. Великодушный Ксерксъ приемлетъ его, забываетъ прежнюю вражду, поручаетъ ему свои войска, и пылая еще гнѣвомъ противъ Аѳинъ, повелѣваетъ ему — разорить ихъ. Ѳемистоклъ, услышавъ сїе, повергаетъ жезлъ повелительства къ стопамъ его, и отрицается идти противъ отечества. Тогда разгнѣванный Ксерксъ, напоминая ему о неблагодарности Аѳинъ, и о своихъ благодѣяніяхъ, спрашиваетъ, что такое любитъ онъ столько въ отечествѣ своемъ? Ѳемистоклъ отвѣчаетъ:

Tutto, Signor, le ceneri degli avi,
Le ſacre leggi, i tutelari Numi,
La favella, i coſtumi,
Il ſudor che mi coſta,
Lo ſplendor che ne trassi,
L'aria, i tronchi, il terren, le mura, i ſassi.

„Переведемъ — продолжаетъ почтенный г. Сочинитель Разсужденія о слогѣ — сїи божественные стихи; они потеряютъ красоту, но намъ нуженъ токмо смыслъ оныхъ. „Все, государь, прахъ моихъ предковъ, священные законы, покровителей боговъ, „языкъ, обычаи, потъ мною для него „(отечества) пролїянный, слава отъ того полученная, воздухъ, деревья, земля, „стѣны, каменья.“

Сіи и подобныя имъ мѣста Ассессоръ нашъ вписалъ въ особую тетрадку, и читалъ намъ каждую недѣлю по крайней мѣрѣ по одному разу. Нѣкоторые говорили, что господинъ Сочинитель Разсужденія о слогѣ уже слишкомъ ожесточается противъ Французскаго языка и вообще противъ Французовъ. Ассессоръ тотчасъ опровергъ сіе возраженіе, показавъ мѣста въ Разсужденіи о слогѣ и въ Прибавленіи къ нему, гдѣ господинъ Сочинитель отзывается съ уваженіемъ о знаменитыхъ Французскихъ писателяхъ и даже во многомъ ссылается на нихъ; онъ хочетъ только, для собственной нашей пользы, чтобы Русскіе учились болѣе природному своему языку, нежели иностраннымъ. Еще говорили, что теперь невозможно и нѣтъ надобности возвращаться къ обычаямъ прародительскимъ. Ассессоръ, въ отвѣтъ на возраженіе, раскрылъ книгу (*), и прочиталъ собственныя слова господина Сочинителя: „Возвращаться же къ прародительскимъ обычаямъ нѣтъ никакой нужды; однако ненавидѣть ихъ не должно. Всякое время и всякое состояніе людей имѣетъ свои обычаи: прежде на охоту ѣзжали съ соколами, а нынѣ ѣздятъ съ собаками; купецъ ходитъ въ длинномъ кафтанѣ, а дворянинъ въ коротенькомъ; купецкая жена любитъ баню,

(*) См. Прибав. стр. 163.

а знатная госпожа ванну. Пускай всякой дѣлаетъ по своему; но не должно презирать ни дворянину купецкихъ обычаевъ, ни купцу дворянскихъ . . . . . Петръ Великій желалъ науки переселить въ Россію: но не желалъ изъ Россіянъ сдѣлать Голландцовъ, Нѣмцовъ, Французовъ; не желалъ Русскихъ сдѣлать нерусскими . . . . Великая Екатерина мудростію правленія своего распространила, возвеличила, прославила, украсила, просвѣтила Россію; но мудрость не отторгала ее отъ отечества: она любила Русскую землю, Русской народъ, Русскіе обычаи; сама ходила въ Русскомъ платьѣ; сама сочиняла великолѣпныя зрѣлища, представляющія древнія Русскія обыкновенія; сама въ извѣстныя времена въ чертогахъ своихъ учреждала Русскія игры, не столько для собственнаго увеселенія своего, сколько для показанія народу своему, что она, любя его, любитъ и всѣ, даже и самыя простыя, забавы его и обряды." — При концѣ критики на Разсужденіе о слогѣ сказано о господинѣ Сочинителѣ, что онъ *выдалъ книгу для иныхъ утомительную, для другихъ огорчительную, и не знаемъ къ чему полезную.* Послѣ этого прошу полагаться на судъ вашихъ критиковъ!

Впрочемъ, нашъ Ассессоръ не во всемъ согласенъ съ господиномъ Сочинителемъ Раз-

сужденія о слогѣ. Сообщу вамъ нѣкоторыя изъ замѣчаній его, которыя онъ по прозьбѣ моей нарочно сдѣлалъ, и подарилъ мнѣ въ знакъ дружбы. Вопреки мнѣнію господина Сочинителя о слогѣ (*), онъ утверждаетъ, что Славенской языкъ точно образованъ по свойству Греческаго, и что переводчики не мысли, но слова переводили. Ломоносовъ пишетъ въ Предисловіи о пользѣ книгъ церковныхъ: „Хотя не льзя прекословить, что „съ начала переводившіе съ Греческаго языка „книги на Славенскій не могли миновать и „довольно остеречься, чтобы не принять „въ переводъ свойствъ Греческихъ, Славен„скому языку странныхъ; однако оныя „чрезъ долготу времени слуху Славенскому „перестали быть противны, но вошли въ „обычай. И такъ что предкамъ нашимъ ка„залось невразумительно, то намъ нынѣ „стало пріятно и полезно.“ Свидѣтельству отца Россійскаго краснорѣчія можно бы повѣрить, не входя въ изслѣдованія. Но тысячи другихъ случаевъ еще болѣе убѣждаютъ насъ въ сей истинѣ. Сличимъ съ подлинникомъ переводъ *Символа вѣры*, *Молитвы Господней*, *Поздравленія Гавріилова*, или чего угодно; найдемъ слова поставленныя въ томъ же самомъ порядкѣ, имена въ тѣхъ же падежахъ, глаголы въ тѣхъ же наклоненіяхъ и временахъ, въ какихъ онѣ стоятъ на Греческомъ.

(*) См. Примѣчаніе стр. 83.

Кто не видитъ, что сложныя слова: *единороднаго единосущнаго, воплотившагося вочеловѣчившася, неискусобрачная* составлены въ то время, когда надлежало перевести μονογενῆ, ὁμοούσιον, σαρκωθέντα, ἐνανθρωπήσαντα, ἀπεφόγαμε и множество другихъ? Такимъ образомъ богатились всѣ языки. Должны ли мы слова и словосочиненія, находящіяся въ Славенскихъ нашихъ книгахъ, всѣ *безъ изъятія* употреблять въ нынѣшнемъ высокомъ слогѣ? Нѣтъ; ибо и Ломоносовъ (*) совѣтуетъ держаться книгъ церковныхъ, но только для изобилія реченій, а не для чистоты. *Преложалъ силою на брань, или облещись во крѣпость* (**), суть выраженія переведенныя отъ слова до слова, и притомъ метафорическія; однакожь всякой пойметъ ихъ безъ толкованія, потому что онѣ не противны свойству нашего языка; не льзя того сказать о слѣдующихъ фразахъ: *въ скорби распространить кого; утвердить на холмъ руку.* Выраженія: *умереть грѣху* (***), *раждаться въ животъ* (a) нынѣ потому неупотребительны, что противны свойству языка; *умрохолмъ грѣху* и *раждается въ животъ* поставлено въ Славенскомъ переводѣ для

(*) Ритор. §. 165.
(**) Разсужд. о слогѣ стр. 51.
(***) Разсужд. о слогѣ стр. 234.
(a) Тамъ же стр 229

того, что на Греческомъ стоитъ ἀπεθάνομεν τῇ ἁμαρτίᾳ, γεννᾶται εἰς ζωήν. Употреблять сіи выраженія въ нынѣшемъ слогѣ было бы тоже, что переводить un homme de grand air словами: *человѣкъ большаго воздуха.* — Слово *вѣтротлѣнный* (*), которое переведено съ Греческаго ἀνεμοφθορος (отъ ἄνεμος вѣтръ, и φθείρω порчу), не можетъ быть введено въ употребленіе, потому что подлинное значеніе онаго неизвѣстно, да и самой стихъ (Притч. 10,5), въ которомъ оно встрѣчается, весьма теменъ. Вообще тексты Священнаго Писанія надежнѣе повѣрять съ Греческою Библіею, нежели съ Нѣмецкими или Французскими. Толкуя смыслъ выраженія: (**) *Моавъ конобъ упованія моего* (Псал. 59), и сличивъ его съ переводомъ Французской Библіи Moab fera le bassin où je me laverai, потомъ Голландской и Нѣмецкой, господинъ Сочинитель заключаетъ, что вмѣсто *конобъ упованія* надлежитъ читать *конобъ* то есть сосудъ, *умыванія.* Справившись съ Греческою Библіею, съ которой наша переведена, тотчасъ можно было бы увидѣть, что стоитъ λέβης τῆς ἐλπίδος μου, то есть *конобъ упованія моего.* Далѣе, господинъ Сочинитель, сославшись на другой переводъ Нѣмецкой Библіи, гдѣ наши-

(*) Тамъ же стр. 226.
(**) Тамъ же стр. 450.

сано Moab ist der *Hafen* meiner Hofnung, говоритъ, что и въ Россійскомъ переводѣ, можетъ быть, выраженію сему данъ тотъ же смыслъ, и слово *конобъ* употреблено въ знаменованіи *пристанища* Hafen, bassin. Нѣтъ; здѣсь рѣчь идетъ не о *пристанищѣ*; ибо hafen точно значитъ *конобъ*, или горшокъ. Ассессоръ въ этомъ ссылается на словарь Аделунга.

Ни слова о тѣхъ господахъ, которые пишутъ *предметъ нѣжности моей*, *онъ вышелъ изъ его горницы спанья*, потому что Французы говорятъ objet de ma tendresse, il est sorti de sa chambre à coucher. Впрочемъ Ассессоръ крѣпко въ томъ стоитъ, что *развиваются способности*, *распускаются дарованія*, употреблять онъ не престанетъ: не потому что сіи выраженія сходствуютъ съ Французскимъ développer, о которомъ онъ знать не хочетъ; но потому что приличныя метафоры украшаютъ слово; а здѣсь знаменованіе переносится, и уподобленіе очень ясно. Способность открывать эстетическія красоты мы называемъ *вкусомъ*, разумѣя слово сіе въ переносномъ значеніи; для чего не называть его *грубымъ* и *тонкимъ*, какъ говоримъ *тулое*, *острое* зрѣніе? Кого винить, что всѣ народы изъясняютъ мысли свои словами заимственными, когда нѣтъ собственныхъ! Горацій говоритъ:

Mortalia facta peribunt,
Nedum ſermonum ſtet honos et gratia vivax;
Multa renaſcentur, quae jam cecidere, cadentque
Quae nunc ſunt in honore vocabula, si volet uſus,
Quem penes arbitrium eſt et jus et norma loquendi.

Остаюсь вашъ и проч.

Лука Говоровъ.

V.

Изъясненіе картинки.

Женщина, представленная на картинкѣ, одѣта въ бѣлое тафтяное платье съ тафтяною же по краямъ и на рукавахъ выкладкою, не плоскою, но въ видѣ лапокъ. Широкая лента, завязанная напереди бантомъ, служитъ вмѣсто пояса. Ожерелье и серьги коральковыя соотвѣтствуютъ цвѣту выкладки. Голову украшаетъ пучокъ искуственныхъ цвѣтовъ, и кудри висящіе на лбу и на вискахъ. Это полной нарядъ.

По обѣимъ сторонамъ висятъ шляпки и головные уборы.

ПОЛИТИКА.

I.

Сардинія.

Старая пословица *нѣтъ худа безъ добра* подтверждается и при нынѣшнихъ ужасныхъ перемѣнахъ въ Европѣ. Сардинія въ старину принадлежала трудолюбивымъ Карѳагенцамъ; слѣдственно считалась тогда въ числѣ просвѣщеннѣйшихъ областей. Теперь она совсѣмъ не то, что была прежде. Можетъ быть Король — до сихъ поръ только называвшійся именемъ сего острова, а нынѣ дѣйствительно владѣющій имъ — сдѣлаетъ что-нибудь полезное для своего Королевства, по которому не возможно было даже путешествовать, за недостаткомъ проѣзжихъ дорогъ. Жители не ломали головъ своихъ ни надъ какими науками. Сардинія была для нихъ вселенною. Они слыхали, что Король живетъ въ Туринѣ; но гдѣ находится Туринъ — не вѣдали. Одинъ Пьемонтской офицеръ, изъ Кельна родомъ, принималъ младенца отъ купели; священнику надобно было записать въ книгу воспріемниково имя и мѣсто рожденія. Слово изъ *Кельна* показалось ему слишкомъ учё-

нымъ. Желая добиться толку, онъ просилъ офицера изъяснить простѣе di quegl as partes, *изъ какой онъ стороны.* Такимъ образомъ въ Сардиніи спрашиваютъ каждаго чужестранца. У сельскихъ дворянъ не было стульевъ; женщины не заботились объ опрятности; сидя на землѣ, какъ Аравитянки, онѣ спокойно искали извѣстныхъ насѣкомыхъ. Домашніе служители являлись безъ чулокъ, съ голою шеею, въ худыхъ башмакахъ, съ запачканными руками, со всклокоченною головою — и въ кафтанахъ золотомъ обложенныхъ! Сладострастная болѣзнь была столь обыкновенна, что о ней говорили безъ зазрѣнія, какъ о насморкѣ или кашлѣ. Одна госпожа, напримѣръ, говорила не краснѣясь: „Мой мужъ теперь лѣчится въ Монпелье; я сама туда же поѣду, когда онъ возвратится.“ Лѣность и суевѣріе суть первые идолы Сардинцевъ. Богатство свое считаютъ они по числу овецъ, коровъ и козъ, подобно праотцамъ и Аравитянамъ. Денегъ мало; торговля производится по большей части обмѣномъ вещей. Нынѣ Король живетъ среди сей неопрятной невинности. Ежели удастся ему триста или четыреста тысячь дикихъ сдѣлать людьми; и ежели онъ имѣетъ къ тому желаніе, то удобно можетъ забыть о пышномъ Туринѣ, живучи въ Каліари.

(*Изъ Нѣм. Журн.*)

II.

Краснорѣчивая чепуха.

Всѣмъ извѣсто, что Бонапарте писалъ къ Императору Китайскому письмо, въ которомъ предлагалъ ему свою дружбу и союзъ, будучи увѣренъ, какъ онъ говорилъ, что *въ Китаѣ довольно знаютъ, какъ великъ и силенъ народъ Французской* . . . . Онъ увѣдомлялъ о намѣренiи своемъ напасть на Россiю со стороны Европы, и склонялъ Китайскаго Императора къ завоеванiю Сибири. Извѣстно также, что шесть дней сряду было разсуждаемо въ Совѣтѣ о предложенiи Французскаго правительства, и наконецъ сказано въ отвѣтъ, что „между Китаемъ „и Россiею существуютъ дружескiя связи, „и что Императоръ, не имѣя намѣренiя ни „расторгать сихъ связей, ни воевать съ со„сѣдами, проситъ, чтобы Бонапарте оста„вилъ его въ покоѣ.“

Очень вѣроятно, что до полученiя письма сего въ Пекинѣ никто не слыхалъ о томъ, кто предложилъ намѣренiя свои, совершенно противныя духу Китайскаго правительства. Наши Русскiе, проживши цѣлую зиму (1805 и 1806) въ Ургѣ, главномъ городѣ Монгольскомъ и столицѣ одного изъ ближайшихъ родственниковъ Китайскаго Им-

ператора, имѣли вѣрнѣйшій случай узнать, что звукъ славы преждебывшаго Консула совсѣмъ не доходилъ до внутреннихъ областей Китая; слѣдственно догадки Сенатора Ласепеда несправедливы. Сей дѣеписатель и ученикъ пресмыкающихся животныхъ думаетъ, что имя божка его *прославляется подъ дикими кожами, которыя неукротимый Татаринъ растягиваетъ близъ славныхъ стѣнъ древней Китайской Имперіи* (sous les peaux sauvages que deploye le Tartare indompté, près des murs fameux du vieux Empire des Chinois).

Въ сихъ немногихъ строчкахъ видимъ много ошибокъ. Во первыхъ Желтые Монголы, близь великой стѣны обитающіе, живутъ въ кибиткахъ, покрытыхъ не *дикими кожами*, но войлоками очень плотными. Далѣе, прилагательное *неукротимый* ни какъ не пристало къ Татарамъ, которыхъ записываютъ въ полки, и изъ которыхъ составлено земское войско. Наконецъ, Татаре никакъ не могли прославлять божка Ласепедова, потому что даже въ Монгольской столицѣ отъ роду никто не слыхалъ о немъ.

Скажутъ, что сіи выраженія суть не что иное, какъ прикрасы въ рѣчи. Безъ сомнѣнія! Но сенаторъ Ласепедъ долженъ бы

говорить передъ правительствомъ не такъ, какъ пишетъ естественную исторію. Ибо, когда сенатъ говоритъ правительству: *вами всѣ занимаются въ Китаѣ*; а правительство, повѣривши сенату, тотчасъ пишетъ въ Китай: *вы много о насъ говорите* — что выходитъ изъ того? Забава насмѣшникамъ!

III.

Дополненіе къ мыслямъ о произшествіяхъ 1806 года.

Въ Лондонѣ издана въ свѣтъ книжка подъ названіемъ: *Бумаги, относящіяся къ послѣднимъ переговорамъ о мирѣ между Великобриттаніею и Франціею, представленныя Парламентамъ соединеннаго Королевства*, 22 *Декабря* 1806. — Не будемъ изслѣдывать, полезно ли для народовъ и Государей дѣлать извѣстными сношенія договаривающихся сторонъ, когда война еще не окончилась, и когда бѣдствія, ею причиняемыя, отчасу увеличиваются, — или не лучше ли было бы, слѣдуя правиламъ прежней дипломатіи, внушать набожное благоговѣніе къ Министрамъ мира и къ таинству пожертвованій, которыя дѣлаются для заключенія мира? Сей вопросъ завелъ бы насъ очень далеко; но какъ переговоры, въ Парижѣ продолжавшіеся, обна-

родованы; то мы по сему случаю прибавимъ еще нѣкоторыя свои замѣчанія къ прежнимъ.

Разсматривая начало письма отъ Министра Фокса (*), не безъ удивленія видимъ, что сей искусный политикъ пишетъ къ Французскому Министру о такомъ дѣлѣ, которое существенно принадлежитъ до Полицїймейстеровъ Лондонскаго и Парижскаго. Г. Фоксъ говоритъ самъ: *кажется, что все сїе ничего не значитъ.* Каково бы намѣренїе г-на Фокса ни было, однакожь Французскїй Министръ подумалъ, что онъ хочетъ завести переговоры о мирѣ, и началъ дѣйствовать соображаясь съ симъ своимъ предположенїемъ. Законодательное сословїе не замедлило объявить (2 Марта 1806), что хочетъ мира; за основанїе приняты статьи Амьенскаго договора.

На увѣдомленїе о желанїи мира Фоксъ отвѣчаетъ тономъ довѣренности! Талейранъ, въ письмѣ своемъ отъ 1 Апрѣля на сей отвѣтъ, требуетъ только *равенства*; онъ хочетъ, чтобы не мѣшались во внутреннїя дѣла Французской торговли, и чтобы каждому предоставлена была свобода распоряжать своими таможнями по произволу. Все

(*) См. *Вѣст. Европ.* Нум. 4 стр. 296.

сіе точно соотвѣтствуетъ справедливости и умѣренности.

Французскій Министръ пишетъ: *вы обладатели морей; Наполеонъ человѣкъ, ему надобенъ отдыхъ.* И — такой *кроткой* языкъ, по видимому, не открылъ глазъ Англійскому Министру! Онъ написалъ въ отвѣтъ, что чистосердечіе его превосходительства многихъ обрадовало въ Лондонѣ. Однакожь передъ окончаніемъ письма упоминаетъ, что твердо положено не вступать въ переговоры безъ Россіи. Французскій Министръ въ первомъ отвѣтѣ своемъ тотчасъ измѣнилъ своему расположенію. Охотники до политическихъ дѣлъ пускай заглянутъ въ книжку, напечатанную въ Лондонѣ. Мы замѣтимъ только, что Французскому правительству не удалось преклонить кабинетъ Сентъ-Джемской, что оно совершенно обнаружило свою политику, и что сношенія и переговоры оно почитаетъ не дорогою къ миру, но средствомъ къ новому хищенію, къ новымъ завоеваніямъ.

Въ самомъ дѣлѣ, чего хотѣло Французское правительство? — Оно знало, что войною не откроетъ себѣ пути къ Мессинской пристани, и потому старалось употребить въ свою пользу наклонность Англіи къ миру. Оно предлагало ему всѣ владѣнія,

которыхъ не могло отнять, и всѣ области, которыя могло удобно занять снова, какъ напримѣръ Ганноверъ — которой однакожь былъ уже уступленъ Пруссіи. Объ Индійскихъ селеніяхъ ничего не сказано. Словомъ, Французское правительство хотѣло не мира, но — Сициліи.

Сенъ-Клудской кабинетъ почувствовалъ, что замыслы его обнаружились, и тотчасъ по прежнему заговорилъ тономъ грознымъ. Извѣстна молва о явномъ намѣреніи завоевать Португаллію.

Тщетные переговоры сіи имѣли слѣдствія, которыя навсегда останутся въ памяти. Пруссія рушила связь свою съ такимъ союзникомъ, которой, отдавши ей область, торговался объ уступкѣ другимъ той же области; союзъ между Россіею и Англіею сдѣлался еще тверже, и кабинетъ Сенъ-Клудской совершенно обнажилъ свое честолюбіе, которое до того времени отчасти скрывать старался.

Еслибъ хранительный сенатъ *хранилъ* хотя тѣнь любви къ отечеству, что долженъ былъ бы онъ сказать о такой перепискѣ, въ которой Министръ говоритъ Англичанамъ *вы обладатели морей*, — въ которой уступаетъ имъ Левантскую торговлю единственно для того, чтобы всѣ дѣла вѣщи Неа-

политанскаго соединить на одной изъ головъ Наполеонскихъ! Что долженъ былъ бы онъ сказать, когда, спустя потомъ шесть мѣсяцевъ, настоящій Наполеонъ вздумалъ тащить 200,000 Французовъ къ берегамъ Вислы, говоря: *здѣсь хочу я завоевать Индійскія селенія*, вздумалъ опустошать Ганзеатическіе города, которые одни только подкрѣпляли Французскую торговлю! Вотъ о чемъ прилично разсуждать Французскому сенату, а не плести утомительныя похвалы, и сочинять школьнымъ слогомъ высокопарныя привѣтствія!

IV.

Извѣстія.

Каковъ удалецъ! Въ Варшавѣ наскоро вышиты знамена, которыя названы Русскими и отправлены въ Парижъ, въ засвидѣтельствованіе одержанныхъ побѣдъ! Между тѣмъ взяты всѣ предосторожности, чтобы никто не догадался о злонамѣренномъ обманѣ. Либертъ, Губернаторъ и Комменданть въ Познани, далъ строжайшее повелѣніе всѣмъ начальствамъ, военнымъ и гражданскимъ, брать подъ караулъ всякаго, кто станетъ распускать *ложныя* вѣсти, то есть противныя выгодамъ великаго войска, великаго народа и вообще всѣхъ вели-

кихъ и малыхъ Наполеоновъ. Обнародовано, что отговорка *я слышалъ* никому не послужитъ въ оправданіе; всякой, кто слышалъ что-нибудь, держанъ будетъ въ тюрьмѣ до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ близнаходящихся Наполеоновъ не рѣшитъ, что должно дѣлать съ такимъ беззаконникомъ — разстрѣлять его, или отрубить ему голову. О семъ напечатано въ 25 нумерѣ Гамбургской *безпристрастной* газеты. — Мы должны упомянуть объ одномъ Губернаторѣ же, надъ которымъ судьба подшутила немилосердо. Этотъ человѣкъ, по несчастію, прозывается Легранъ (Legrand), то есть *великій*. Весело ли бываетъ на сердцѣ Леграну, когда приходитъ ему на мысль, что Бонапарте, проигравши сраженіе, въ досадѣ можетъ осердиться на него за прозвище, и взять подозрѣніе, не кроется ли тутъ какой-либо умыселъ? Бѣдной, пострадаетъ невинно! Съ другой стороны пріятно ли Леграну, зная, какъ всѣ думаютъ о величіи великаго народа, и вообще Наполеоновъ, пріятно ли говорю Леграну безпокоиться, не почитаютъ ли и его великаномъ на ходуляхъ? Какъ бы то ни было, Легранъ издалъ повелѣніе въ Барейтѣ, гдѣ онъ Губернаторомъ, по силѣ котораго *всякой, услышавши что-нибудь новое, тотчасъ долженъ идти къ Леграну, и объявить, отъ кого именно слышалъ; въ противномъ случаѣ будетъ преданъ*

военному суду: — повелѣнія сіи доказываютъ, что истина торжествуетъ, и что всѣ усилія закрыть ее служатъ въ ея же пользу. Строгія запрещенія возбуждаютъ любопытство. Кого обманули одинъ разъ, тотъ скорѣе повѣритъ противной сторонѣ, нежели великодушнымъ своимъ покровителямъ.

*

Храбрый Принцъ Гессенъ-Филипсталь-скій приготовляется высадить войска Англо-Сицилійскія въ Калабріи. — Христофъ, преемникъ Дессалина, принялъ титулъ *начальника*, и велитъ называть себя ваше превосходительство: онъ видно умнѣе Дессалина и Наполеона, и не хочетъ, чтобъ надъ нимъ смѣялись. — Все Австрійское войско находится въ совершенной готовности къ походу; однакожь къ начатію войны нѣтъ никакой вѣроятности. — Подтверждаютъ, что Англія назначила вспомогательныя деньги и войска для своихъ союзниковъ, на твердой землѣ воюющихъ. — Въ Портсмутѣ и Плимутѣ вооружаются флоты. — Здоровье Е. В. Испанскаго Короля со дня на день слабѣетъ.

6 Апрѣля.

КОНЕЦЪ XXXII ЧАСТИ.

При семъ нумерѣ картинка.

ОГЛАВЛЕНІЕ
ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ ЧАСТИ.
МАРТЪ, No. 5.

Стран.

I. *Береговое право* (Драма въ одномъ дѣйствіи). - - 3
II. *Мартышка, показывающая Китайскія тѣни* (Басня). - 41
III. *Сафина Ода.* - - 44
IV. *Идиллія.* - - —
V. *Къ Эдвину.* (М. П. Ю.) - 45
VI. *Замѣчанія на Трагедію: Ермакъ* (письмо къ Издателю). - 46
VII. *Письмо отъ одного Берлинскаго жителя къ Герцогу Брауншвейгскому.* - 55
VIII. *Извлеченіе изъ письма отъ одного Французскаго миссіонирія, пребывающаго въ Китаѣ.* - 63
IX. *Объ ораторскомъ качествѣ покойнаго Фокса.* - - 67
X. *Анекдоты, относящіеся къ исторіи Оттоманской Порты.* - 72
XI. *Замѣчанія.* - - 76

МАРТЪ, No. 6.

I. *Два письма изъ Рима.* - 81
II. *Госпожа Тике.* - - 103
III. *Басни.* - - - 113
IV. *Эпиграммы.* - - 115
V. *О числѣ больныхъ, и о операціяхъ, сдѣланныхъ в Больницѣ*

стран.

ской публичной Больницѣ въ продолженіе 1806 года. - 117

VI. Извѣщеніе о пресловутой побѣдѣ, одержанной Наполеономъ Бонапарте надъ Университетомъ въ Галле, 20 Октября 1806 года по новому стилю. - - 128

VII. Мысли о произшествіяхъ, въ 1806 году случившихся. - 138

VIII. Сокращенное извлеченіе изъ любопытныхъ записокъ о произшествіяхъ, въ Персіи и Грузіи случившихся въ исходѣ минувшаго столѣтія. - - 149

IX. Извѣстія. - - 157

АПРѢЛЬ, No. 7.

I. Прогулка. - - - 161

II. Сонъ Могольца. - - 192

III. Прощанье старика. - - 194

IV. Разговоръ. - - - 195

V. Сонметъ. - - - 196

VI. Перевесть письма отъ Вольтера къ г-ну Даліону, находившегося въ С. Петербургѣ, въ качествѣ Министра отъ Французскаго Двора. 197

VII. Мысли, почерпнутыя изъ Нѣмецкихъ писателей. - - 201

VIII. Иронія. - - - 204

IX. Славные одноокіе. - - 206

Стран.

X. *Смѣсь.* - - - 210

XI. *О хирургическихъ операціяхъ, благополучно сдѣланныхъ г-мъ Надворнымъ Совѣтникомъ, Докторомъ и Операторомъ Мухинымъ внѣ Голицынской публичной Больницы.* 211

XII. *Мысли о произшествіяхъ, въ 1806 году случившихся.* 216

XIII. *Замѣчанія на нѣкоторые нумера Гамбургской газеты.* - 229

XIV. *Взглядъ на политическія отношенія между Россіею и Портою Оттоманскою.* - - 233

XV. *Письмо изъ Мадрита отъ 14 Января.* - - - 237

XVI. *Замѣчаніе о Пультускомъ сраженіи.* 238

АПРѢЛЬ, No. 8.

I. *Прогулка.* - - - 241

II. *Стихи на случай вызова отставныхъ солдатъ для служенія отечеству.* - - - 274

III. *Басни.* - - - 278

IV. *Письмо изъ города* N. N. *въ столицу.* - - - 293

V. *Изъясненіе картинки.* - 306

VI. *Сардинія.* - - 307

VII. *Краснорѣчивая телуха.* - 309

II. *Дополненіе къ мыслямъ о произшествіяхъ 1806 года.* - 310

Извѣстія. - - 315

къ № 8. Вѣст. Европы. 1807.

Зверинцовая мода.